18+

Сакен Ардабаев

Финал

Сакен Ардабаев

Финал

«Издательские решения»

Ардабаев С.

Финал / С. Ардабаев — «Издательские решения»,

Эта книга — захватывающая история невероятного путешествия через страны, эпохи и события, которые навсегда меняют жизнь главного героя. От первых рискованных сделок и стремительного взлёта в бизнесе до встреч с легендарными музыкантами, мировыми знаменитостями и влиятельными людьми своего времени. Вместе с любимой супругой он проходит через испытания, роскошь, опасные авантюры и головокружительные приключения на суше и в океане.Книга содержит нецензурную брань.

© Ардабаев С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 16
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 26
Глава 11 29
Глава 12 32
Глава 13 35
Глава 14 38
Глава 15 40
Глава 16 43
Глава 17 45
Глава 18 47
Глава 19 50
Глава 20 52
Глава 21 55
Глава 22 58
Глава 23 60
Глава 24 62
Глава 25 64
Глава 26 66
Глава 27 68
Глава 28 70
Глава 29 72
Глава 30 74
Глава 31 76
Глава 32 78
Глава 33 80
Глава 34 82
Глава 35 84
Глава 36 87
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Финал

Сакен Ардабаев

© Сакен Ардабаев, 2026

ISBN 978-5-0070-5278-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я умер во вторник. По крайней мере, мне так показалось. Утро начиналось совершенно обычно. Пенсия пришла ещё неделю назад, коммуналка была оплачена, продукты закуплены. Я сидел в своём старом кресле возле окна и слушал очередную аудиокнигу. История про попаданца в Российскую империю. Молодой герой менял ход истории, строил заводы, обманывал врагов и завоёвывал сердца красавиц. Я усмехнулся. Мне было семьдесят два года. Какие уж тут приключения? Жизнь прожита. Работал, растил детей, хоронил родителей, радовался внукам. Всё как у миллионов других людей. За окном моросил дождь. Диктор в наушниках как раз рассказывал о том, как герой после смерти очнулся в новом теле. Повезло мужику, пробормотал я. В груди кольнуло. Сначала слегка. Потом сильнее. Я потянулся к телефону. Не успел. Боль вспыхнула раскалённым железом, дыхание оборвалось, комната поплыла перед глазами. Последнее, что я услышал, был голос диктора: И тогда он открыл глаза в совершенно другом мире… Темнота. Сознание возвращалось медленно. Похоже, судьба решила дать мне второй шанс. И на этот раз я собирался использовать его намного лучше, чем первый. Дыхание было ровным, тело не болело. Я ещё раз взглянул на свои руки, потом на крепкое молодое тело. Улыбка сама собой озарила лицо. Молодой. Здоровый. Впереди вся жизнь. От этой мысли хотелось смеяться и кричать от счастья. Товарищ, ты чего? раздался рядом женский голос. Я поднял голову. Возле скамейки стояли несколько ребят и девушка. Судя по обеспокоенным лицам, вид у меня был не самый лучший. Да что-то голова закружилась, признался я. Девушка тут же присела рядом. Как тебя зовут? На секунду я растерялся. Имя настоящего хозяина тела я ещё не знал, а своё старое называть не хотелось. Дима, ответил я после короткой паузы. Девушка внимательно посмотрела на меня. Есть хочешь? От этого вопроса желудок предательски заурчал. Ребята переглянулись. Пошли, накормим человека. Не успел я отказаться, как меня уже подхватили под руки и повели в студенческую столовую. Внутри пахло свежей выпечкой, супом и жареными котлетами. От запахов у меня едва не закружилась голова сильнее прежнего. Через несколько минут передо мной стоял поднос с едой. Я смотрел на ребят и не знал, о чём говорить. Когда-то я был таким же молодым, но это было больше полувека назад. Ты откуда приехал? спросил один из парней. Поступать приехал, ответил я, уплетая котлету с пюре. Не получилось. Провалился. Теперь до следующего года ждать придётся. Надо как-то перекантоваться в Москве. Ложь далась удивительно легко. Впрочем, правду всё равно никто бы не поверил. Ощущение собственной молодости кружило голову сильнее любого вина. Я отвечал на вопросы невпопад, всё время ловя себя на мысли, что могу спокойно ходить, бегать, дышать полной грудью и ничего не болит. А деньги у тебя есть? спросила девушка, которую, как выяснилось, звали Лена. Я как раз доедал пюре. Запив обед сладким компотом, покачал головой. Не особо. И жить тебе негде? поинтересовался второй парень. Пока нет. За столом повисла тишина. Я усмехнулся. Мир полон добрых людей. Прорвёмся. Лена улыбнулась. Я подмигнул ей. Девушка неожиданно смутилась и отвела взгляд. А я едва не рассмеялся. В семьдесят два года на меня женщины уже давно так не смотрели. Руки, ноги целы. Не пропаду, успокоил я компанию. А за кормёжку спасибо. Разбогатею обязательно отплачу. Ребята дружно рассмеялись.

Не переживай, сказал кто-то из них. Москва всем даёт шанс. Я посмотрел в окно столовой. За стеклом шумел огромный город. Миллионы людей куда-то спешили, строили планы, влюблялись, зарабатывали деньги, проигрывали и побеждали. И впервые в жизни у меня было чувство, что всё только начинается.

Глава 2

Ребята, возьмите его к себе в общагу, попросила Лена. Как это возьмите? возмутились они. Он что, кошка, чтобы его просто так привести? Там комендантша засечёт, и нам попадёт. Лена вскочила из-за стола. Если вы не можете его приютить, то я возьму его к себе! Она протянула мне руку, и мы вышли из зала. Конечно ей легко сказал один из парней дочь полковника москвичка. Протопав несколько кварталов, я увидел громадную высотку на Котельнической набережной. Помпезное и величавое здание возвышалось над окружающими домами, словно памятник ушедшей эпохе. Будешь жить у нас, проговорила Лена, словно успокаивая саму себя. Мы вошли в подъезд, поднялись на лифте и оказались перед массивной дверью квартиры. Лена открыла её своим ключом и решительно шагнула внутрь. Мам, это Дима. Он поживёт у нас. Ему негде жить, выпалила она с порога. Женщина, вышедшая из комнаты, удивлённо посмотрела сначала на дочь, потом на меня. Я невольно выпрямился под её внимательным взглядом. Женщина внимательно посмотрела на меня. Я невольно выпрямился под её взглядом. За свою жизнь мне доводилось общаться и с начальниками, и с чиновниками, и с бандитами в девяностые, но почему-то сейчас я чувствовал себя провинившимся школьником. Леночка, спокойно произнесла она, может, объяснишь, что происходит? Мам, человеку негде жить, торопливо заговорила Лена. Он приехал поступать, не поступил, денег почти нет. Не на улице же ему ночевать. Женщина вздохнула. И поэтому ты решила привести в дом совершенно незнакомого человека? Он хороший. Откуда ты знаешь? Лена замялась. Просто знаю. Я решил вмешаться. Здравствуйте. Меня зовут Дмитрий. Простите за такое вторжение. Если это создаст неудобства, я уйду. Женщина перевела взгляд на меня. И куда вы пойдёте? Вот тут я и задумался. А действительно, куда? Денег нет. Документов нет. Знакомых нет. Только молодое тело и память старого пенсионера. Пока не знаю, честно признался я. Мать Лены внимательно посмотрела мне в глаза и неожиданно улыбнулась. Хотя бы не врёте сказала она успокаиваясь. Смысла нет промямлил я. Это уже хорошо произнесли она покачивая головой. Она ещё несколько секунд размышляла, затем махнула рукой. Ладно. Сегодня переночуете у нас. А завтра будем думать, что делать дальше. Мам! радостно вскрикнула Лена. Только без глупостей, строго добавила женщина. Конечно! ответила Лена. Я облегчённо выдохнул. Похоже, первую проблему удалось решить. Меня зовут Ольга Сергеевна, представилась хозяйка квартиры. Раз уж живёте под моей крышей, рассказывайте о себе. И вот тут начались сложности. Пришлось на ходу придумывать биографию. Небольшой городок. Неудачная попытка поступления. Сложности с деньгами. Потерянные документы. Ольга Сергеевна слушала внимательно, иногда задавая вопросы. К счастью, за семьдесят два года жизни я научился выглядеть убедительно. Наконец она кивнула. Ладно. Время покажет.

Лена тут же подхватила меня за руку. Пойдём, покажу квартиру. Мы прошли длинным коридором. Комнаты здесь были огромные. Высокие потолки, старинная мебель, книжные шкафы до самого верха. Я остановился возле окна. Внизу раскинулась вечерняя Москва. Огни машин, освещённые улицы, силуэты домов. Красивый город. В своей прошлой жизни я редко замечал эту красоту. Всё время куда-то спешил, работал, решал проблемы. А сейчас стоял и смотрел. Смотрел глазами двадцатилетнего парня. И вдруг понял одну простую вещь. У меня больше нет семидесяти двух лет за спиной. У меня снова есть будущее. Мне всё ещё хотелось есть. Молодой организм требовал добавки, а съеденный в столовой обед словно растворился без следа. Но Лена покачала головой. Подождём папу. Он скоро придёт. Я только пожал плечами. В квартире постепенно сгущались сумерки. Ольга Сергеевна накрывала на стол, Лена время от времени выглядывала в окно. Наконец в прихожей хлопнула дверь. В квартиру вошёл высокий широкоплечий мужчина в форме. Погоны полковника сразу бросились мне в глаза. Лицо у него было мрачное, словно высеченное из камня. Он даже не посмотрел по сторонам.

Молча снял фуражку, расстегнул китель и направился в ванную. В квартире повисла напряжённая тишина. Папа сегодня не в настроении, шепнула Лена. Я и сам это видел. Вернувшись из ванной, мужчина тщательно вытер руки полотенцем и сел за стол. Только тогда я заметил, насколько он устал. Под глазами залегли тени, а взгляд был тяжёлым и каким-то отсутствующим. Лена осторожно попыталась представить меня: Пап, это Дима… Полковник словно не услышал. Он сидел, глядя в одну точку. Ольга Сергеевна поставила перед ним тарелку. Что случилось? Мужчина медленно поднял голову. У меня ЧП на базе. От этих слов всем стало не по себе. Даже Лена сразу замолчала. Полковник взял ложку, но есть не спешил. Серьёзное? тихо спросила жена. Он кивнул. Очень. Больше никто вопросов задавать не стал. Мы с Леной быстро поужинали и вышли из кухни. Она показала мне комнату, где я должен был ночевать. Но любопытство не давало покоя. Через неплотно закрытую дверь доносились обрывки разговора. Авария… Шахта… Комиссия уже выехала… Что теперь будет?.. Если подтвердится… Дальше голос полковника стал совсем тихим. Я прислушался. Слово «шахта» почему-то сразу насторожило меня. За свою долгую жизнь я много читал и слушал новостей. Обычно такие разговоры не заканчивались ничем хорошим. В кухне снова повисла тишина. Затем раздался тяжёлый вздох хозяина дома. Лишь бы без жертв, глухо произнёс он. От этих слов по спине пробежал холодок. А я вдруг понял, что оказался в семье человека, который имеет отношение к чему-то очень серьёзному. И, похоже, неприятности только начинались.

Глава 3

Мне постелили в зале, и я, едва коснувшись головой подушки, сразу уснул. Разбудил меня полковник. Я быстро умылся и прошёл на кухню. На столе уже стояли чайник и несколько бутербродов. Меня зовут Вадим Иванович, представился он. Тебе негде жить, и есть желание поступать в следующем году? Я кивнул. Есть. Тогда поживёшь пока на моей даче. Поохраняешь, так сказать. Справишься? Я закивал головой ещё энергичнее. Конечно. Через час старенький УАЗ уже вёз меня за город. Как жить и что делать думал я. Но ни к чему не пришёл. Пусть будет как будет. Пока под крылышком полковника не страшно. Когда мы приехали, солдаты, которые что-то доделывали на участке, быстро собрались и уехали обратно в часть. А я остался один охранять дачу. Первым делом решил обследовать свои владения. В подвале обнаружились три мешка картошки, несколько ящиков тушёнки и целые ряды банок с болгарскими консервами. Отдельно стояли банки с вареньем, компотами и прочими сладостями. С голоду не помру, довольно пробормотал я. Осмотрев запасы, выбрался во двор. Баня находилась в стадии строительства. Стены уже стояли, но внутри ещё шли работы. В подсобке, кроме стройматериалов, я обнаружил защитный химический комбинезон и сеть с крупной ячею. Ага… Значит, солдатики тут ещё и рыбачили. Спустившись к нижней границе участка, я открыл небольшую калитку и вышел к реке. Возле деревянного причала покачивалась старая плоскодонка. Речка была неширокой, но рыба здесь явно водилась. Берег был усыпан рыбьей чешуёй. Сама дача тоже ещё не была достроена. В одной из комнат я нашёл матрас и электрическую плитку. Сначала решил пожарить картошку, но потом стало лень её чистить. Вместо этого достал банку тушёнки и поставил разогреваться. Когда банка раскалилась, я скинул её с плитки и попытался открыть. Естественно, она оказалась горячей. Пришлось ждать. Но голод оказался сильнее осторожности. Я ткнул ножом в крышку. С шипением вырвался горячий пар и обжёг мне палец. Да чтоб тебя! Я затряс рукой в воздухе, вспоминая весь свой богатый жизненный опыт. Пока возился с пальцем, банка остыла. Открыв её, я обнаружил внутри перловую кашу с мясом. Через несколько минут от содержимого не осталось ни крошки. Живот приятно наполнился теплом. Пока окончательно не стемнело, я достал из подсобки сеть, отнёс её в лодку и, взяв вёсла, переплыл на другой берег. Осмотревшись, решил не мудрить. Стал спокойно ставить сеть вдоль зарослей камыша. Когда привязывал последний конец сети к стеблям, уже почти стемнело. Вернувшись обратно, я привязал лодку, забрал вёсла и спрятал их в подсобке. Выходя со двора, заметил возле калитки блеск кокарды. На мгновение подумал, что полковник прислал кого-то помочь. Но возле забора стоял молодой лейтенант. Здравия желаю, представился он. Здравствуйте, ответил я. Страха не было. Лейтенант внимательно осмотрел меня. Где полковник? Спросил он окинув меня взглядом. В Москве ответил я из за калитки. А ты кто такой? Спросил он. Дачу охраняю ответил я. Он хмыкнул. Документы есть? Спросил он строже. Есть ответил я. Где? Спросил он превращая допрос в фарс. Тоже в Москве ответил я и вышел из за калитки. Лейтенант посмотрел на меня ещё подозрительнее. А почему мокрый? Я усмехнулся. Хочешь анекдот? Он нахмурился, но было видно, что допрашивает меня больше для порядка. На самом деле осторожничал. Всё-таки на даче полковника случайные люди не появляются. Лейтенант снял фуражку и сел на лавочку. Я присел рядом. Он протянул пачку сигарет. Я взял одну. Несколько минут мы молча курили. Потом я затянулся и начал: Идёт, значит, участковый и видит мужика. Тот весь мокрый. Участковый смотрит на чистое небо, потом спрашивает: Это что, дождь был? А мужик ухмыляется и отвечает: Нет. Это ветер. Лейтенант несколько секунд напряжённо соображал. Потом до него дошло. Он громко расхохотался и хлопнул себя по колену. Дождь… ветер… А-а-а, понял! Отсмеявшись, он покачал головой. Ну ты даёшь, охранник. А подозрения в его взгляде заметно поубавилось. Насмеявшись, лейтенант вдруг снова стал серьёзным.

Я участковый, заявил он и внимательно посмотрел на меня. По дачному посёлку особо не расхаживать, понял? Понял ответил я. Это согласовано с товарищем полковником. Он попросил меня за вами присматривать. Хорошо, ответил я. Участковый ещё раз хмыкнул, явно вспоминая анекдот, поправил фуражку и неторопливо пошёл по улице. Я закрыл калитку и вернулся в дом.

Глава 4

Усталость навалилась неожиданно. Слишком много событий для одного дня. Я упал на матрас и почти сразу уснул. Проснулся на рассвете. Сквозь окно пробивался бледный свет. Лежа на спине, я долго смотрел в потолок. Теперь это ощущалось ещё отчётливее. Я действительно попал в другое время. Вещи вокруг были привычными и одновременно чужими. Ватный матрас. Постельное бельё с печатями воинской части. Железная кружка на табуретке. Обычная лампочка под потолком на скрученной проводке. Никаких телефонов, компьютеров и прочих привычных вещей из моей прошлой жизни. Я вышел во двор. В соснах заливались соловьи. Воздух был свежим и прохладным. Пахло смолой, рекой и мокрой травой. Потянувшись, я снова ощутил силу молодого тела. Ничего не болело. Не хрустела спина. Не ломило суставы. От одного этого хотелось улыбаться. Вспомнив про сеть, я решил проверить улов. Попадаться участковому с незаконной рыбалкой не хотелось. Взяв вёсла, я быстро добрался до лодки и переплыл на другой берег. Сложив одно весло, начал осторожно выбирать сеть. Она была метров тридцать длиной. Вдруг верёвка в руках дёрнулась. Сердце радостно подпрыгнуло. Добравшись до места, я увидел серебристый всплеск. Щука. Килограмма на полтора. С трудом выпутав её из сети, я бросил добычу на дно лодки. Рыба яростно забилась, грохоча хвостом по доскам. Больше ничего не попалось. Но и этому улову я был рад. Я уже собирался вставлять вёсла в уключины, когда заметил светлую фигурку возле причала. Я оттолкнулся веслом от берега. Девушка без одежды. Она стояла на мостках, а потом вдруг нырнула в воду. Я невольно засмотрелся. Лодку медленно развернуло течением. Девушка уверенно плыла прямо в мою сторону. Окликнуть её значит напугать. Не окликнуть столкновение неизбежно. К счастью, лодку развернуло боком. Увидев её перед собой, девушка испуганно взмахнула руками. Вот чёрт! Напугал! Крикнула она. Потом внимательно посмотрела на меня. Ты что, новенький? Да ответил я. Она подплыла ближе. Молодая. Лет двадцать пять. Светлые волосы намокли и прилипли к плечам. Рыбу поймал? Спросила она весело. Поймал ответил ей в тон я. Хорошо бросила она мне и поплыла. Она кивнула в сторону соседней дачи. Через полчаса приходи. Поедим. Сказала так просто, словно мы были знакомы сто лет. После чего развернулась и поплыла обратно. Я ещё некоторое время смотрел ей вслед. Потом привязал лодку. Уже собирался идти домой, но вспомнил про запах рыбы. Вернулся к берегу и почистил щуку прямо возле воды и оставил ее на досках. Только после этого направился на участок. Через полчаса, умывшись и переодевшись, я прошёл через заднюю калитку к соседней даче. Ещё на подходе почувствовал запах жареной рыбы. У меня сразу заурчало в животе. Дверь была распахнута. Войдя внутрь, я увидел стол. На большой тарелке лежали куски жареной щуки, посыпанные кольцами свежего лука. Девушка резала хлеб и внимательно меня разглядывала. Из одежды на ней теперь был только кухонный фартук. Садись, сказала она. Я молча поставил на стол две банки тушёнки. Она сразу заметила их и одобрительно улыбнулась. Полезный человек. Мы принялись за еду. Рыба оказалась невероятно вкусной. Несколько минут мы ели молча. Потом девушка протянула руку. Маша. Дима. Оказалось, что она аспирантка и помогает профессору готовить научную работу по археологии. Профессор жил в Москве, а лето проводил здесь. А дачу полковника я давно знаю, рассказывала она. Её ещё солдаты строили. Постоянно ко мне бегали. То за водой, то за солью. Иногда тушёнкой делились. Она лукаво посмотрела на банки. В следующий раз принеси болгарское лечо попросила она. Договорились согласился я. Маша рассмеялась. Потом подошла к умывальнику и стала мыть руки. Я невольно проводил её взглядом потому что кроме фартука на ней ни чего не было. В моем мозгу 72 летнего старика который жил уже пять лет без секса и десять лет без хорошего секса поплыли круги. Она явно это заметила. Потому что через плечо поймала мой взгляд и улыбнулась уголком губ. Словно проверяла, насколько сильно молодой парень отличается от тех солдатиков. Но не найдя отличая

она подошла ко мне и глядя в мои восхищенные глаза села на мой набухший член.. Ее упругие груди коснулись моего лица и мне этого было достаточно. подхватив ее на руки я понес ее на кровать. Положив ее на постель я присел рядом и осыпал ее поцелуями. Как ты прекрасна Маша восхищался я не отрывая своих губ от ее тела. Она со вздохом притянула меня к себе не томи душу шептала она возбужденным голосом. Это был превосходный секс которого у меня не было уже двадцать лет. Мои пальцы касались ее тела обводя ее изгибы и скоро пришло повторное возбуждение и она мне не отказала. Мокрые от пота и страсти мы откинулись смеясь на спины. А ты самец восторженно произнесла она. Не ожидала. Она присела на край кровати и оглядев меня спросила ты с нового призыва. Нет я студент придерживался я своей легенды. Студент? удивилась Маша. Нет, признался я. Не поступил. Поэтому сейчас я просто сторож дачи полковника. Она расхохоталась так заразительно, что я сам невольно улыбнулся. Сторож? Вот уж не ожидала. Маша неожиданно обняла меня за плечи. Сторож до следующей сессии? Да, кивнул я. Она немного отстранилась и внимательно посмотрела мне в лицо. Значит, целый год проживёшь здесь? Похоже на то. Я сказал это спокойно, хотя сам прекрасно понимал своё положение. Без документов, без денег и без прошлого я был привязан к этой даче гораздо сильнее, чем хотел признавать. Маша задумчиво постучала пальцем по столу. А тебе не скучно будет? Я усмехнулся. После смерти скука меня уже не пугает. После чего? Спросила она не понимая. После… провала на экзаменах, быстро поправился я. Она подозрительно прищурилась. Странный ты. Сам знаю ответил я. Маша снова улыбнулась. Потом подошла к окну и выглянула на реку. Солнце уже поднялось над соснами. Вода сверкала золотыми бликами. А знаешь, задумчиво произнесла она, может, это даже хорошо. Что хорошо? Спросил я. Что ты здесь останешься произнесла она задумчиво. Это ещё почему? Спросил я. Она пожала плечами. Тут летом скучно. Профессор приезжает только по выходным. Соседи появляются редко. А теперь будет хоть с кем поговорить. То есть я назначен официальным собеседником? Спросил я ложа руку ей на бедро. Именно ответила она и убрала мою руку со своего тела. Ответственная должность сказал шутливо я. Не менее ответственная, чем сторож дачи полковника добавила она. Мы рассмеялись. После завтрака я помог ей убрать со стола. Маша без церемоний нагрузила меня тарелками и отправила носить воду из колонки. При этом командовала так уверенно, словно знала меня много лет. Странно, но меня это совершенно не раздражало. Наоборот. После одиночества последних лет моей прошлой жизни человеческое общение казалось настоящей роскошью. Когда с уборкой было закончено, мы вышли на веранду. Маша устроилась на ступеньках и подставила лицо солнцу. Дима. Что? Спросил я. А кем ты хотел стать? Вопрос оказался неожиданным. Я задумался. Кем я хотел стать в двадцать лет? Кем хотел стать в сорок? В шестьдесят? Слишком многое уже произошло в той жизни. Слишком многое оказалось неважным. Если честно, медленно ответил я, сейчас я просто хочу жить. Она посмотрела на меня удивлённо. Странный ответ для молодого человека. Я улыбнулся. А мне кажется, самый правильный. Некоторое время мы сидели молча. Ветер шевелил листву. Где-то на реке плескалась рыба. А я смотрел на утреннее солнце и думал о том, что впервые за много лет никуда не спешу. У меня впереди был целый год. И целая новая жизнь.

Глава 5

Ну ладно, ты мне не мешай, произнесла Маша деловито. А то мне профессор поручил написать книгу. Книгу? переспросил я. О чём? Не знаю. О чём-нибудь новом ответила она. Я удивлённо уставился на неё. Подожди. Как это поручил? Ты что, пишешь за него? Конечно! возмутилась она. А ты как думал? Вообще-то я думал, что профессор сам книги пишет произнес я. Наивный ты человек, Дима. Она уселась на ступеньку и скрестила руки на груди. Кто я такая? Простая аспирантка. Мои статьи никто даже читать не станет. А профессор величина. Что он ни напишет, всё напечатают, обсудят и будут цитировать. И часто так бывает? Спросил я. Чаще, чем ты думаешь ответила она. Я невольно усмехнулся. За семьдесят два года прошлой жизни я видел многое. Но слышать подобное от человека, который говорил об этом совершенно спокойно, было всё равно непривычно. И что же за книгу он хочет? Вот в том-то и проблема. Ему нужно что-то новое. Не очередная археологическая монография про черепки и древние курганы. А что тогда? Спросил я не понимая. Не знаю ответила она устало он сказал подумай а не то подумают другие. Она вздохнула и подняла с пола толстую папку с листами. Сказал подумать над перспективной темой. Чтобы было интересно людям. Чтобы читалось легко. Чтобы были факты и неожиданные выводы. Я задумался. В голове человека из будущего неожиданно всплыли десятки идей. История повседневной жизни. Технологии. Тайны древних цивилизаций. Экономика. Психология. Да мало ли что станет популярным через несколько десятилетий. А если написать не про царей и войны? осторожно предложил я. А про кого? Спросила она. Про обычных людей ответил я. Маша удивлённо подняла брови. В каком смысле? Ну вот смотри. Все пишут про полководцев, министров и академиков. А как жили простые люди? Что ели? Сколько зарабатывали? Как знакомились? Что покупали на рынке? Как строили дома? Она задумалась. Вообще-то… пишут про коммунистов и достижения партии. Или собрать истории стариков по деревням. Пока они ещё живы. Через несколько десятилетий многое забудется. Маша медленно выпрямилась. Продолжай. Я понял, что попал в цель.

Людям интересны люди. Не только даты и битвы. Интересно узнать, как на самом деле жили их деды и прадеды. Она уже не перебивала. Схватила карандаш и начала что-то быстро записывать. История через воспоминания… пробормотала она. Быт, традиции, привычки… Именно. А ведь такого почти никто не делает… Я едва сдержал улыбку. В моё время подобные книги будут продаваться огромными тиражами. Маша вдруг вскочила со стула. Дима! Что? А ты не такой простой сторож, каким хочешь казаться. Я пожал плечами. Просто люблю читать. Нет, тут что-то другое. Она прищурилась. А я мысленно выругался. Похоже, увлёкся и опять выдал слишком умную мысль для провалившего экзамены абитуриента. Маша ещё некоторое время смотрела на меня с любопытством, потом махнула рукой. Ладно. Иди сторожить свою дачу. Это приказ? Это просьба будущего великого автора. Тогда подчиняюсь. Она рассмеялась и снова склонилась над бумагами. А я вышел на улицу. Солнце уже поднялось высоко. Пахло нагретой сосновой смолой. Где-то за рекой куковала кукушка. Я медленно пошёл к своей даче, размышляя о том, что даже в новом мире и новом теле привычка давать советы никуда не делась. День был в самом разгаре. Я ещё раз обошёл участок, собрал разбросанный мусор, подмёл дорожки и сложил в одну кучу обрезки досок и строительный хлам. Закончив с хозяйственными делами, вернулся в дом. На плитке всё ещё стояла открытая банка тушёнки. Я разогрел её и с аппетитом пообедал. После еды от нечего делать принялся изучать содержимое подвала. На удивление, на всех банках было подробно написано, что находится внутри. Тушёнка. Каша. Зелёный горошек. Маринованные овощи. И несколько ящиков болгарского лечо. Тут я вспомнил просьбу Маши. В своей прошлой жизни я знал, что в восьмидесятые импортные болгарские консервы считались настоящим дефицитом. Особенно лечо. Теперь стало понятно,

почему она просила именно его. Я отложил четыре банки отдельно. За этими размышлениями незаметно задремал прямо на матрасе. Проснулся уже в полной темноте. За окном стрекотали сверчки. Где-то над рекой квакали лягушки. Я нащупал фонарик, взял приготовленные банки и через заднюю калитку направился к соседней даче. Дверь оказалась приоткрыта. Маша? Ответа не последовало. Я вошёл внутрь. Маша сидела за столом. Перед ней лежала раскрытая папка с исписанными листами. По щекам текли слёзы. Я остановился на пороге. Что случилось? Она подняла на меня покрасневшие глаза. Приезжал профессор. И? спросил я. Маша горько усмехнулась. Прочитал всё, что я написала. Я поставил банки на стол. И что сказал? Спросил я. Что это чушь. Она всхлипнула. Назвал меня бездарностью. Потом сказал, что мои рассказы про дачников никому не нужны. Что это не наука, а какие-то бытовые сплетни. Я молча слушал. Маша продолжала: А потом вообще заявил, что я занимаюсь чеховской пропагандой. Какой ещё пропагандой? Не понял я. Потому что я написала о том, как обычные люди живут и что думают. Сказал, что это чуждый подход и что мне лучше заниматься раскопками, а не сочинительством. Она нервно вытерла глаза. Я два месяца работала. Два месяца. И всё зря. Некоторое время в комнате было тихо. Я посмотрел на разбросанные листы. Потом сел напротив. А знаешь, что я думаю? произнес я задумчиво. Что? спросила она Если человеку нечего критиковать, кроме автора, значит с текстом всё в порядке. Маша невесело улыбнулась. Красиво звучит. Потому что это правда.

Она покачала головой. Ты не понимаешь. Это профессор. От него зависит моя защита, рекомендации, вся карьера. Я задумался. В прошлой жизни мне встречались такие люди. Большие начальники. Знаменитые учёные. Уважаемые специалисты. Некоторые из них действительно были талантливы. А некоторые просто боялись всего нового. Маша произнес я раздумывая. Что? Изумилась она. Когда изобрели самолёт, многие учёные доказывали, что человек летать не сможет. Она посмотрела на меня. И что? Когда появились автомобили, умные люди писали статьи, что они никогда не заменят лошадей. И? А когда появляются новые идеи, первые люди, которые их ругают, обычно уже чего-то достигли и боятся перемен. Маша неожиданно замолчала. Ты сейчас серьёзно? Абсолютно. Она посмотрела на свои листы. Потом на меня. Потом на четыре банки лечо. Это мне? Ты же просила. Маша шмыгнула носом и впервые за вечер улыбнулась. Дурак ты, Дима. Возможно. Она вдруг рассмеялась сквозь слёзы. Пришёл среди ночи с лечо и лекцией по философии. Я сторож. Это входит в обязанности. Какие ещё обязанности? Следить, чтобы соседние аспирантки не плакали. На этот раз она засмеялась уже по-настоящему. И мне показалось, что в комнате сразу стало светлее. Она прижалась ко мне и увлекла к себе. Секс был обворожительным. Вокруг смятые листы которые прилипали к нашим телам. Взяв фломастер я нарисовал на ее груди ракету и звезды. Эта планета тут живешь ты произнес я задумчиво. А на этой груди живу я и нарисовал человечка в скафандре. И чтобы нам встретиться, необходимо раздобыть топливо… Маша вдруг замерла. Потом медленно поднялась. Её глаза становились всё больше. Точно! Что точно? не понял я. Фантастика! Она так громко это выкрикнула, что я даже вздрогнул. Нам нужна фантастика! Теперь она уже ходила по комнате взад-вперёд, размахивая руками. Представляешь? Профессор археологии пишет не о прошлом, а о будущем! Это же будет настоящий фурор! Я наблюдал за ней с улыбкой. Минуту назад она плакала. Сейчас её буквально распирало от новой идеи. Профессор будет в восторге, продолжала она. Нет, сначала будет ругаться. Потом прочитает. Потом снова будет ругаться. А потом обязательно согласится! Она резко остановилась передо мной. Ты знаешь что-нибудь о фантастике? Немного. Немного? прищурилась она. Для хорошей фантастики нужна научная база. Знание физики, техники, психологии. Просто придумать космический корабль мало. Маша мгновенно схватила карандаш. Продолжай. Допустим, люди полетели к другой звезде. Так. Нужно объяснить, как они туда долетели. Чем дышат. Что едят. Как устроен корабль. Какие проблемы возникают в пути. Она быстро записывала. Дальше. Я задумался. В памяти всплывали сотни прочитанных книг. Или можно написать про

будущее Земли. Например? Города, где большинство работы выполняют машины. Карандаш Маши замер. Какие машины? Умные. Насколько умные? Настолько, что могут разговаривать с людьми. Она рассмеялась. Ну это уже сказка. Я тоже усмехнулся. Если бы она знала… Ладно. Тогда представь устройство размером с книгу. Радио? Нет. Человек носит его с собой. Через него можно позвонить в любой город страны. Без проводов? Без проводов. Маша уставилась на меня. Ты сейчас серьёзно? А почему нет? Потому что это невозможно. Именно поэтому это фантастика. Она задумалась. Потом медленно села обратно за стол. Слушай… А ты точно не студент-физик? Нет. Тогда откуда у тебя такие идеи? Я пожал плечами. Много читал. Это был самый безопасный ответ.

Маша подозрительно посмотрела на меня, но спорить не стала. Значит, так, решительно заявила она. Завтра начинаем работать. Кто это мы? Мы. Вообще-то я сторож. А теперь ещё и консультант по будущему. Меня никто не спрашивал. Уже спросили. Она открыла чистую тетрадь. На первой странице крупными буквами вывела: «Люди будущего». Потом посмотрела на меня. Ну что, товарищ сторож, рассказывай, каким будет двадцать первый век. Я едва не поперхнулся. Если бы она знала, насколько интересным окажется ответ на этот вопрос. Она поцеловала меня в губы. А после того как ты расскажешь удивительную историю ты получишь умопомрачительный секс заявила она.

Глава 6

Я рассказывал ей о будущем. Осторожно. Отрывками. Так, словно сам придумывал всё на ходу. О больших вычислительных машинах, которые однажды смогут выполнять работу целых институтов. О телевидении, которое станет цветным. О поездах, способных развивать невероятную скорость. О том, что люди будут летать в космос не поодиночке, а целыми экипажами. О городах, где дома вырастут до небес. О магазинах, в которых можно будет купить практически всё. Разумеется, многое приходилось скрывать. Слишком невероятными выглядели бы рассказы о компьютерах размером с ладонь или всемирной сети связи. Да и сам я ещё не понимал, в каком именно году оказался. Поэтому говорил осторожно. Как фантаст. Как мечтатель. Как человек, который просто любит читать книги. Но даже эти обрывки производили на Машу огромное впечатление. Она сидела напротив, подперев подбородок руками, и слушала так внимательно, будто перед ней выступал академик. Иногда что-то записывала. Иногда спорила. Иногда смеялась. А иногда просто смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Нет, такого не будет, заявила она, когда я упомянул о карманном устройстве связи. Почему? Потому что тогда люди вообще перестанут писать письма. Возможно. И перестанут ходить друг к другу в гости. Тоже возможно. Ужас какой. Я рассмеялся. Зато можно будет поговорить с человеком за тысячи километров. Всё равно ужас. Мы просидели почти до полуночи. Наконец Маша захлопнула тетрадь. Всё. Что всё? На сегодня хватит. Она потянулась и сладко зевнула. Потом вдруг посмотрела на меня совершенно другим взглядом. Не как на сторожа. И не как на случайного знакомого. Скорее как на человека, без которого её новый замысел уже невозможно было представить. Спасибо, тихо сказала она. За что? За то, что не дал мне сегодня окончательно поссориться с профессором и со всем миром. Обращайся. Она улыбнулась. Потом подошла ближе. Слишком близко. Я почувствовал запах её мокрых после умывания волос. Маша некоторое время молчала. А затем неожиданно поцеловала меня в щёку. Это аванс, товарищ консультант по будущему. Я невольно улыбнулся. Скромный аванс. Не наглей, сторож. Даже не думал. Врёшь. Она рассмеялась и легонько толкнула меня в плечо. Но в её глазах уже плясали весёлые искорки. Похоже, идея книги о будущем нравилась ей всё больше. А меня, как оказалось, даже за отрывочные рассказы о грядущих временах ожидало весьма приятное вознаграждение. Возвращаясь ночью к своей даче, я поймал себя на мысли, что впервые за очень много лет иду домой с совершенно мальчишеской улыбкой. В семьдесят два года такого со мной уже не случалось. А вот в двадцать вполне. Я засыпал на своём матрасе с мыслями о Маше и проведённом вечере. Перед глазами стояла её улыбка. Потом вспоминались её горящие глаза, когда она записывала мои рассказы о будущем. Потом снова улыбка. А потом я незаметно уснул. Проснулся ещё до рассвета. Некоторое время лежал, глядя в потолок. И вдруг меня осенило. Зачем понемногу подбрасывать Маше отдельные идеи из будущего? Почему бы не рассказать ей готовый сюжет? Ведь в моей памяти оставались десятки прочитанных книг. Сотни. Фантастика, детективы, приключения. Я даже сел на кровати от неожиданности. Потом задумался. Не всё было так просто. Большинство книг я помнил смутно. Где-то отдельные сцены. Где-то только концовку. Где-то вообще лишь общее впечатление. Помнил, что когда-то читал великие романы будущих десятилетий, но пересказать их слово в слово не смог бы даже под угрозой расстрела. Да и не хотелось мне превращаться в банального вора чужих текстов. Нет, идея была в другом. Взять лучшее. Замысел. Необычный мир. Интересную научную догадку. И создать что-то новое. Что-то своё. Я поднялся и вышел на крыльцо. Над рекой поднимался туман. Солнце только собиралось показаться из-за сосен. Будущее… пробормотал я. Самым удивительным было то, что я сам являлся человеком из будущего. Мне не нужно было придумывать невероятные технологии. Я видел их собственными глазами. Не нужно было гадать, как изменится жизнь. Я прожил её. Конечно, многое уже забылось. Но кое-

что осталось в памяти навсегда. Компьютеры. Спутники. Мобильная связь. Интернет. Навигация. Новые материалы. Медицина. И самое главное люди. Люди будущего почти не изменились. Так же любили. Так же завидовали. Так же мечтали. Так же совершали ошибки. Я усмехнулся. Вот о чём стоило написать книгу. Не о машинах. Не о ракетах. О людях. О человеке, который внезапно оказался в другом времени. От этой мысли я даже рассмеялся. Получалось слишком похоже на мою собственную историю. Но идея была хорошей. Очень хорошей. К тому моменту, когда солнце окончательно поднялось над лесом, в голове уже складывался сюжет. Человек из одного времени попадает в другое. Пытается изменить будущее. Совершает ошибки. Находит друзей. Находит любовь. И постепенно понимает, что история намного сложнее, чем кажется. Вот это уже интересно, сказал я сам себе. А потом подумал о Маше. Она наверняка уже сидит над своими тетрадями. И мне вдруг очень захотелось увидеть её снова. Не ради книги. И даже не ради разговоров о будущем. Просто увидеть. Для человека, прожившего семьдесят два года, это чувство было удивительно знакомым. И удивительно молодым. Я прошёл через задний двор ещё затемно. Над рекой стелился туман. В соснах начинали просыпаться птицы. До рассвета оставалось совсем немного. Подойдя к Машиной даче, я уже хотел постучать, но вдруг услышал голоса. Мужской и женский. Я невольно остановился. Потом осторожно отступил в тень кустов. Голос мужчины звучал резко. Даже отсюда чувствовалось раздражение. Разобрать слова полностью я не мог, но тон был понятен без всяких объяснений. Через некоторое время хлопнула дверь. Завёлся двигатель. Машина медленно выехала на дорогу и скрылась за поворотом. Я ещё немного подождал. Потом направился к дому. В окне горел свет. Я тихо вошёл. Маша сидела за столом. Локти на столешнице. Лицо спрятано в ладонях. Она плакала. Услышав мои шаги, подняла голову. Я молча подошёл и обнял её. Некоторое время она просто стояла, уткнувшись лицом мне в плечо. Потом тихо спросила: Ты всё видел? Что именно? Она вздрогнула. Будто только сейчас поняла, что я действительно ничего не знаю. Он увидел твои рисунки на моём теле. Я нахмурился. И внезапно всё понял. Многие мелочи сразу встали на свои места. Её тревога. Страх перед профессором. Зависимость от его мнения. Постоянное желание заслужить одобрение. Вы были близки? осторожно спросил я. Маша напряглась. Словно ожидала удара. Или осуждения. Да. Она отвернулась к окну. Я любила его. Думала, что люблю. Боготворила его. Он был известным учёным. Умным. Талантливым. Мне казалось, что рядом с ним открывается целый мир. Голос её дрогнул. А потом оказалось, что я просто удобный человек. Пишу статьи. Собираю материалы. Выполняю поручения. Терплю его настроение. Он решает, что правильно, а что нет. Я молчал. Маша горько усмехнулась. Знаешь, что самое смешное? Что? Я до сих пор боюсь его потерять. Потому что без него у меня может не быть карьеры. Не будет защиты. Не будет рекомендаций. Не будет будущего. Она снова заплакала. А я смотрел на неё и понимал одну простую вещь. Будь мне восемнадцать лет по-настоящему, я бы, наверное, ревновал. Злился. Возмущался. Считал себя обманутым. Но внутри меня жил человек, проживший долгую жизнь. Слишком долгую, чтобы делить мир на чёрное и белое. Я видел людей и похуже. Видел сломанные судьбы. Видел одиночество. Видел, как талантливые и умные женщины годами терпят унижения только потому, что боятся потерять своё место в жизни. Поэтому вместо упрёков я просто крепче обнял её. Послушай меня. Что? Ты не его собственность. Маша ничего не ответила. И твоё будущее принадлежит не ему. Легко говорить. Нет. Нелегко. Она подняла на меня заплаканные глаза. Тогда почему ты не осуждаешь меня? Я невольно улыбнулся. Потому что жизнь редко бывает такой простой, как кажется в молодости. Она долго смотрела на меня. Словно пыталась увидеть во мне что-то такое, чего не замечали остальные. Потом неожиданно спросила: Дима… сколько тебе лет на самом деле? У меня внутри всё похолодело. Вопрос был задан почти шутя. Но в её голосе звучало настоящее любопытство. Я рассмеялся. Слишком быстро. Слишком громко. Двадцать. Врёшь. Все мужчины врут про возраст. Она впервые за этот тяжёлый разговор улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Но этого оказалось достаточно. За окном уже светлело. Начинался новый

день. И мне вдруг показалось, что вместе с рассветом заканчивается какая-то важная глава её жизни.

Глава 7

Маша, произнёс я как можно мягче. Мне приснился сон. Она подняла заплаканные глаза. Сон? Фантастический сон. Очень странный. Может быть, если его записать, профессору понравится. Маша посмотрела на меня с надеждой. Той самой надеждой, за которую хватаются утопающие. Потом встала на цыпочки и благодарно поцеловала меня в щёку. Давай попробуем, тихо сказала она. Она быстро вытерла глаза, принесла тетрадь и села за стол. Печатная машинка уже был наготове. Начинай. Я устроился напротив. Несколько секунд собирался с мыслями. В памяти всплывали десятки прочитанных когда-то фантастических романов. Отдельные сцены. Идеи. Образы будущего. Но пересказывать чужую книгу слово в слово мне не хотелось. Да и память всё равно не позволила бы. Поэтому я сделал то, что всегда делают рассказчики. Взял чужие искры и начал разжигать из них собственный костёр. Представь мир будущего, начал я. Люди научились летать к звёздам. Болезни почти побеждены. Города стали огромными и красивыми. Ее пальцы без устали били по клавиатуре..Но главная проблема осталась прежней. Какая? спросила Маша. Люди. Она улыбнулась. Это похоже на правду. Представь, что учёные научились менять человеческий разум. Лечить страхи. Убирать жестокость. Исправлять преступников. Стук клавиш Маши замер. Исправлять преступников? Да. Не тюрьмой. А изменением личности. Теперь она печатала ещё быстрее. И что дальше? А дальше происходит преступление, которое не должно было случиться. Почему? Потому что его совершает человек, которого уже исправили. Маша медленно подняла голову. Интересно… Я почувствовал азарт. Старый читатель фантастики внутри меня проснулся окончательно. Текст романа Королева ангелов сам всплывал перед глазами. И тогда начинается расследование. Учёные пытаются понять, что произошло. Можно ли доверять технологиям? Можно ли изменить человека так, чтобы он остался самим собой? Подожди, подожди… Она лихорадочно печатала каждое слово. Это уже не просто фантастика. Конечно. Это про людей. Любая хорошая фантастика про людей. Маша задумалась. Потом посмотрела на исписанные страницы. Дима… Что? Если бы профессор сам это придумал, он бы ходил довольный целый год. Я рассмеялся. Значит, сон был полезным. Очень полезным. Она посмотрела на машинописные листы и прижала её к груди. В её глазах впервые за последние часы появился настоящий огонь. Не слёзы. Не страх. Не отчаяние. Азарт. Тот самый азарт, который заставляет человека работать ночами над новой идеей. Я смотрел на неё и понимал, что сейчас подарил ей не готовую книгу. Готовые книги быстро заканчиваются. Я подарил ей направление. Мечту. Возможность создать что-то своё. А это было гораздо ценнее любого романа. Вот! восторженно воскликнула Маша, откладывая карандаш. Вот это уже настоящий издательский лист! Она пролистала исписанные страницы. Потом ещё раз. Словно не верила собственным глазам. И он готов! Я посмотрел в окно. Солнце уже поднялось над верхушками сосен. Только сейчас я понял, что прошло несколько часов. Мы начали ещё на рассвете. А теперь утро было в самом разгаре. Четыре часа пролетели совершенно незаметно. Нужно позвонить профессору! вдруг выпалила Маша. Прямо сейчас? Конечно сейчас! Она вскочила со стула и бросилась к телефону. Я только улыбнулся. Энергии в ней сейчас хватило бы на небольшую электростанцию. Телефон стоял в углу комнаты. Маша быстро набрала номер. Первые минуты я слышал только её короткие ответы. Потом лицо девушки начало меняться. Появилось удивление. Потом радость. Потом настоящий восторг. Да… да… именно так… быстро говорила она. Нет, не статья… совершенно новая идея… Да, прямо сейчас записали… Конечно, привезу… Она слушала почти минуту. Потом вдруг рассмеялась. Правда? Ещё пауза. Спасибо, Сергей Павлович. В трубке что-то долго говорили. Маша кивала, словно собеседник мог её видеть. Наконец разговор закончился. Она медленно положила трубку. Несколько секунд стояла неподвижно. А потом резко обернулась ко мне. Дима! И прежде чем я успел что-либо сказать, бросилась мне на шею. Я едва удержался

на ногах. Полегче! Но она уже смеялась. По-настоящему. И одновременно целовала меня в щёки. Он в восторге! Кто? Профессор! Так быстро? Он сказал, что это самая интересная идея, которую слышал за последние годы! Я невольно присвистнул. Неплохо для сна. Он требует немедленно привезти записи в Москву! Она снова обняла меня. Крепко. Так крепко, словно боялась, что я сейчас исчезну. Ты понимаешь, что сделал? Пока нет. Ты спас меня. Улыбка медленно сошла с её лица. Теперь она смотрела серьёзно. Очень серьёзно. Ещё вчера он собирался вычеркнуть меня из своей жизни. А сегодня приглашает работать над новым проектом. Я видел, как в её глазах снова появились слёзы. Но теперь это были совсем другие слёзы. Не от боли. Не от унижения. От облегчения. Спасибо тебе, Дима. Я осторожно поправил выбившуюся прядь её волос. Не спеши благодарить. Почему? Потому что впереди самое сложное. Что именно? Написать книгу лучше, чем идея о ней. Маша засмеялась. А ты поможешь? Я посмотрел на счастливую девушку, которая ещё несколько часов назад сидела за этим же столом и плакала. И неожиданно понял, что отказаться уже не смогу. Похоже, придётся. Тогда всё получится. Откуда такая уверенность? Она хитро прищурилась. Потому что ты самый странный сторож из всех, кого я встречала. И, честно говоря, спорить с этим было трудно. Она медленно скинула с себя одежду и потянула меня на кровать. Мы упали на кровать раскачивая ее во всех направлениях и в пылу страсти не услышали как подъехала машина.

Глава 8

Так-так-так… Голос за моей спиной прозвучал спокойно, но в нём чувствовалась сталь. И кто это обнимает мою женщину? Я медленно обернулся. В дверях стоял профессор. Высокий. Подтянутый. С аккуратной бородкой. Не старик, но уже и не молодой человек. Умные глаза сейчас смотрели холодно и внимательно. О-о… Да это наш фантаст. Или всё-таки солдатик? Он ожидал увидеть смущение. Или страх. Или хотя бы растерянность. Но я прожил слишком долгую жизнь, чтобы пугаться ревнивых профессоров. Поэтому спокойно прошёл мимо него. Подошёл к столу. Зачерпнул ковшом воды из кувшина. Налил в кружку и сделал несколько глотков. За моей спиной повисла тишина. Маша мгновенно нырнула под одеяло, словно надеялась там спрятаться от всего мира. Профессор хмыкнул. Потом вошёл в комнату и закрыл дверь. И кто же вы будете, молодой человек? Теперь его голос звучал гораздо мягче. Он быстро понял, что обычное давление на меня не действует. Поэтому решил сменить тактику. Но и я был далеко не мальчишкой. Я ваша надежда. Профессор поднял бровь. Простите? Я писатель-фантаст. Я произнёс это спокойно. Почти лениво. Но прозвучало это как вызов. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Потом профессор сел за стол. Краем глаза посмотрел на Машу. Машенька, деточка, оставь нас ненадолго. Маша вопросительно взглянула на меня. Я едва заметно кивнул. Она быстро выбралась из-под одеяла, закуталась в него как в плащ и выскочила на улицу. Дверь закрылась. Остались только мы. Профессор сцепил пальцы. Итак. Вам есть что мне предложить? Он внимательно рассматривал моё лицо. Наверное, пытался понять, кто перед ним сидит. Бродяга. Авантюрист. Или сумасшедший. У меня есть роман-бестселлер. На этот раз я решил сразу выкладывать козыри. Профессор усмехнулся. Бестселлер? Именно. Если он такой замечательный, почему же вы сами его не издадите? Вопрос был задан с явным издевательством. Но я лишь пожал плечами. Потому что меня никто не знает. А вас знают. Ваше имя откроет любые двери. Пробьёт любые стены. Мне достаточно финансовой стороны вопроса. Слава меня не интересует. Улыбка на лице профессора стала менее уверенной. Похоже, такого ответа он не ожидал. Любопытно. Я тоже так считаю. Ну что ж. Ближе к делу. Он протянул руку к стопке исписанных листов. Посмотрим, стоит ли вообще продолжать этот разговор. Я ничего не ответил. Пока он читал первые страницы, я спокойно налил себе ещё воды. Потом ещё раз выглянул в окно. На улице нервничала Маша. Она ходила вдоль дорожки, то и дело поглядывая на дом. Минуты тянулись медленно. Профессор читал. Сначала спокойно. Потом быстрее. Потом начал переворачивать страницы почти жадно. Я видел, как меняется его лицо. Скепсис исчез. Появился интерес. Потом удивление. А затем азарт. Тот самый азарт, который бывает у человека, нашедшего золотую жилу. В какой-то момент в комнату тихо вернулась Маша. Теперь на ней было лёгкое платье. Она осторожно присела на край стула. Профессор её даже не заметил. Он продолжал читать. Страница за страницей. Страница за страницей. Наконец последняя страница легла на стол. Наступила тишина. Профессор медленно поднялся. В его руке дрожала рукопись. Маша! Она вздрогнула. Да? Это же именно то, что я искал! Он потряс листами в воздухе. Понимаешь? Именно то! Маша перевела взгляд на меня. Потом обратно на профессора. Тот уже возбуждённо шагал по комнате. Современная идея! Будущее! Психология! Наука! Настоящая литература! Он снова потряс рукописью. Только здесь совершенно нет политической составляющей! Это плохо? осторожно спросила Маша. Это великолепно! Он неожиданно рассмеялся. Потом повернулся ко мне. Несколько секунд внимательно смотрел. Словно впервые видел по-настоящему. А затем протянул руку. Молодой человек… признаю, я вас недооценил. Я поднялся. Наши ладони встретились. Хватка у профессора оказалась крепкой. Очень крепкой. Добро пожаловать в литературу, сказал он. А я подумал, что впервые в жизни вижу человека, который только что обнаружил не писателя. А золотую жилу. И пока ещё не понимает, насколько она велика. Есть один нюанс, произнёс

я. Профессор откинулся на спинку стула. На его лице появилась понимающая улыбка. Он уже приготовился к разговору о гонорарах. О процентах. Об авторских правах. О деньгах. Словом, ко всему тому, к чему привык за долгие годы общения с писателями. Слушаю вас внимательно. Я поставил кружку на стол. У меня украли документы произнес я буднично. Профессор нахмурился. Неприятно. Это ещё не всё. Он молча ждал продолжения. Если быть совсем откровенным, я хотел бы исчезнуть. В комнате стало тихо. Маша удивлённо посмотрела на меня. Исчезнуть? Да. Профессор прищурился. Продолжайте. Мне не нужен поиск родственников. Не нужны запросы в милицию. Не нужны газеты с объявлениями. Он уже не улыбался. Любопытно. Я хотел бы появиться заново. Как другой человек. С чистого листа. Профессор некоторое время изучал меня. Очень внимательно. Будто видел впервые. Вы скрываетесь от кого-то? Нет. От закона? Тем более нет. Тогда зачем? Я усмехнулся. Ответить правду было невозможно. Сказать, что я умер в другом времени и проснулся в чужом теле, было бы не лучшим началом делового сотрудничества. Поэтому я выбрал почти правду. Иногда человеку выпадает шанс начать жизнь сначала. И очень не хочется этот шанс потерять. Профессор постучал пальцами по столу. Странный вы человек. Мне уже говорили. И что именно вам нужно? Вот тут я впервые позволил себе улыбнуться. Потому что понял: он уже не отвергает идею. Он обдумывает способы её осуществить. Документы. Это решаемо. Работа. Уже почти решено. Легенда. Ещё проще. Маша переводила взгляд с меня на профессора и обратно. Словно наблюдала за шахматной партией. Вы так спокойно об этом говорите, Сергей Павлович, не выдержала она. Профессор усмехнулся. Машенька, мне приходилось устраивать в экспедиции людей и с более сложными историями. Он повернулся ко мне. Допустим, молодой талантливый автор приехал из провинции. Потерял документы. Работал временно сторожем. Теперь сотрудничает с нами. Звучит вполне правдоподобно. Мне нравится. Мне тоже. Он задумался. Потом вдруг спросил: Имя менять собираетесь? Вопрос застал меня врасплох. Я машинально посмотрел в окно. На сосны. На реку. На утреннее солнце. На новую жизнь, которая неожиданно свалилась мне в руки. Нет. Почему? К имени я уже привык. Профессор кивнул. Тогда начнём с документов на имя Дмитрия. Он поднялся из-за стола. А остальное приложится. Маша облегчённо выдохнула. Будто только сейчас поверила, что будущее появилось не только у неё. Но и у меня. Профессор взял рукопись. Что касается книги… Он похлопал ладонью по стопке листов. Если всё получится так, как я думаю, то через несколько лет половина страны будет искать автора этого романа. Я усмехнулся. Главное, чтобы не милиция. На этот раз рассмеялись все трое. А я неожиданно понял, что впервые после своего невероятного попадания перестал чувствовать себя человеком без прошлого и без имени. Похоже, моя новая жизнь действительно начиналась.

Глава 9

Профессор забрал рукопись и уехал в Москву. Мы с Машей ещё долго стояли на дороге и смотрели вслед удаляющейся машине. Потом переглянулись. И неожиданно рассмеялись. Напряжение последних дней наконец отпустило нас обоих. Ну что? спросила Маша. Проверим сеть? Конечно. Через полчаса мы уже были на реке. Лодка мягко скользила по спокойной воде. Утреннее солнце играло бликами на поверхности. Настроение было таким хорошим, что даже комары казались не такими назойливыми. Когда мы подошли к месту, я начал осторожно выбирать сеть. Есть! Первая щука ударила хвостом по воде. Потом появилась вторая. Почти такого же размера. А следом и увесистый карась. Сегодня нам везёт, улыбнулась Маша. Это не везение. А что? Рыба тоже любит хорошую литературу. Она рассмеялась. Тогда профессор обязан получить одну щуку. Обязан. Мы были довольны как дети. Рыбы хватало и нам, и профессору. Однако когда лодка коснулась берега, наше настроение слегка испортилось. На берегу стоял участковый. Тот самый лейтенант. Руки за спиной. Лицо серьёзное. Слишком серьёзное. Так-так, протянул он. Значит, браконьерим? Я сразу понял, что сегодня разговор будет другим. Полковник далеко. А вот участковый рядом. И власть его здесь вполне реальна. Я спокойно выпрыгнул на берег и подал руку Маше. Это рыба для профессора. Для какого ещё профессора? осторожно спросил участковый. Он явно насторожился. Маша поправила волосы и ответила таким тоном, будто ставила печать на документ: Для профессора Островского. Участковый моргнул. Потом ещё раз. И словно стал меньше ростом. Для… Островского? Именно. Несколько секунд он переваривал услышанное. После чего его суровый вид куда-то испарился. А-а-а… Ну тогда другое дело. Я едва сдержал улыбку. Моё предположение о влиянии профессора полностью подтвердилось. Да ладно, ловите, примирительно произнёс участковый. Вы же для себя берёте. Немного. Это не запрещено. Он кашлянул. Посмотрел на щук. Потом на нас. Потом снова на щук. Я даже испугался, что сейчас напросится на обед. Но лейтенант неожиданно передумал. Ладно. У меня обход. И, не дожидаясь приглашения, направился к дороге. Когда его фигура скрылась за деревьями, Маша толкнула меня локтем в бок. Видел? Что именно? Наш профессор очень уважаемый человек. Теперь уже вижу. А раньше не верил. Раньше я просто не представлял масштаб бедствия. Она звонко рассмеялась. Мы забрали улов и отправились к её даче. Во дворе под навесом стоял старый деревянный стол. Я занялся чисткой рыбы. Маша готовила сковороду. Щуки оказались жирными и свежими. Карась тоже выглядел превосходно. Через некоторое время над дачей поплыл запах жареной рыбы. Такой аромат способен был поднять из могилы любого рыбака. Мы сидели рядом. Смотрели, как шкворчит масло. Слушали стрекот кузнечиков. И впервые за долгое время никуда не спешили. Ни в будущее. Ни в прошлое. Нам вполне хватало этого тёплого летнего дня, запаха жареной рыбы и ощущения, что жизнь наконец-то начинает складываться правильно. Шум подъезжающей машины я услышал ещё из кухни. Маша как раз переворачивала на сковороде очередной кусок щуки. Кого ещё принесло? спросила она. Сейчас узнаем. Я вышел через задний двор. Машину узнал сразу. Полковник. Он бродил по участку с таким видом, словно искал виноватого во всех бедах Советского Союза. Увидев меня, он даже не поздоровался. Ты где ходишь? Я остановился и внимательно посмотрел на него. А я что, арестован? Полковник замер. Такого ответа он явно не ожидал. Несколько секунд он изучал моё лицо. Наверное, рассчитывал увидеть страх. Или хотя бы желание оправдываться. Но ничего подобного не обнаружил. Добрый день, спокойно добавил я. Полковник нахмурился ещё сильнее. Потом неожиданно махнул рукой. Добрый. Он тяжело вздохнул. И сразу как-то постарел на несколько лет. Придётся сворачивать стройку. Ничего страшного. Он удивлённо посмотрел на меня. Не страшно? Мне есть где жить. И где же? У профессора Островского. Полковник моргнул. У кого? У Островского. Вот как… Я пожал плечами. Оказалось, что мы с ним даль-

ние родственники. Ложь была так себе. Но выглядела достаточно правдоподобно. Полковник несколько секунд переваривал новость. Потом неожиданно улыбнулся. Рад за тебя. Он немного помолчал. Значит, присмотришь за дачей по старой дружбе? Да без вопросов. Спасибо. Мы прошли к лавочке возле старой яблони и сели. Некоторое время молчали. Потом я спросил: Как дела на службе? Улыбка мгновенно исчезла. Полковник нахмурился. Хотел отделаться общей фразой. Но потом заглянул мне в глаза. И, видимо, не увидел там праздного любопытства. Только интерес. И желание помочь. Плохо. Настолько? Следствие буксует. Начальство недовольно. Могут понизить. Я кивнул. Всё складывалось именно так, как и должно было складываться. Система всегда искала виноватых. И редко искала причины. Проситесь в Афганистан. Полковник резко повернулся ко мне. Что? В Афганистан. Ты серьёзно? Абсолютно. Он недоверчиво усмехнулся. Я ракетчик. И что? Какое отношение я имею к Афганистану? Там все нужны. Полковник внимательно посмотрел на меня. Продолжай. Сейчас вы человек с проблемами. С неудачным расследованием. С недовольным начальством. С сомнительными перспективами. Он молча слушал. А после Афганистана станете человеком, который выполнил боевую задачу. Получил опыт. Прошёл войну. Таких уважают. Полковник задумался. Очень серьёзно задумался. Думаешь, поможет? Уверен. Конечно, я знал гораздо больше, чем мог сказать. Знал, что афганская война ещё долго будет определять судьбы тысяч офицеров. Что многие карьеры начнутся именно там. Но объяснить это я не мог. Поэтому говорил осторожно. Иногда человеку нужно уйти на шаг назад, чтобы потом сделать два шага вперёд. Полковник долго молчал. Где-то неподалёку стучал дятел. Из дома доносился запах жареной рыбы. Наконец он поднялся. Странный ты парень. Уже привык это слышать. Но иногда говоришь удивительно разумные вещи. Я усмехнулся. Возраст. Он посмотрел на меня. Потом рассмеялся. Двадцать лет и возраст. Душа старая. Это я заметил. Полковник протянул руку. Мы пожали друг другу руки. Ладно. Подумаю над твоим советом. Подумайте. Он направился к машине. Но возле калитки обернулся. И ещё. Что? Береги Лену. Я посмотрел в сторону дома. На окно кухни, за которым мелькала её фигура. Постараюсь. Полковник кивнул и сел в машину. А я ещё долго смотрел вслед удаляющемуся автомобилю, понимая, что только что, возможно, изменил ещё одну человеческую судьбу. Мы как раз доедали жареную щуку, когда во двор въехали белые «Жигули». Я сразу узнал машину профессора. Островский вышел первым. Следом из автомобиля выбрались две молодые женщины с папками и сумками. Профессор окинул меня быстрым взглядом. Словно проверял, не натворил ли я чего-нибудь за последние несколько часов. Убедившись, что дача стоит на месте, а я не сжёг половину посёлка, он сразу перешёл к делу. Маша, собирайся. Никаких приветствий. Никаких объяснений. Только команды. Маша даже не удивилась. Похоже, давно привыкла к его манере общения. Уже собираюсь. Профессор указал на спутниц. Познакомься. Это Рита и Галя. Обе девушки приветливо кивнули. Машинистки. Будут помогать печатать роман. Затем он посмотрел на Машу. А ты нужна мне для корректировки текста. Поняла. Островский перевёл взгляд на меня. Понял? Понял. Спорить с ним я не собирался. Да и смысла не видел. Он уже закрутил механизм, который должен был превратить несколько исписанных листов в настоящую книгу. Маша быстро собрала вещи. Переоделась. Сложила в сумку тетради и записи. Перед отъездом подошла ко мне. Не скучай. Постараюсь. И не забывай свои фантастические сны. Это будет трудно. Она улыбнулась. Тёпло. Только для меня. Потом быстро поцеловала в щёку и побежала к машине. Профессор сделал вид, что ничего не заметил. Но уголок его губ предательски дёрнулся. Через минуту «Жигули» выехали за ворота. Во дворе стало неожиданно тихо. Рита посмотрела вслед машине. Грозный у вас профессор. Есть немного. А говорят, в Москве его даже академики побаиваются. Верю. Галя рассмеялась. Зато платит хорошо. Тогда чего жаловаться? Девушки переглянулись. И дружно согласились. Я достал оставшуюся рыбу. Накрыл на стол. Через несколько минут мы уже сидели под навесом. Машинистки оказались вполне приятными собеседницами. После дороги проголодались зверски. Ой, какая вкусная щука! восхитилась Рита. Сами поймали?

Сами. Настоящий мужчина, одобрительно сказала Галя. Рыбак, сторож, писатель… И фантаст, добавил я. Это самое подозрительное. Мы рассмеялись. Когда с обедом было покончено, девушки достали из машины тяжёлые чемоданчики. В одном лежала портативная печатная машинка. Во втором — бумага, копирка и запасные ленты. Я посмотрел на это богатство с уважением. В мои времена один ноутбук заменял всё содержимое этих чемоданов. А сейчас передо мной стояла настоящая типография в миниатюре. Ну что? спросила Рита. Работаем? Работаем. Я уселся за стол. Передо мной легла чистая пачка бумаги. Машинистки приготовились печатать. Сосны шумели над головой. Солнце медленно клонилось к вечеру. А я вдруг понял, что впервые за долгое время занимаюсь именно тем, чем всегда хотел заниматься. Не сторожу дачу. Не выживаю. Не приспосабливаюсь к новой эпохе. Я создавал книги. И судя по тому, как загорелись глаза профессора, это было только начало.

Глава 10

Мысли мелькали в голове с такой скоростью, словно кто-то открыл давно запертую дверь. Они складывались в слова. Слова превращались в предложения. Предложения ложились на бумагу. Иногда мне казалось, что я не сочиняю текст, а просто вспоминаю его. Память словно прояснилась. Страницы прочитанных книг, тысячи страниц фантастики, научных статей и рассказов вдруг выстроились в ровные ряды и послушно выдавали мне сюжет за сюжетом. Я ходил по комнате. Диктовал. Пил чай. Ел рыбу. Снова диктовал. Рита печатала. Потом её сменяла Галя. Потом снова Рита. Клавиши машинок стучали без остановки. Дом превратился в маленькое издательство. Листы росли стопками. Солнце медленно двигалось по небу. А работа продолжалась. Только когда за окнами окончательно стемнело, я почувствовал, что выдохся. Горло пересохло. Ноги гудели. Мысли начали путаться. Я замолчал и впервые за долгое время огляделся. И замер. В углу комнаты сидел профессор. Он появился настолько тихо, что никто даже не заметил. Перед ним лежала пачка отпечатанных страниц. Он курил и внимательно наблюдал за моей работой. Судя по количеству окурков в пепельнице, сидел он здесь уже не один час. Наши взгляды встретились. Профессор кивнул. Молодец. Я молча опустился на стул. Вижу, стараешься. Я лишь кивнул головой. Сил на разговоры уже не осталось. Профессор улыбнулся. Хочешь к Маше? Усталость мгновенно отступила. Я поднял голову. Он прекрасно видел произведённый эффект. Старый манипулятор. Хочу. Как закончишь увидишь. Он произнёс это тоном человека, который только что подвесил перед ослом морковку. Затем поднялся. Собрал готовые страницы. Работай. И уехал. На следующий день работа продолжилась. Я организовал смены. Пока одна машинистка печатала, другая отдыхала. Потом они менялись. После короткого сна я снова принялся диктовать. Теперь дело шло ещё быстрее. Сюжет нёсся вперёд. Герои жили собственной жизнью. К обеду последняя страница легла на стол. Я поставил точку. И откинулся на спинку стула. Готово. Профессор сидел рядом. На этот раз он ждал открыто. Словно боялся пропустить последний абзац. Когда я закончил, он молча взял рукопись. Полистал. Удовлетворённо кивнул. Молодец. Это была уже вторая похвала за сутки. Для Островского почти государственная награда. Он хлопнул меня по плечу. Собирайся. Куда? В Москву. Зачем? Профессор усмехнулся. Потому что тебя ждёт Маша. Усталость как рукой сняло. Через полчаса мы уже ехали по шоссе. За окном мелькали деревни. Автобусные остановки. Поля. Редкие грузовики. Профессор большую часть дороги молчал. Иногда перелистывал рукопись. Иногда что-то помечал карандашом на полях. Наконец я не выдержал. Ну и как книга? Он долго смотрел в окно. Потом ответил: Если повезёт, её будут читать десятилетиями. Я усмехнулся. А если не повезёт? Тогда её будут читать только умные люди. Это был самый большой комплимент, который я когда-либо слышал от профессора. Машина въехала в Москву уже вечером. Город светился огнями. По улицам спешили люди. Гудели трамваи. А у меня почему-то возникло странное ощущение. Будто я возвращался домой. Хотя прекрасно знал, что этот город ещё не стал моим. Но где-то здесь была Маша. И сейчас этого было вполне достаточно. Когда за мной закрылась дверь Маша кинулась мне на шею и по ее объятиям я понял что мы одни. Подняв ее на руки я заглянул в ее красные от работы глаза и отнес на кровать. Она в страсти срывала с меня одежду и отдавалась как в последний раз. Мы долго ласкали друг друга и рассказывали как провели время друг без друга. Как оказалась книгу без политической составляющей не пропустили и теперь Маша корректировала внося коммунистические реалии в фантастику. Моему молодому телу отдых был почти не нужен. После нескольких часов сна я чувствовал себя бодрым и полным сил. Но рядом со мной лежала Маша. Именно она последние дни просиживала над рукописью до глубокой ночи. Именно она вылавливала мои огрехи, добавляла нужные замечания и осторожно вплетала в текст те самые социалистические нотки, которые требовались для публикации. При этом удивительным образом не ломая саму исто-

рию. Не искажая её смысл. Не превращая роман в скучную агитку. Поэтому я просто обнял её и позволил нам обоим спокойно проспать до утра. Проснулись мы поздно. Солнечные лучи уже заливали комнату. За окном шумел город. Из открытой форточки доносился запах свежего хлеба и звук проезжающих трамваев. После завтрака Маша сразу преобразилась. Исчезла сонная девушка. На её месте появилась серьёзная аспирантка. Она разложила листы рукописи по столу. Достала карандаши. Несколько справочников. Какие-то свои записи. И посмотрела на меня. Всё. Что всё? Ты мешаешь. Я рассмеялся. Я ещё ничего не сделал. Именно. И что предлагается? Погулять. Это приказ? Это просьба. Она немного подумала. Очень настойчивая просьба. А если я откажусь? Тогда я найду тебе работу. Это уже угроза. Совершенно верно. Я поднял руки. Сдаюсь. Маша довольно улыбнулась. Подошла. Быстро поцеловала меня в щёку. И буквально вытолкала к двери. Иди. На сколько? Часа на три. Жестоко. Ничего. Ты молодой. Я вышел на улицу. Москва жила своей обычной жизнью. По тротуарам спешили люди. У киоска выстроилась очередь за газетами. Возле автобусной остановки кто-то оживлённо спорил о хоккее. Из открытых окон доносилась музыка. Я неспешно шёл по улице и вдруг поймал себя на странной мысли. Впервые за всё время после своего невероятного попадания я никуда не спешил. Не искал ночлег. Не думал о еде. Не пытался понять, кто я такой. Не придумывал, как выжить. У меня появились друзья. Работа. Любимая девушка. И даже перспективы на будущее. Для человека, который ещё недавно умер в собственной квартире, это был весьма неплохой результат. Я усмехнулся и направился дальше, наслаждаясь тёплым московским утром и редким ощущением, что жизнь наконец перестала быть борьбой и начала приносить удовольствие. Я как раз неспешно прогуливался по улице, когда возле тротуара остановилась знакомая машина. Стекло опустилось. Из салона выглянул профессор. Садись. Здравствуйте. Потом поздороваешься. Поехали. Я усмехнулся и устроился на переднем сиденье. Островский был непривычно оживлён. Всю дорогу он что-то обдумывал. Иногда хмурился. Иногда довольно улыбался своим мыслям. Сначала мы заехали в какую-то квартиру. Там меня буквально переодели. Профессор придирчиво осмотрел новый костюм. Поправил воротник рубашки. Отошёл на шаг. Снова осмотрел. Уже похож на человека. Спасибо. Не благодари. А раньше был на кого похож? На талантливого бродягу. Пришлось признать, что доля истины в его словах присутствовала. Набрали три комплекта разной одежды. Через час мы уже ехали по Москве. Теперь ты мой племянник инструктировал меня он. Наконец машина остановилась возле знаменитого высотного дома на Котельнической набережной. Я поднял голову. Величественное здание уходило вверх, словно каменный корабль. Впечатляет, признался я. Привыкай. К чему? К хорошему. После этой загадочной фразы профессор направился к подъезду. Мы поднялись на лифте. Прошли по длинному коридору. Дверь открылась ещё до того, как профессор успел позвонить. На пороге стояла женщина лет тридцати. Жгучая брюнетка. Стройная. Уверенная в себе. С такими глазами, что большинство мужчин наверняка забывали собственное имя после первой минуты разговора. Она внимательно посмотрела на меня. Очень внимательно. Словно оценивала новый экспонат для личной коллекции. Потом перевела взгляд на профессора. Это он? Он. Брюнетка вновь посмотрела на меня. На этот раз чуть теплее. Проходите. Потом добавила: Идите мыть руки. Обед уже готов. Голос был мягким. Но таким, которому почему-то хотелось подчиняться. Я направился в ванную. И в этот момент из туалета раздался голос профессора: Мария Семёновна! Это мой племянник! Я едва не рассмеялся. Ещё вчера мы были дальними родственниками. Сегодня я уже превратился в племянника. Фантазия у профессора работала не хуже моей. Очень приятно, спокойно ответила хозяйка. Судя по её тону, подобные внезапно возникающие родственники её давно не удивляли. Через несколько минут я уже сидел за большим столом. Стол был накрыт по-настоящему роскошно. Для советского человека даже слишком роскошно. Мария Семёновна поставила передо мной тарелку. Кушайте. Спасибо. Профессор наконец появился из своего убежища. Сел напротив. И сразу принялся за еду. Словно не ел неделю. Некоторое время за столом царила тишина. Потом хозяйка неожи-

данно спросила: Так это вы написали тот роман? Я посмотрел на профессора. Тот невозмутимо жевал. Предоставляя отвечать мне самому. Надеюсь, что написал. Мария Семёновна улыбнулась. Скромный. Осторожный. Это лучше. Она внимательно изучала меня. И чем дольше смотрела, тем больше я понимал, что эта женщина гораздо наблюдательнее, чем кажется на первый взгляд. Профессор наконец отложил вилку. Маша уже работает с рукописью. Знаю. Через несколько дней покажем редактору. Я кивнул. А сам неожиданно поймал себя на мысли, что всего несколько недель назад был никем. Человеком без документов. Без денег. Без будущего. А теперь сижу за столом в квартире на Котельнической набережной, обедаю с известным профессором и его красавицей женой и обсуждаю публикацию собственного романа. Жизнь определённо умела удивлять.

Глава 11

Завтра выходит первая глава книги в журнале. Профессор произнёс это таким тоном, будто лично запустил спутник на орбиту. В «Науке и жизни», добавил он с нескрываемым удовольствием. Мария Семёновна улыбнулась. Подошла к мужу и легко поцеловала его в щёку. Поздравляю. Островский довольно расправил плечи. Было видно, что этот момент он уже много раз прокрутил у себя в голове. Журнал. Публикация. Отзывы читателей. Редакторы. Литературные круги. Всё складывалось именно так, как он мечтал. Мария Семёновна перевела взгляд на меня. А вы хотите быть соавтором? Она произнесла это почти певуче. Мягко. Но очень внимательно наблюдая за моей реакцией. Я ответил сразу. Без раздумий. Нет. За столом повисла короткая тишина. Профессор даже перестал жевать. Нет? переспросила она. Нет. Я спокойно посмотрел на неё. Книга моего дяди. Я кивнул в сторону профессора. Я не имею к ней никакого отношения. Мария Семёновна удивлённо подняла бровь. Потом посмотрела на мужа. Потом снова на меня. Кажется, она поняла гораздо больше, чем показала. Профессор же расплылся в самодовольной улыбке. Так улыбаются люди, выигравшие сложную партию. Он полез во внутренний карман пиджака. Достал новенькую купюру. И незаметно сунул мне в карман. Сотня рублей. По тем временам весьма серьёзные деньги. Я посмотрел на него. Это что? Аванс. За что? За родственные чувства. Мария Семёновна тихо рассмеялась. Серёжа, ты неисправим. Зато практичен. Я не стал возвращать деньги. Во-первых, они мне действительно были нужны. Во-вторых, сейчас профессор покупал не рукопись. Он покупал молчание. Спокойствие. Уверенность в том, что никто не станет задавать лишних вопросов. А я и не собирался. Слава меня совершенно не интересовала. Мне хватало знания, что книга появилась благодаря мне. Кроме того, опыт прожитой жизни подсказывал простую вещь. Громкое имя привлекает не только поклонников. Оно притягивает завистников, чиновников, проверяющих и прочих любителей чужих успехов. А мне хотелось совсем другого. Спокойно жить. Писать книги. Быть рядом с Машей. И смотреть, как меняется этот мир. Профессор поднял рюмку с коньяком. За успех. Мы чокнулись. Мария Семёновна улыбалась. Профессор уже мысленно видел себя на страницах журналов. А я думал о том, что завтра тысячи людей откроют свежий номер и прочитают первую главу истории, которая пришла сюда из будущего. И никто из них даже не догадается, насколько невероятным образом она появилась на свет. Настоящее торжество момента наступило тогда, когда я снова увидел Лену. Она выходила из института вместе с подругами и сразу заметила меня. Привет, сказал я непринуждённо. Добрый день, ответила она с улыбкой. Подруги сразу поняли, что разговор их не касается, и тактично удалились. Лена внимательно посмотрела на меня. Слышала, ты у нас на даче живёшь. Я улыбнулся в ответ. У вас, Елена Вадимовна, неверная информация. Вот как? Я проживаю у профессора Островского. А то, что ваша дача находится по соседству, ещё ни о чём не говорит. Лена прищурилась. На её лице появилась улыбка победителя. А папа сказал, что ты живёшь у нас на даче. Если это ваша дача, то почему я ни разу не видел там тебя? На этот раз задумалась уже она. Вопрос застал её врасплох. Подожди… Она удивлённо посмотрела на меня. Так значит, ты жил на даче Василия Игнатьевича? Да. Я его знаю. А он оказался моим родственником. Лена окончательно растерялась. Правда? Конечно. Я развёл руками. Просто когда приехал в Москву, забыл его адрес. Она рассмеялась. Только ты способен забыть адрес собственного родственника. Возраст. Какой возраст? Склероз раннего развития. Лена звонко рассмеялась. Потом неожиданно спросила: И что теперь? Теперь предлагаю пообедать. С удовольствием. Я действительно был благодарен этой девушке. Если бы не она тогда возле скамейки, неизвестно, как сложилась бы моя судьба в этом времени. Возможно, именно благодаря ей я не пропал в первые дни. Мы отправились в ближайший ресторан. Время было ещё раннее. Посетителей почти не было. Метрдотель окинул нас взглядом и без лишних вопросов проводил к столику.

Лена с интересом наблюдала, как я делаю заказ. А я просто вспоминал всё, что видел в кулинарных передачах и фильмах своего времени. Когда стол начал заполняться блюдами, девушка широко раскрыла глаза. Ничего себе… Что такое? Ты точно тот самый Дима? Пока да. Она рассмеялась. После того как голод был побеждён, Лена внимательно посмотрела на меня. А ты изменился. Я улыбнулся. Просто тогда я оробел от твоей красоты. Эффект оказался сильнее, чем я ожидал. Щёки девушки мгновенно порозовели. Она отвела взгляд. Ты стал очень странным. Это плохо? Не знаю. Но улыбалась она при этом совершенно счастливо. Когда обед закончился, я небрежно положил на стол сотенную купюру. Лена заметила это движение. И посмотрела на меня так, словно увидела нового человека. Получив сдачу, я поднялся. Разрешите? И протянул руку. Она оперлась на неё. Ты удивляешь меня каждым своим поступком. Да, я такой. Мы долго гуляли по Москве. Разговаривали обо всём на свете. Смеялись. Спорили. И сами не заметили, как оказались возле её дома. Полковник встретил меня спокойно. Без прежней настороженности. Узнав, что я нашёл родственников и теперь живу у известного профессора, он окончательно успокоился. Лена с любопытством наблюдала за нашим разговором. Кажется, её удивляло, что её суровый отец разговаривает со мной почти как с равным. Моя тактика была простой. Если я действительно нужен профессору, он меня найдёт. Так и произошло. Ближе к вечеру в дверь позвонили. На пороге стоял взволнованный Островский. Дмитрий, уже поздно. И? Пора домой. Я едва сдержал улыбку. Домой. Как быстро это слово приобрело новый смысл. Спорить я не стал. Попрощался с Леной и последовал за профессором. Как оказалось, его квартира находилась в том же доме. Только пятью этажами выше. Поднявшись наверх, я впервые увидел весь состав этого необычного семейства. В квартире проживали сам профессор, его жена Мария Семеновна, Маша, которая теперь фактически стала его литературным секретарём, и домработница Глаша. Детей у них не было. Знакомьтесь, объявил профессор. Это мой племянник Дмитрий. Никто даже не удивился. Словно племянники материализовывались у профессора каждую неделю. Очень приятно, сказала Глаша. Добрый вечер, улыбнулась Маша. Глаша только кивнула и сразу предложила ужин. Меня проводили в отдельную комнату. Небольшую. Уютную. С письменным столом у окна. Я сел на кровать и неожиданно поймал себя на мысли, что впервые за долгое время у меня появилась собственная комната. Не временный угол. Не дача. Не случайный ночлег. А настоящее место, где можно было закрыть дверь и почувствовать себя дома. За окном шумела вечерняя Москва. Где-то в квартире тихо разговаривали женщины. Профессор что-то печатал на машинке. А я лежал на кровати и думал о том, как странно складывается жизнь. Ещё недавно я был потерянным человеком без имени и документов. А теперь у меня появились родственники, друзья, любимая девушка и целая новая жизнь. С этой мыслью я закрыл глаза и спокойно уснул. Утром профессор разбудил меня ни свет ни заря. Мы быстро позавтракали и отправились на дачу. Здесь было тихо. Спокойно. Несмотря на удобства городской квартиры, профессор чувствовал себя здесь гораздо увереннее. Едва мы вошли в дом, как он потёр руки и заявил: Надо заканчивать роман. По его довольному виду можно было подумать, что признание меня племянником должно было осчастливить меня до конца жизни. Но профессор недооценивал мой жизненный опыт. Я спокойно открыл комод, достал припрятанную бутылку коньяка и налил себе немного в стакан. Островский выпучил глаза. Дмитрий! Что? С утра? Для вдохновения. Профессор тяжело вздохнул. Я сделал небольшой глоток и деловито произнёс: Писать роман за вас я, конечно, буду. Но для творческого процесса мне понадобятся деньги и машина. Лицо профессора пошло пятнами. Сначала побагровело. Потом побледнело. Внутри него явно боролись гнев и тщеславие. Победило тщеславие. Как всегда. Когда закончишь? спросил он хрипло. В целом роман будет состоять из трёх томов. Скольких?! Трёх. Я спокойно пожал плечами. И каждый будет не меньше «Капитала» Маркса. Профессор чуть не подавился воздухом. Снял очки. Вытер лоб платком. Снова надел очки. И когда же? Мне понадобится ещё одна машинистка. Будет. И хорошее питание. Будет. И… Всё будет, дорогой мой племянник! После этого он выскочил

из комнаты. Минут через десять появились Рита и Галя. Машинки заняли свои места. Бумага была подготовлена. Я начал диктовать. История о загадках ДНК, научных открытиях и приключениях героев разворачивалась сама собой. Слова текли легко. Будто я снова вспоминал уже написанную книгу. Через два часа выбилась из сил Рита. Её сменила Галя. Работа продолжалась. К вечеру первый том был закончен. Последняя фраза прозвучала особенно эффектно: Пуля вырвала клок мяса из его тела, и он сорвался в пропасть. Я поставил точку. В комнате повисла тишина. Через секунду дверь распахнулась. Профессор ворвался внутрь как ураган. Оказывается, последние два часа он сидел за стеной и подслушивал. Готово?! Готово. Он схватил меня за руку и принялся её трясти. Дмитрий! Это великолепно! Не стоит благодарности, профессор. Я сделал серьёзное лицо. Вашего племянника вполне устроят деньги и машина. Всё будет! Он подхватил рукопись и умчался так быстро, будто за ним гналась половина Союза писателей. Вечером дома нас ждала Глаша. Она приготовила пельмени. Самые обычные. Но после такого дня они показались мне праздничным блюдом. Я ел с огромным удовольствием. Роман удался. Для начала восьмидесятых он выглядел настоящим фейерверком. Не только для советской фантастики. Для мировой тоже. За столом я заметил, что Маша время от времени поглядывает на меня с какой-то особенной улыбкой. Лукавой. Загадочной. Когда ужин закончился, она подошла ближе. Устал? Немного. Тогда у меня есть предложение. Какое? Поможешь мне написать небольшой роман. Опять работать? Конечно. Она рассмеялась. Я тоже. Мы ещё долго сидели у открытого окна, обсуждая сюжеты, героев и будущее книги. Потом разговор незаметно ушёл от литературы к более личным темам. Мы вспоминали смешные случаи, строили планы и просто наслаждались тёплым летним вечером. А когда стало совсем поздно, Маша пожелала мне спокойной ночи и ушла к себе. Я смотрел ей вслед и понимал, что впереди меня ждёт не только новая книга, но и новая жизнь, которая постепенно становилась всё интереснее.

Глава 12

Утром дом неожиданно опустел. Профессор умчался по своим редакционным делам. Маша отправилась в институт. Глаша занялась хозяйством где-то на первом этаже. Я остался один. Проснулся поздно и лежал, разглядывая потолок. Впервые за последние недели никто ничего от меня не требовал. Не нужно было диктовать роман. Не нужно было спасать чью-то карьеру. Не нужно было придумывать новую легенду для своей биографии. Я даже начал скучать. Но, как оказалось, напрасно. Дверь моей комнаты медленно приоткрылась. В щель осторожно заглянула Мария Семёновна. Она двигалась удивительно тихо. Почти как кошка. Ты не спишь? спросила она своим певучим голосом. Уже нет. Жаль. Почему? Хотела посмотреть на знаменитого писателя в естественной среде обитания. Я рассмеялся. Она вошла в комнату и присела на стул возле окна. Сегодня она выглядела совсем иначе, чем за семейным столом. Не как жена известного профессора. Не как хозяйка дома. А просто как красивая молодая женщина. Значит, это всё-таки ты пишешь книги? неожиданно спросила она. Я внимательно посмотрел на неё. А вы как думаете? Думаю, мой муж слишком счастлив для человека, который написал роман самостоятельно. Я не выдержал и улыбнулся. Она тоже. Не переживайте, Мария Семёновна. О чём? Семейную тайну я не выдам. Уже хорошо. Несколько секунд мы молчали. Потом она внимательно посмотрела на меня. Знаешь, что меня больше всего удивляет? Что? Твой возраст. В каком смысле? Иногда кажется, что тебе двадцать лет. Так и есть. А иногда будто все пятьдесят. Я едва не поперхнулся. Опасное наблюдение. Очень опасное. К счастью, она восприняла моё замешательство по-своему. Вот видишь. Что вижу? Даже сейчас ты смотришь как человек, который что-то скрывает. Я рассмеялся. У каждого мужчины должны быть свои тайны. Особенно у племянников профессоров? Особенно у них. Мария Семёновна покачала головой. Бедный Серёжа. Почему бедный? Он уверен, что контролирует ситуацию. А разве нет? Нет. Она поднялась со стула. Подошла к двери. И уже на пороге обернулась. Дмитрий. Да? Береги Машу. Улыбка исчезла с её лица. Теперь она говорила совершенно серьёзно. Она очень хорошая девушка. Я знаю. И кажется, любит тебя. Я неожиданно почувствовал себя неловко. Мария Семёновна заметила это и улыбнулась. Вот теперь ты действительно выглядишь на свои восемнадцать. После чего вышла из комнаты. А я ещё долго сидел на кровати и думал о том, что жена профессора оказалась гораздо проницательнее, чем мне показалось при первой встрече. Но каково же было мое изумление когда она вошла обнаженной в комнату и сбросив с меня одеяло набросилась на меня. Терзай мое тело шептала она прижимаясь ко мне всем телом. Я не мог устоять перед таким натиском. А мой мозг пропитанный цинизмом не сопротивлялся,. Она была довольно хороша в постели. Мы с Марией Семёновной ещё долго сидели на кухне. Пили чай. Ели пирожные. Шутили. Она рассказывала забавные истории из университетской жизни профессора, а я слушал и всё больше убеждался, что дома великие люди ведут себя ничуть не величественнее обычных граждан. Наконец я поблагодарил её за компанию и спустился во двор. Возле подъезда стоял знакомый УАЗ. Рядом с машиной курил полковник Вадим Иванович. Увидев меня, он улыбнулся. Дмитрий! Здравствуйте, товарищ полковник. Мы пожали друг другу руки. Как дела? Всё хорошо. А у меня новости. По его лицу было видно, что новости хорошие. Очень хорошие. Направляют на повышение. Поздравляю. И не только. Он расправил плечи. Скоро поеду выполнять интернациональный долг. Глаза его буквально светились. Он был доволен. Горд. Счастлив. А мне почему-то стало тревожно. Я слишком хорошо знал, чем может закончиться такой энтузиазм. Но как помочь человеку, не раскрывая своих знаний? Как убедить его быть осторожнее? Мы немного прошлись по двору. Наконец я решился. Вадим Иванович. Да? Долг дело хорошее. Конечно. Но долг платежом красен. Он удивлённо посмотрел на меня. К чему это? Если почувствуете, что война затягивается, не геройствуйте. Полковник нахмурился. Продолжай. У вас есть дочь. Есть. Её ещё

нужно поставить на ноги. Он молчал. Родину защищать надо, продолжил я. Но иногда главное вовремя вернуться домой. Полковник остановился. Странные вещи ты говоришь. Возможно. Для восемнадцатилетнего парня слишком странные. Я усмехнулся. Вы сами говорили, что я необычный. Он покачал головой. Не нравится мне этот разговор. Мне тоже. Некоторое время мы шли молча. Потом он хлопнул меня по плечу. Ладно. Будем считать, что ты за меня переживаешь. Именно так. Он ещё что-то говорил, но я уже заметил выходящую из подъезда Лену. Полковник направился домой, а я пошёл ей навстречу. Привет. Привет. Она сразу заметила моё серьёзное лицо. Что случилось? Поговорить нужно. Мы поднялись на площадку между этажами. Лена смотрела настороженно. Ну? Я несколько секунд подбирал слова. Твой отец собирается в командировку. Знаю. Убедишь его быть осторожным? Конечно. Нет, Лена. По-настоящему осторожным. Она удивлённо посмотрела на меня. Что ты имеешь в виду? Если через несколько месяцев станет опасно, пусть возвращается. Ты говоришь так, словно что-то знаешь. Я просто не хочу, чтобы с ним что-нибудь случилось. Лена долго смотрела мне в глаза. Потом вздохнула. Папа взрослый человек. Знаю. И всё равно поступит по-своему. Возможно. Она немного смягчилась. Ты действительно переживаешь? Да. За него? За вас обоих. На этот раз она не стала спорить. Только задумчиво посмотрела в сторону двери квартиры. Я поговорю с ним. Этого достаточно. Лена кивнула. Потом неожиданно улыбнулась. Иногда ты говоришь так, будто прожил несколько жизней. Я рассмеялся. Иногда мне самому так кажется. Она покачала головой. Странный ты человек, Дмитрий. Зато интересный. Это правда. Мы ещё немного постояли молча. Потом я попрощался и направился обратно к профессору. Сделал всё, что мог. Теперь решение действительно оставалось за ними. А мне предстояло закончить ещё два тома романа и попытаться изменить хотя бы несколько судеб в этом мире, не выдавая того, откуда на самом деле пришли мои знания. Я спустился во двор и направился вдоль набережной. Москва жила своей жизнью. По реке медленно шли прогулочные теплоходы. На лавочках сидели пенсионеры. Где-то неподалёку играло радио. Я неспешно шагал, обдумывая разговор с Леной и её отцом. Дима! Я обернулся. Меня догоняли двое парней. Их лица показались знакомыми. Через секунду я вспомнил. Именно их я встретил в свой первый день после переселения. Тогда, возле дома Лены. Парни быстро подошли ко мне. Ни приветствия. Ни рукопожатия. Ни улыбки. Ты что-то зачастил к Лене, произнёс один из них. А что, в этом доме только Лена живёт? удивился я. Они переглянулись. Ответ им явно не понравился. Мы тебя предупреждаем. О чём? Оставь её в покое. Я внимательно посмотрел на говорившего. Крепкий парень. Широкие плечи. Самоуверенный взгляд. Как тебя зовут? спокойно спросил я. Тебе зачем? Хочу знать имя человека, который считает себя хозяином чужой жизни. Его лицо перекосилось. Следующее произошло очень быстро. Удар под дых. Воздух мгновенно вылетел из лёгких. Меня согнуло пополам. Перед глазами потемнело. Несколько секунд я просто пытался вдохнуть. Когда наконец поднял голову, парней уже не было. Сбежали. Будто их и не существовало. Я медленно выпрямился. Бок неприятно ныл. Мир не меняется, пробормотал я. В любом времени находились люди, которые считали кулаки лучшим аргументом. Держась за живот, я направился к подъезду. И вдруг услышал знакомый голос. Дима! Из дома выбежала Лена. Она подбежала ко мне и, не стесняясь прохожих, обняла за плечи. Они ударили тебя?! Всё нормально. Ничего не нормально! В её глазах горело настоящее возмущение. Я всё видела из окна! Это просто мужской разговор. Мужской разговор?! Она едва не задохнулась от негодования. Они напали на тебя вдвоём! Бывает. Нет, не бывает! Она продолжала держать меня за руку. Они не смеют делить меня! Её голос дрожал. Они идиоты! Я невольно улыбнулся. Вот это я уже понял. Нет, ты не понимаешь! Лена сердито топнула ногой. Я вообще никого не просила меня охранять! Верю. И выбирать за меня тоже никто не будет! Несколько прохожих уже начали с интересом поглядывать в нашу сторону. Я осторожно взял её за плечи. Успокойся. Не хочу. Тогда хотя бы не кричи на всю набережную. Она заметила взгляды прохожих и немного смутилась. Щёки порозовели. Но руку мою отпускать не стала. Больно? спросила она уже тише.

Терпимо. Врёшь. Немного. Она тяжело вздохнула. Потом неожиданно улыбнулась. Знаешь, а ты странный. Это мне сегодня уже говорили. Любой другой сейчас бы жаловался. А смысл? Не знаю. Мы медленно пошли к подъезду. Лена всё ещё держала меня под руку. И вдруг я поймал себя на мысли, что удар уже почти не болит. Потому что некоторые лекарства действуют лучше любых таблеток. Особенно если у них серые глаза и упрямый характер. Поднимаясь по лестнице, я услышал её тихий голос: Дима. Что? Спасибо, что не испугался. Я посмотрел на неё и улыбнулся. Если бы она знала, чего я действительно успел испугаться за две жизни, то этот удар показался бы нам обоим сущей мелочью.

Глава 13

Посидев немного на лавочке, Лена сообщила, что сегодня проводы её отца, и мы направились к ним домой. Проводы были скромными никого постороннего, только самые близкие члены семьи. Когда мы вошли в квартиру, за столом уже сидели её родители. Меня пригласили присоединиться. Стол был накрыт просто, по-домашнему. Полковник сразу предложил выпить за встречу и за службу. Мы чокнулись и выпили по двести граммов. Моё молодое тело ещё не привыкло к алкоголю, и вскоре я почувствовал, как голова становится лёгкой, а мысли смелее. Через некоторое время мы с полковником остались вдвоём на балконе. Вечерний воздух немного освежал, но хмель уже сделал своё дело. Я посмотрел на него и тихо произнёс: Если вдруг там, на службе, вам прикажут открыть огонь, стреляйте всем, что есть. Всеми ракетами сразу. Второго шанса не будет. Полковник удивлённо посмотрел на меня. Куда стрелять? Ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Ракетные войска это не артиллерия. Это точное оружие. Понимаю, упрямо ответил я. Но вы слишком верите в эту точность. Он усмехнулся. Нас учили, что каждая ракета ложится практически в цель. А я знаю другое, сказал я. Даже самые современные ракеты ошибаются. Разлёт может достигать сотни метров. На бумаге всё выглядит красиво, а в реальности бывает иначе. Полковник покачал головой. Теоретик ты ещё тот. Откуда у тебя такие знания? Я замолчал. Не мог же я рассказать ему, что видел будущее собственными глазами. Просто поверьте мне, наконец произнёс я. Если когда-нибудь настанет такой день, не сомневайтесь. Стреляйте всем боезапасом сразу. Полковник внимательно посмотрел на меня. В его взгляде читались одновременно недоверие и странное беспокойство. Знаешь, Дима, сказал он после долгой паузы, иногда мне кажется, что ты говоришь совсем не как шестнадцатилетний парень. Я лишь пожал плечами и посмотрел на темнеющее небо. До событий, о которых я знал, оставалось ещё несколько лет. Но время уже начало свой отсчёт. Хмель уже заметно ударил мне в голову. Полковник тоже раскраснелся после выпитого, хотя держался гораздо увереннее меня. Я некоторое время молчал, затем неожиданно сказал: Знаете, мне недавно сон приснился. И что же тебе приснилось? усмехнулся полковник. Будто у афганских боевиков есть большой укреплённый район в горах. Называется Тора-Бора. Если вдруг окажется, что стрелять будет некуда, стреляйте туда. Полковник прищурился. Тора-Бора? Да. Раздобудьте карты. Это примерно в восьмидесяти пяти километрах к югу от Джелалабада, почти на самой границе с Пакистаном. Горы, пещеры, укрепления. Душманы там чувствуют себя как дома. Полковник посмотрел на меня осоловевшими глазами. Дима, ты хоть понимаешь, что каждая ракета стоит огромных денег? Это не петарды на праздник запускать. А как вы их обратно в Союз повезёте? возразил я. Всё равно ведь бросить придётся или уничтожить на месте. Это не тебе решать. Может, и не мне. Но если есть возможность, лучше пустить их по укрепрайонам душманов. Представьте, сколько жизней наших ребят это может спасти. Полковник задумался. Ты рассуждаешь так, будто уже знаешь, чем всё закончится. Я отвернулся к тёмному двору. Просто не люблю, когда хорошие люди гибнут зря. Несколько секунд мы молчали. Тора-Бора, значит… наконец произнёс полковник. Странные у тебя сны. Сам удивляюсь, ответил я. Полковник усмехнулся, докурил сигарету и щелчком отправил окурок в ночь. Ладно, разведчик-сновидец. Если когда-нибудь доберусь до твоей Тора-Боры, обязательно вспомню этот разговор. Я слабо улыбнулся. Он думал, что это всего лишь пьяная фантазия подростка. А я знал, что через много лет название этого горного района будет известно всему миру. На прощание я крепко пожал полковнику руку. И ещё запомните одну вещь, сказал я серьёзно. Никогда не верьте, что броня спасает. Спасает не броня, а камень и скала. Если будет возможность не прячьтесь в БТР или танке. Лучше укройтесь за камнем. Полковник внимательно посмотрел на меня, но перебивать не стал. И ещё… Как только начнётся бой, стреляйте только одиночными. Не жгите патроны очередями. Любой бой может оказаться вашим шансом вернуться домой.

Я шагнул вперёд и неожиданно для самого себя обнял его. Несколько секунд он стоял неподвижно, а потом крепко обнял меня в ответ. Береги Лену, тихо сказал он. Берегу. Он отпустил меня, подхватил сумку и направился к ожидавшей у подъезда машине. Двигатель уже работал. Полковник сел в автомобиль, дверь захлопнулась, и машина медленно тронулась с места. Мы с Леной остались одни посреди двора. Над городом занимался рассвет. Лена смотрела вслед удаляющейся машине, пока её красные огоньки не растворились в предутренней дымке. Потом не выдержала и заплакала. Я молча обнял её за плечи. Её отец ушёл на войну. Мы долго стояли так, встречая восход солнца. Постепенно серое небо окрасилось в розовые и золотистые тона, а первые лучи коснулись крыш домов. Когда солнце окончательно поднялось над горизонтом, мы вернулись в квартиру. В доме было тихо. Мама Лены уснула прямо после проводов, и мы старались не шуметь. На кухне Лена опустилась на стул и устало посмотрела на меня. Хочу выпить, неожиданно заявила она. Я достал бутылку вина и начал наливать в бокал. Нет, покачала головой Лена. Сегодня не вино. Она указала взглядом на бутылку коньяка, оставшуюся после застолья. Я молча достал её из шкафа и налил понемногу в две рюмки. Мы чокнулись. За папу, прошептала Лена. За то, чтобы вернулся живым, ответил я. Коньяк обжёг горло. Лена зажмурилась, но выпила до дна. За окном начиналось новое утро, а на кухне большой квартиры двое молодых людей сидели в тишине, пытаясь привыкнуть к мысли, что война, о которой раньше говорили только по телевизору, вдруг стала частью их собственной жизни. После первой рюмки стало немного легче. После второй Лена заметно опьянела. Она сидела рядом, молча глядя в окно, а потом вдруг обняла меня за шею и уткнулась лицом в плечо. Слёзы снова покатились по её щекам. Почему именно он? шептала она. Почему папа должен ехать туда? Что мы такого сделали? Я не знал ответа. Да и кто мог его знать? Я лишь осторожно гладил её по волосам и пытался успокоить. Всё будет хорошо, говорил я. Он сильный человек. Такие возвращаются. Лена только качала головой. Страх за отца, бессонная ночь и выпитый коньяк сделали своё дело. Она то плакала, то замолкала на несколько минут, потом снова начинала говорить о том, как будет ждать писем, как боится плохих новостей и как ненавидит эту далёкую войну, которая внезапно ворвалась в их жизнь. Я слушал её, не перебивая. Иногда человеку нужны не советы, а просто тот, кто будет рядом. Наконец усталость взяла верх. Лена едва держалась на ногах. Я помог ей подняться и осторожно проводил в комнату. Она опустилась на диван, всё ещё не отпуская мою руку. Не уходи, тихо попросила она. Не уйду. Я присел рядом. Но она обняв меня увлекла к себе. Я чувствовал ее груди под собой и раздвигающиеся ноги. Но я не мог позволить себе это сделать. Она страстно целовала меня и расстёгивала одежду. И даже когда ее груди блеснули перед моими глазами я только прижал ее к себе и она уснула. Через несколько минут её дыхание стало ровным. Слёзы высохли на щеках, а лицо постепенно расслабилось. Ночь без сна и переживания оказались сильнее тревог. Я тоже чувствовал, как усталость наваливается тяжёлым грузом. Облокотившись на спинку дивана, я закрыл глаза. За окном уже давно наступило утро. Город просыпался, начинался новый день. А мы, измученные проводами, тревогой и бессонной ночью, незаметно уснули прямо на диване. Когда мама Лены проснулась, первое, что она увидела, два спящих на диване тела. Одеяло давно сползло на пол, и от неожиданности женщина тихо ахнула. От её вскрика я сразу проснулся. Мгновенно сообразив, как выглядит ситуация со стороны, я осторожно натянул одеяло на Лену и поднялся. Ничего не было, поспешил успокоить я её мать. Просто уснули после проводов. Женщина внимательно посмотрела на меня, потом на спящую дочь и лишь молча кивнула.

Я быстро оделся и вышел на кухню. Через несколько минут туда вошла и она. На столе стояли недопитая бутылка коньяка и пустые чашки. Сквозь занавески пробивался яркий утренний свет. Я сел рядом с ней и осторожно обнял за плечи. Словно только сейчас осознав, что муж действительно уехал на войну, она уткнулась мне в плечо и заплакала. Я молча сидел рядом, не находя слов утешения. Не обижай мою девочку, наконец произнесла она сквозь слёзы. Она у меня одна. Я погладил её по волосам и серьёзно ответил: Мне очень нравится ваша дочь.

Обещаю, я никогда её не обижу. Женщина подняла на меня покрасневшие глаза. Несколько секунд она внимательно смотрела на меня, словно пытаясь понять, можно ли верить этим словам. Потом грустно улыбнулась и похлопала меня по колену. Иди поспи ещё немного. Вид у тебя не лучше, чем у нас. Я улыбнулся в ответ. Хорошо. Вернувшись в комнату, я осторожно лёг рядом с Леной на край дивана, стараясь её не разбудить. Она во сне сразу придвинулась ближе и положила голову мне на плечо. За окном уже вовсю шумел проснувшийся город, но в квартире всё ещё царила тихая утренняя сонная атмосфера. Я закрыл глаза. И почти сразу снова уснул.

Глава 14

Проснулся я от ощущения чужого взгляда. Открыв глаза, увидел Лену. Она сидела рядом на диване и внимательно смотрела на меня. Заметив, что я проснулся, она сразу покраснела и отвела взгляд. Ты сделал это? спросила она каким-то странным, напряжённым голосом. Что сделал? не понял я. В голове шумело после вчерашнего коньяка, а во рту словно кошки ночевали. Не дожидаясь ответа, я поднялся и направился на кухню. Налил себе крепкого чая и залпом выпил половину кружки. Постепенно становилось легче. В этот момент в кухню вошла Лена. Она ещё раз внимательно осмотрела себя, потом неожиданно облегчённо улыбнулась. Через секунду подбежала ко мне сзади, обняла за талию и повисла на спине. Эй, что с тобой? рассмеялся я. Подхватив её под руки, слегка приподнял и медленно закружил по кухне. Не кружи! тут же запротестовала она. Меня и так тошнит. Я поставил её на пол. Тогда есть проверенное средство. Давай похмелимся. Лена немедленно отпустила меня и посмотрела так, словно услышала величайшую глупость на свете. Похмеляются только алкоголики! Как ты вообще можешь такое говорить? Ничего подобного, возразил я. Похмеляются люди, которые понимают, что перебрали накануне. Вот именно! Перебрали! Зато честно признают свои ошибки. Мы уже готовы были продолжить спор, но тут на кухне появилась её мама. Не спорьте, дети, сказала она с улыбкой. Мы оба замолчали. А насчёт похмелья могу сказать одно: похмелье это вторая пьянка. Она произнесла это таким уверенным тоном, будто читала лекцию студентам. После чего неожиданно потрепала меня по волосам. Лена застыла от удивления. Похоже, она до сих пор ожидала, что мать устроит ей серьёзный разговор после вчерашнего вечера. Но вместо упрёков увидела спокойствие и понимание. Щёки Лены снова порозовели. Её мама тем временем уже доставала тарелки. Всё, хватит философствовать. Садитесь завтракать. Запах свежего хлеба и яичницы быстро вытеснил остатки вчерашних переживаний. Мы сели за стол. За окном светило утреннее солнце, а квартира постепенно наполнялась привычным домашним теплом. Ты будешь поступать в институт? неожиданно спросила мама Лены во время завтрака. Буду, ответил я. Если получится, то на следующий год. Как это на следующий? удивилась она. Зачем год терять? Попроси Сергея Павловича помочь. У него большие связи. Может, сумеет устроить поступление уже в этом году. Я задумался. В Советском Союзе долго без дела не просидишь. Надо либо учиться, либо работать. Иначе быстро заработаешь репутацию тунеядца, а это никому не нужно. И куда ты хочешь поступать? спросила она. За столом повисла тишина. Честно говоря, об этом я ещё всерьёз не думал. Даже не знаю, наконец произнёс я. Пока не решил. Неожиданно Лена вскочила со своего места. Я знаю! воскликнула она. Поступай ко мне в Литературный институт! Она подбежала ко мне и, обхватив руками за плечи, заговорила быстро и горячо: Представляешь? Будем вместе учиться, вместе готовиться к экзаменам, вместе ходить на занятия. Это же здорово! Я не удержался от улыбки. Осторожно обняв её за талию, усадил к себе на колени. Лена тут же смутилась и бросила быстрый взгляд на мать. Но та лишь улыбнулась и сделала вид, что увлечена своим чаем. Тогда Лена расслабилась, обняла меня за шею и положила голову на плечо. В этот момент что-то изменилось. Больше не нужно было делать вид, будто между нами просто дружба. Не нужно было прятать взгляды или искать оправдания нашим встречам. Молчаливое одобрение матери значило больше любых слов. С этого дня наши отношения перестали быть тайной и получили право на существование в глазах самых близких людей. Когда с завтраком было покончено, Лена незаметно подтолкнула меня локтем. Иди, узнай у дяди насчёт института, шепнула она. Я кивнул и отправился домой. Дверь открыла Мария Семёновна. Едва взглянув на меня, она подозрительно прищурилась. Ты где был? Похоже, лёгкий запах вчерашнего застолья не укрылся от её внимания. Полковника провожали, поспешил объяснить я. Мария Семёновна покачала головой. Вижу, как провожали. Она ещё раз внимательно посмотрела на меня и строго указала в сторону ван-

ной. Немедленно чистить зубы. И умываться. На тебя без слёз не взглянешь. Я только вздохнул и направился в указанную сторону. Кстати, бросил я на ходу, я хочу поступить в Литературный институт имени Горького. Мария Семёновна на секунду остановилась. В Литературный? Да. А вот это уже серьёзный разговор. Она подошла ближе и одобрительно похлопала меня по спине. От её прикосновения по телу словно разлилось приятное тепло. За последние дни я настолько привык к её заботе, что воспринимал её почти как родного человека. Если решил учиться, это правильно, сказала она. Только учти: писателем стать сложнее, чем инженером. Одного таланта мало, придётся много работать. Знаю. Хорошо, что знаешь. Она улыбнулась и подтолкнула меня к ванной. А теперь иди приводи себя в человеческий вид. Потом поговорим про твой институт и про то, как туда поступать. Я усмехнулся и открыл дверь ванной. Судя по всему, спокойной жизни мне сегодня никто не обещал. Но как только я ополоснул рот от зубной пасты ее соски прикоснулись к моей спине. Меня охватило возбуждение. Ночь проведенная в обнимку с девушкой требовала разрядки и я развернувшись поднял обнаженное тело своей тети и понес ее на кровать. Она запрокинула голову и ее волосы текли по паркету. Дверь не закрывай прошептала она и запустила меня в себя. Она была прекрасна. Упругие груди и массивные бедра. Она обхватила меня мощными ляжками и принялась целовать приводя себя в возбуждение. Потом запустила меня в себя и сразу кончила дрожа всем телом и издавая звериный рык. С трудом оторвавшись от объятий Марии Семёновны, я отправился приводить себя в порядок. Сначала набрал горячую ванну, потом долго стоял под душем, смывая усталость последних суток. Бессонная ночь, проводы полковника, разговоры до рассвета и выпитый алкоголь наконец начали сказываться. На душе было спокойно. Я не чувствовал ни сожалений, ни угрызений совести перед новоявленным дядей и Леной. Каждый из нас проживал этот непростой день по-своему, стараясь справиться с тревогой и переживаниями. Закончив с водными процедурами, я вытерся, надел чистую одежду и вернулся в комнату. Усталость навалилась неожиданно. Едва коснувшись подушки, я закрыл глаза. Мысли ещё какое-то время кружились вокруг Лены, её отца, предстоящей учёбы и будущего, но сон оказался сильнее. Через несколько минут я уже крепко спал.

Глава 15

Проснулся я от громких голосов, доносившихся из гостиной. Прислушавшись, понял, что профессор с кем-то оживлённо разговаривает по телефону. Судя по отдельным фразам, речь шла обо мне. Значит, Мария Семёновна всё-таки передала ему мою просьбу насчёт института. Я поднялся, привёл себя в порядок и вышел из комнаты. Ну что, хочешь быть литератором? с порога спросил дядя. Я молча кивнул. Он выглядел необычайно воодушевлённым. Тогда быстро завтракаем и едем восстанавливать твои документы. С этой книгой я совсем закрутился и про них забыл. Мария Семёновна подошла к мужу и ласково обняла его за плечи. А как прошла встреча с цензорами после выхода первой главы? спросила она своим мягким певучим голосом. Профессор вскочил из-за стола. Великолепно! воскликнул он, размахивая руками. Всё прошло просто великолепно! Книгу приняли в печать огромным тиражом. Представляешь? Огромным! Это будет настоящий фурор! Он рассмеялся и хлопнул меня по плечу. Обо мне заговорят! Затем, немного подумав, поправился: О нас заговорят. Я смутился. Что вы, дядя. Это ваша заслуга. Я ведь даже ещё не студент. Он громко рассмеялся и ударил ладонью по столу. Мой мальчик, ты уже студент. Вопрос зачисления чистая формальность. А как же экзамены? удивился я. Экзамены? переспросил он и снова рассмеялся. Поверь, всё уже решено. Мария Семёновна тепло улыбнулась мне. Вот видишь? Я же говорила, что твой дядя всё устроит. Профессор довольно обнял супругу, а я поднялся из-за стола. Не уходи далеко! крикнул он мне вслед. Нужно ещё свозить тебя в фотоателье. Весь день прошёл в разъездах. Через час были готовы фотографии. Потом мы посетили несколько кабинетов, заполнили бумаги, поставили подписи и собрали необходимые справки. Домой я вернулся только вечером. Профессор уехал на творческий вечер. Меня с собой не взял, объяснив, что пока не стоит связывать появление загадочного племянника с выходом новой книги. Едва я подошёл к дому, как на крыльце меня перехватила Лена. Она обняла меня за плечи и с волнением спросила получилось? Получилось ответил я. Лицо девушки сразу озарилось улыбкой. Не скрывая радости, она поцеловала меня. На мгновение весь окружающий мир словно исчез. Остались только её счастливые глаза и ощущение того, что впереди нас ждёт что-то новое и хорошее. Я осторожно прижал её к себе. Лена смутилась, покраснела и быстро оглянулась по сторонам. Пойдём отсюда, прошептала она. Взяв меня за руку, она потянула меня в сторону набережной. Вечерний город постепенно погружался в сумерки, а мы шли вдоль реки, наслаждаясь тёплым воздухом и неожиданным ощущением счастья, которое пришло после долгого и тревожного дня. Мы медленно шли по набережной, держась за руки. Москва-река лениво несла свои воды, отражая огни фонарей и последние отблески закатного неба. Вечер выдался тёплым, и на набережной было многолюдно. Проходили семьи с детьми, гуляли влюблённые пары, смеялась молодёжь. Лена шла рядом, время от времени украдкой поглядывая на меня. Значит, студент, наконец произнесла она с улыбкой. Получается, что так. А я говорила, что всё получится. Ты много чего говорила. И почти всегда оказываюсь права. Я рассмеялся. Она довольно кивнула, словно только что выиграла важный спор. Некоторое время мы молчали. Потом Лена неожиданно остановилась и стала серьёзной. Знаешь, после того как папа уехал, мне было очень страшно. Я крепче сжал её ладонь. И сейчас страшно. Понимаю. Нет, не понимаешь, тихо ответила она. Кажется, будто мир изменился за одну ночь. Вчера всё было понятно и спокойно, а сегодня уже нет. Я посмотрел на воду. В каком-то смысле она была права. Для неё мир только начинал меняться. Для меня же он уже давно изменился. Он вернётся, сказал я. Лена внимательно посмотрела мне в глаза. Ты всегда говоришь это так уверенно. Я лишь пожал плечами. Потому что верю. Она улыбнулась и прислонилась головой к моему плечу. Мы снова пошли вперёд. Вдали виднелись огни речного трамвайчика. Откуда-то доносилась музыка. Летний вечер жил своей неспешной жизнью. А когда начнётся учёба? спросила Лена. Сначала документы офор-

мят. Потом узнаем. Значит, будем учиться вместе. Похоже на то. И сидеть за одной партой. В институте нет парт. Тогда за одним столом. Это уже больше похоже на правду. Она засмеялась. Её смех звучал легко и свободно, совсем не так, как утром после проводов отца. И я поймал себя на мысли, что готов многое отдать, лишь бы этот смех звучал как можно дольше. Солнце окончательно скрылось за горизонтом. На город опускался тёплый июньский вечер. Мы дошли до старой скамейки у самой воды и присели рядом. Лена положила голову мне на плечо и задумчиво произнесла: Странно. Ещё неделю назад я даже не знала, что ты существуешь. А теперь? А теперь мне кажется, что ты был рядом всегда. Я ничего не ответил. Иногда самые важные слова лучше оставить без ответа. Мы сидели молча, слушая плеск воды и шум вечернего города, а впереди нас ждала целая жизнь, о которой пока никто из нас ещё не догадывался. Мы сидели на лавочке у реки целовались и совершенно забыли о времени. Ночь была тёплой, набережная почти опустела, и нам казалось, что весь город давно уснул. Ваши документы. Мы вздрогнули и одновременно обернулись. Перед нами стоял милиционер в белой форме. Мы растерянно переглянулись. Мы тут рядом живём, поспешно сказала Лена. Полночь уже, а вы тут непристойностями занимаетесь, укоризненно произнёс милиционер. Я племянник профессора Островского, заявил я, решив, что это поможет. Однако никакого впечатления на него мои слова не произвели. В отделении разберёмся, кто чей племянник, строго ответил он. Через несколько минут мы уже сидели на деревянной лавке в районном отделении милиции. В камеру нас никто не отправил, но легче от этого не становилось. Мимо проходил дежурный. Увидев нас, он удивлённо остановился. А этих за что? Целовались на набережной, с возмущением сообщил милиционер. Дежурный внимательно посмотрел сначала на меня, потом на Лену. Женаты? Лена мгновенно покраснела. Этого оказалось достаточно. Понятно, вздохнул дежурный. Молодёжь… Он покачал головой. Напишем в комсомольскую организацию. Пусть там с вами воспитательную работу проводят. Я племянник профессора Островского, снова повторил я. На этот раз дежурный посмотрел на меня внимательнее. Потом молча подвинул телефон. Звони своим родственникам. Я быстро набрал номер квартиры. Трубку взяла Мария Семёновна. Спокойно выслушав мой сбивчивый рассказ, она уточнила адрес отделения и сказала: Ждите. Ровно через несколько минут дверь открылась. Мария Семёновна вошла так уверенно, словно приехала не забирать двух провинившихся студентов, а проводить важную государственную проверку. Элегантное платье, аккуратная причёска, безупречная осанка. Даже милиционеры невольно подтянулись. Она предъявила документы, спокойно выслушала объяснения сотрудников, написала необходимые бумаги и, поблагодарив дежурного, забрала нас домой. Обратная дорога прошла в полном молчании. Мне было стыдно. Первый день студенческой жизни ещё не начался, а я уже успел попасть в милицию. Лена тоже шла молча, стараясь не встречаться ни со мной, ни с Марией Семёновной взглядом. У подъезда её дома я передал девушку матери и поспешил обратно. Но едва переступил порог квартиры, как понял, что самое неприятное ещё впереди. Мария Семёновна уже ждала меня в гостиной. Она сидела в кресле, сложив руки на груди. Садись, сказала она. По её голосу стало ясно: сейчас последует такой разбор полётов, что визит в милицию покажется лёгкой прогулкой. Но она вынула из прически шпильки и встряхнув головой разбросала свои вороненные волосы по плечам. Призывно протянув руки она обняла меня. И раздвинув ноги тут же в кресле отдалась мне. Когда я вошёл в ванную, в квартиру вернулся дядя. Судя по всему, творческий вечер прошёл более чем успешно. Он напевал какую-то мелодию, снимал на ходу пиджак и выглядел необычайно довольным жизнью. Как дела, племяш? бросил он мне, даже не останавливаясь. Нормально, ответил я. К счастью, о моих ночных приключениях в отделении милиции он ещё ничего не знал. Мария Семёновна появилась в прихожей и тут же решительно взяла инициативу в свои руки. Идём, герой вечера, с улыбкой сказала она мужу. Уже иду, уже иду! Дядя рассмеялся и позволил увести себя в спальню. Я же отправился в ванную. Тёплый душ окончательно смыл остатки напряжения этого долгого дня. Только сейчас я понял, насколько устал. Вернувшись

в свою комнату, я лёг на кровать и накрылся одеялом. Сон никак не приходил. Сквозь приоткрытую дверь доносились голоса. Дядя с воодушевлением рассказывал о творческом вечере, о будущих тиражах, о читателях и критиках. В его голосе звучала искренняя радость человека, который наконец добился признания. Время от времени раздавался мягкий смех Марии Семёновны. Она слушала мужа внимательно и терпеливо, подбадривала его, задавала вопросы и искренне радовалась его успехам. Иногда мне казалось, что именно её вера помогала ему двигаться вперёд все эти годы. Постепенно голоса становились всё тише. За окном шумел ночной город. Я лежал с закрытыми глазами и думал о том, как странно изменилась моя жизнь всего за несколько недель. Ещё недавно я не знал ни этих людей, ни Лену, ни того, что буду поступать в институт. А теперь всё это стало частью моей судьбы. Последнее, что я услышал перед тем, как уснуть, был тихий смех Марии Семёновны и счастливый голос дяди, который вновь рассказывал ей о своих планах на будущее. Потом сон наконец взял своё. Утро выдалось удивительно тихим и каким-то по-семейному спокойным.

Глава 16

За завтраком все были немного сонными. Особенно дядя. Он сидел во главе стола с перевязанной головой и героически боролся с последствиями вчерашнего творческого вечера. Никаких попыток поправить здоровье он не предпринимал. В те времена считалось, что похмелье лечить алкоголем значит просто начинать вторую пьянку. Поэтому профессор стойко пил крепкий чай и делал вид, что чувствует себя прекрасно. После завтрака он подозвал меня к себе в кабинет. Садись, племяш. Я устроился напротив. На столе уже лежали исписанные листы, карандаши и несколько папок с заметками. Надо начинать второй том, без предисловий заявил он. Чтобы не было задержек. А ещё желательно подготовить материалы и для третьего тома. Третьего? Конечно. Пока первый только выходит, мы должны иметь серьёзный задел вперёд. К тому же Маша успеет всё вычитать, исправить и довести до ума. Я задумался. А с кем я поеду писать? Профессор нахмурился. Вопрос ему явно не понравился. Однако спустя несколько секунд он тяжело вздохнул. Понимаю, о чём ты. Я промолчал. После недолгой паузы он кивнул. Ладно. Маша поедет с тобой. Из соседней комнаты тут же донёсся довольный голос Марии Семёновны: Я всё слышу! Я знаю, что слышишь! проворчал профессор. Затем снова повернулся ко мне. Но двух машинисток всё равно возьмёте. Пусть работают. А Маша будет сразу заниматься правкой и редактурой. Мне нужна машина, заявил я. Профессор посмотрел на меня поверх очков. Какая ещё машина? Обычная. Легковая. Уже требования пошли, усмехнулся он. Я пожал плечами. Работа требует условий. Несколько секунд профессор смотрел на меня, потом неожиданно рассмеялся. Будет тебе машина. Правда? Правда. Но пока с водителем. Почему? Потому что без водительских прав ездить нельзя. Я открыл рот для возражений. И не спорь, сразу предупредил он. Права позже сделаем. А пока будешь ездить как важный писатель на заднем сиденье. С этим трудно было спорить. Сборы начались сразу после разговора. Они оказались недолгими. Через несколько часов вещи были уложены, рукописи собраны, машинистки предупреждены, а возле дома уже стояла выделенная машина. Перед отъездом я успел попрощаться с Леной. Она явно обиделась, что я ничего толком не объяснил и не сказал, куда именно уезжаю. Но времени на долгие разговоры уже не оставалось. Машина тронулась. Москва постепенно осталась позади. Впереди ждала дача, тишина, сосновый лес и месяцы напряжённой работы. Вечером того же дня на столе уже лежала чистая стопка бумаги. Я посмотрел на неё, взял ручку и сделал первую запись. Начинался второй том. Но я ее так давно не видел поэтому обнял ее и она легко поддалась мне и я овладел ею. Девушки машинистки ушил в сад не мешая нам и мы с чувством отдались друг другу. Работа началась уже на следующее утро. Пока машинистки раскладывали бумаги и готовили пишущие машинки, я сидел на веранде и вспоминал общий план будущей книги. Самое сложное было не написать продолжение, а сохранить целостность всей истории. Я прекрасно помнил основные сюжетные линии. Вторая линия была связана с Ричардом Феттлом близким другом погибшего героя и таким же писателем, человеком, который оказался вынужден жить дальше после трагедии. Через него читатель должен был увидеть последствия произошедших событий и то, как меняется мир вокруг. Ему предстояло не только смириться с потерей друга, но и понять, какое будущее ждёт людей искусства и всё общество. Третья сюжетная линия принадлежала Мартину Берку одному из ведущих специалистов в области психологии. Его исследования позволяли проникать в самые глубины человеческого сознания. Через этого героя раскрывались философские вопросы личности, памяти, выбора и природы человеческих поступков. Я быстро записал основные события обеих линий, обозначил ключевые повороты сюжета и связи между персонажами. Когда набросок был готов, я позвал Машу. Она пришла с красным карандашом и толстой папкой бумаги под мышкой. Ну, показывай, что придумал. Я начал рассказывать. Сначала изложил историю Ричарда Феттла, затем перешёл к Мартину Берку, объяснил, как их

судьбы будут постепенно пересекаться и каким образом обе линии в конечном итоге приведут читателя к главной развязке. Маша слушала внимательно. Иногда она делала пометки. Иногда задавала уточняющие вопросы. Наконец я закончил. Несколько секунд она молчала. Интересно, произнесла она. Только интересно? Нет. Очень интересно. Она перелистнула записи ещё раз. Самое главное персонажи живые. У каждого есть собственная цель, собственная боль и собственная правда. Это удержит читателя. Я улыбнулся. Значит, работаем дальше? Конечно работаем. Она постучала карандашом по столу. Только не забывай, что любой большой роман держится не на событиях, а на людях. Читатель должен переживать за героев, а не просто следить за сюжетом. Понял. Вот и отлично. Она поднялась из-за стола. Диктуй первую главу. За соседними столами тут же оживились машинистки. Застучали клавиши. Я посмотрел на чистые листы бумаги, сделал глубокий вдох и начал рассказывать новую историю. Когда день подошёл к концу и работа была закончена, неожиданно навалилась тоска. Я вышел на веранду и долго сидел в одиночестве, глядя на темнеющий лес. Весь день прошёл в привычной суете. Я диктовал текст, машинистки печатали, Маша правила рукопись, обсуждала персонажей и спорила со мной по поводу отдельных сцен. Казалось бы, всё складывалось прекрасно. Книга писалась. Поступление в институт было практически решённым вопросом. Рядом были люди, которые мне доверяли. Лена ждала моего возвращения. Но именно в такие спокойные минуты меня иногда накрывало странное чувство. Что я вообще делаю в этом времени? Для чего оказался здесь? Неужели вся моя роль сводится к тому, чтобы переписывать книги, написанные кем-то другим? Я задумался. Если судьба забросила меня в прошлое, значит, должна существовать какая-то причина. Какая-то задача. Что-то важное, что необходимо изменить. Я начал мысленно перебирать события ближайших лет. Олимпиада. Политические перемены. Афганистан. Научные открытия. И вдруг меня словно ударило током. Высоцкий. Я резко поднялся. Владимир Высоцкий должен был умереть летом, незадолго до окончания Олимпиады. Эту новость знала вся страна. Даже спустя десятилетия люди помнили тот день. Я остановился посреди комнаты. Если я действительно способен что-то изменить, то почему бы не попытаться начать именно с этого? Не раздумывая больше ни секунды, я вышел во двор. Машину! крикнул я водителю. Тот удивлённо посмотрел на меня, но спорить не стал. Вернувшись в дом, я сразу набрал номер дяди. Трубку сняли почти мгновенно. Слушаю. Дядя, мне нужна ваша помощь. Что случилось? Узнайте, пожалуйста, где сейчас находится Владимир Высоцкий. На другом конце провода наступила пауза. Высоцкий? переспросил профессор. Тот самый певец? Да. А зачем он тебе понадобился? Объясню позже. Пауза стала ещё длиннее. Я почти видел, как профессор снимает очки и задумчиво смотрит в окно. Хорошо, наконец ответил он. Постараюсь узнать. В трубке щёлкнуло. Связь оборвалась. А я остался стоять возле телефона, понимая, что впервые за всё время собираюсь вмешаться в историю не ради себя, а ради человека, которого никогда не встречал лично. И последствия такого решения предсказать было невозможно.

Глава 17

Дядя перезвонил через несколько часов. Нашёл твоего Высоцкого. Сейчас он в театре на Таганке, на репетиции. Спасибо. Может, теперь объяснишь, что происходит? Обязательно. Но позже. Не дожидаясь новых вопросов, я положил трубку. Наше решение было совершенно спонтанным. Возможно, именно поэтому всё получилось. Когда Владимир Семёнович вышел из театра, выглядел он крайне уставшим. Под глазами залегли тени, движения были тяжёлыми и какими-то механическими. Я подошёл к нему. Владимир Семёнович, вас подвезти? Он внимательно посмотрел на меня, словно пытаясь вспомнить, знакомы ли мы. Потом устало махнул рукой. Подвезите… Сев в машину, он откинулся на сиденье и почти сразу закрыл глаза. Я оглушил его заранее приготовленным чурбаком и связал. Всю дорогу молчал. Я украдкой наблюдал за ним и всё больше убеждался, что дело серьёзнее, чем мне казалось раньше. На дачу мы приехали уже поздно вечером. Только там я наконец понял, насколько безумен мой поступок. Я привёз к себе одного из самых известных людей страны, не имея ни плана, ни уверенности в собственных действиях. Лишь страх. Страх перед тем, что скоро может произойти. Когда Высоцкий проснулся и осознал, что находится в незнакомом месте, реакция оказалась вполне ожидаемой. Он потребовал объяснений. Потребовал немедленно отвезти его обратно в Москву. Потребовал вызвать милицию. Я пытался объяснить, что хочу помочь. Но чем больше говорил, тем безумнее звучали мои слова. Человек, утверждающий, что знает будущее, доверия не вызывает. Наконец Владимир Семёнович замолчал и долго смотрел на меня. Кто ты такой? тихо спросил он. Это был вопрос, на который у меня не было ответа. Я и сам всё чаще задавал его себе. Некоторое время в комнате стояла тишина. За окном шумели сосны. Вдалеке стрекотали ночные насекомые. Послушайте, наконец сказал я. Всё, что я сейчас прошу, это несколько дней отдыха. Без концертов, без выступлений, без поездок. Просто отдохните. Высоцкий усмехнулся. Улыбка получилась грустной. Молодой человек, вы даже не представляете, сколько людей пытались заставить меня отдыхать. Возможно. И ни у кого не получилось. Я тяжело вздохнул. Разговор заходил в тупик. Но отступать я не собирался. Слишком хорошо помнил дату, которая приближалась с каждым днём. Я снова огрел его чурбаком и ввел в искусственную кому. В ту ночь я почти не спал. Сидел на веранде и смотрел на звёзды. Впервые с момента попадания в прошлое я попытался изменить не книгу, не собственную судьбу, а историю. И теперь оставалось только понять, хватит ли у меня сил довести это решение до конца. Женская половина дома ещё ничего не знала о происходящем. Зато водитель, которого я взял с собой, посчитал своим долгом доложить обо всём профессору. К утру дядя был уже на даче. Он ворвался в дом как ураган. Ты что натворил?! закричал он с порога. Увидев встревоженные лица Марии Семёновны и машинисток, профессор сразу взял себя в руки. Все выйдите, пожалуйста, жёстко сказал он. Женщины переглянулись, но спорить не стали. Когда дверь закрылась и мы остались одни, дядя резко повернулся ко мне. Ты хоть понимаешь, кого привёз сюда? Я молчал. Это Владимир Высоцкий! Его ищут друзья, коллеги, театр! Если поднимется шум, нас всех ждут большие неприятности! Мне это нужно, упрямо ответил я. Профессор несколько секунд смотрел на меня. Потом тяжело опустился в кресло. Он был зол. Очень зол. Но ещё он слишком хорошо меня знал. Если уж я во что-то вцепился, переубедить меня было почти невозможно. Некоторое время мы сидели молча. Наконец он устало потёр переносицу. Хорошо. Объясняй. Я хочу спасти Владимира Высоцкого. Дядя невесело усмехнулся. Спасти? Да. От чего именно? Я замялся. Сказать правду было невозможно. Просто спасти. Профессор покачал головой. Иногда мне кажется, что ты знаешь о людях и событиях гораздо больше, чем должен. Я ничего не ответил. Он встал и прошёлся по комнате. Ты понимаешь, что речь идёт о взрослом человеке? О знаменитом человеке. Его нельзя просто запереть на даче и считать, что этим решены все проблемы. Я знаю. Нет, не знаешь. Он остановился возле окна. Многие

пытались ему помочь. Друзья. Родные. Врачи. Но некоторые битвы человек должен выиграть сам. Я смотрел в пол. Слова профессора были разумными. Но память упорно подсказывала мне другое. Дату. Событие. Новость, которую в моём времени знала вся страна. Именно поэтому я не собирался отступать. Профессор долго изучал меня взглядом. Потом тяжело вздохнул. Что тебе нужно? Нужен человек, который сможет присматривать за ним. Постоянно. Чтобы рядом был кто-то с медицинским опытом. Вот теперь это уже похоже на разумный разговор. Он подошёл к телефону. Попробую что-нибудь придумать. Я впервые за всё утро почувствовал облегчение. Дядя всё ещё считал мою затею безумной. Но, как и всегда, когда понимал, что переубедить меня невозможно, предпочитал помочь и держать ситуацию под контролем. За окном начиналось новое утро. А в комнате на втором этаже спал человек, которого знала вся страна. И от того, что произойдёт в ближайшие дни, могла зависеть не только его судьба, но и судьба многих людей, чьи жизни были связаны с его именем.

Глава 18

К моему удивлению, профессор действительно сумел найти сиделку. Не задавая лишних вопросов, он привёз немолодую женщину с медицинским опытом, которой объяснил, что на даче отдыхает известный артист, нуждающийся в покое и постоянном присмотре. На этом его участие не закончилось. Дядя взял на себя все разговоры и организационные вопросы, а мне велел заниматься тем, ради чего мы сюда приехали. Если уж устроил весь этот переполох, проворчал он, то хотя бы книгу не забрасывай. Через день жизнь на даче постепенно вернулась в привычное русло. Вернулись Маша и машинистки. Снова застучали пишущие машинки. Снова на столах появились стопки бумаги. Снова начались споры о персонажах, диалогах и сюжетных поворотах. Только одна тайна теперь витала над домом. Человек, занимавший комнату на втором этаже. Женское любопытство оказалось сильнее любых редакторских обязанностей. Особенно у Маши. И кто же там у нас живёт? как бы между прочим спросила она во время обеда. Я сделал вид, что не понял вопроса. Где? На втором этаже. Никто особенный. Конечно, конечно, улыбнулась она. Именно поэтому профессор лично ездит в Москву за продуктами и каждые два часа интересуется его самочувствием. Я промолчал. Дима… Что? Ты ужасно не умеешь хранить секреты. Но ведь я ничего не сказал. Именно поэтому всё и понятно. Машинистки тут же навострили уши. Я понял, что тема становится опасной. К счастью, профессор вовремя вмешался. Маша, оставь мальчишку в покое. Я просто интересуюсь. А я просто прошу не интересоваться. Она подняла руки в знак капитуляции. Хорошо, хорошо. Но по её хитрой улыбке было видно, что любопытство никуда не исчезло. Во дворе Маша поймала меня у туалета и принялась целовать. Я развернул ее и приподняв подол платья тут же оприходовал ее. Ну и кто там живет спросила она переводя дыхание. Мой друг ответил я и пошел в дом. Подожди обманщик крикнула Маша догоняя меня. Но ей не удалось вызнать у меня правду. Впрочем, в те годы никому и в голову не приходило думать о похищении человека. Тем более если речь шла о даче известного профессора, где постоянно находились люди, работали машинистки и писалась книга. Самой невероятной версией могло показаться что угодно творческий кризис, тайная работа над новым произведением, приезд важного гостя. Но никак не преступление. Поэтому жизнь вокруг текла своим чередом. По утрам мы работали. Днём обсуждали рукопись. Вечерами сидели на веранде и пили чай. И только я один постоянно поглядывал на лестницу, ведущую на второй этаж, понимая, что там находится человек, ради которого я впервые решил вмешаться в ход истории. И пока никто не догадывался, насколько серьёзными могут оказаться последствия этого решения. Той ночью мне долго не спалось. Высоцкий оставался на даче под присмотром сиделки, работа над книгой шла своим чередом, но меня не покидало ощущение, что для осуществления моего замысла не хватает ещё одного человека. И вдруг я вспомнил о Кашпировском. Тогда его имя ещё не гремело на весь Советский Союз. До телевизионных сеансов оставались годы. Но я помнил, что уже в те времена он занимался психотерапией и искал собственные методы работы с людьми. Утром я рассказал о своей идее профессору. Теперь тебе понадобился Кашпировский? устало спросил дядя. Да. А завтра кто? Академик, космонавт или министр культуры? Кашпировский. Профессор только покачал головой. Однако связи у него действительно были феноменальные. Уже к вечеру он сообщил результат. Нашли твоего психотерапевта. Где? На Алтае. Что он там делает? По словам моих знакомых, живёт среди местных жителей, изучает какие-то практики, много путешествует по отдалённым местам. Точной информации никто не знает. Его нужно доставить сюда. Профессор посмотрел на меня так, словно оценивал степень моего безумия. И как, по-твоему, я его доставлю? Я задумался лишь на секунду. Тогда я сам поеду. Конечно, вздохнул дядя. Кто бы сомневался. Некоторое время он молчал. Потом махнул рукой. Ладно. Дописывай вторую главу. Заканчивай текущую работу и отправляйся. Через двое суток я надиктовал весь подго-

товленный материал. Машинистки получили очередную порцию текста. Маша занялась редактурой. А я отправился в аэропорт. Через несколько часов самолёт уже снижался над Новосибирском. В аэропорту меня встретил профессор Вяземский старый знакомый моего дяди. Высокий, бородатый, в потёртой штормовке, он больше походил на таёжного проводника, чем на учёного. Так это тебя прислали искать загадочного психотерапевта? усмехнулся он, пожимая мне руку. Похоже на то. Тогда скучно не будет. Следующие несколько дней прошли в дороге. Чем дальше мы уходили от больших городов, тем реже встречались люди и тем суровее становилась природа. Наконец мы добрались до деревни Куйбышевка. Деревня оказалась крошечной. Несколько домов, старые хозяйственные постройки и бескрайняя тайга вокруг. Меня разместили в доме охотника. За ужином хозяин рассказал всё, что знал. Есть тут один приезжий сказал он. Здоровенный такой мужик. Живёт у старого шамана на заимке. Далеко? Километров тридцать. Немного. Охотник рассмеялся. По карте немного. А по нашим дорогам полдня пути. На рассвете мы выехали. Старенький УАЗ подпрыгивал на колеях, форсировал ручьи и с трудом пробирался между деревьями. Тайга казалась бесконечной. Лишь к вечеру впереди показались несколько построек. Приехали, коротко сказал водитель. Двигатель заглох. Наступила непривычная тишина. Я выбрался наружу и тут же пожалел об этом. На свежую добычу мгновенно набросились полчища комаров. Казалось, что вся тайга только и ждала появления нового человека. Отмахиваясь от насекомых, я закинул рюкзак за плечо и посмотрел на стоявшие впереди постройки. Над заимкой поднимался дым. Где-то лаяла собака. А среди деревьев уже сгущались сумерки. Где-то здесь находился человек, за которым я проделал путь через половину страны. И очень скоро мне предстояло выяснить, захочет ли он вообще разговаривать со мной. На горизонте, в вечернем тумане, который медленно поднимался над рекой, двигались две фигуры. Я выбрался из машины и направился к ним. Подойдя ближе, я с удивлением увидел весьма необычную картину. Высокий широкоплечий мужчина стоял по колено в воде и ловил карасей самым невероятным способом просто вычерпывал их ведром из мелководья. На берегу уже лежал приличный улов. Не меньше десятка серебристых рыб трепыхались на мокрой траве. Я решил не мешать и расположился возле костра. Лезть в воду желания не было. Комары прекрасно справлялись со своей работой и на берегу. Через некоторое время мужчина вышел из реки. С мокрых плеч стекала вода. Увидев меня, он спокойно кивнул. Добрый вечер. Добрый вечер ответил я ему далеко забрались. Пришлось ответил он. Он улыбнулся. За рыбой или за мной? За вами. Кашпировский рассмеялся. Значит, всё-таки за мной. Он поднял ведро с очередным уловом. Как рыбалка? спросил я. На неделю хватит. Я тоже улыбнулся. Вместе мы собрали рыбу и понесли её к стоявшему неподалёку чуму. Несколько карасей он сразу почистил. Остальную рыбу аккуратно пересыпал солью и уложил в большую плетёную корзину. Внутри чума было тепло и уютно. Посреди потрескивал небольшой очаг. Кашпировский поставил сковороду и занялся ужином. Любишь рыбу? неожиданно спросил он. Люблю. Я тоже люблю. Он немного помолчал. Очень люблю. В его голосе прозвучала какая-то грусть. Через несколько минут передо мной уже стояла миска с жареными карасями. Сам хозяин почти не притронулся к еде. Он сидел напротив и с улыбкой наблюдал за мной. Наконец произнёс: Смелый ты человек. Почему? Проделал такой путь через всю страну ради встречи с человеком, которого никогда не видел. Я вытер руки о полотенце. Значит, поможете? Кашпировский посмотрел на огонь. Будто давно знал ответ. Помогу. Даже не спросите зачем? Спрошу потом.

Он улыбнулся. Сейчас слишком хороший вечер для серьёзных разговоров. Вскоре разговор сам собой затих. Мы улеглись возле очага, укрывшись шкурами. За стенами чума шумела ночная тайга. Где-то далеко выли собаки. Я уснул почти мгновенно. Утром мы отправились обратно. Дорога заняла почти весь день. В посёлке Кашпировский первым делом отдал засоленную рыбу охотнику, поблагодарил хозяев за приют и собрал свои немногочисленные вещи. Из вещей у него оказалось удивительно мало: документы, несколько книг, смена одежды и потрёпанная дорожная сумка. Всё? удивился я. А что ещё человеку нужно? пожал плечами он.

На этот вопрос я ответа не нашёл. Через несколько часов мы уже летели в Москву. Самолёт набирал высоту. Под крылом медленно исчезали бескрайние леса Алтая. Кашпировский сидел у иллюминатора и задумчиво смотрел вниз. А я думал о том, что теперь на моей даче соберутся сразу два человека, чьи имена через несколько лет будет знать вся страна. И почему-то мне казалось, что самые невероятные события ещё только начинаются.

Глава 19

Появление нового человека на даче не прошло незамеченным. Если присутствие Высоцкого оставалось тайной для большинства обитателей дома, то Кашпировский очень быстро оказался в центре внимания. Высокий, широкоплечий, уверенный в себе, он обладал редким даром располагать к себе людей. При этом в нём не было ни показной важности, ни стремления произвести впечатление. Он умел слушать собеседника так, словно в этот момент для него не существовало ничего важнее разговора. Женщины оценили это сразу. Маша сначала отнеслась к гостю настороженно, но уже через пару дней увлечённо спорила с ним о литературе, человеческой психологии и природе таланта. Машинистки и вовсе смотрели на него с нескрываемым интересом. Особенно когда он начинал рассказывать истории из своих путешествий. По вечерам мы собирались на веранде. На столе появлялись салаты, свежий хлеб, чай и всё то нехитрое дачное угощение, которое удавалось привезти из Москвы. Солнце медленно опускалось за сосны. В воздухе пахло нагретой древесиной и травами. Анатолий занимал своё место за столом и начинал рассказывать. О людях, которых встречал в дальних уголках страны. О врачах, с которыми работал. О пациентах, чьи судьбы навсегда изменили его собственную жизнь. О стариках, живущих в тайге. О шаманах Алтая. О том, как страх способен управлять человеком сильнее любой болезни. И о том, насколько велика сила убеждения. Говорил он спокойно, без театральности и лишних эмоций. Но слушали его, затаив дыхание. Даже профессор, обычно относившийся к новым знакомствам весьма скептически, постепенно проникся к гостю уважением. Однажды вечером я заметил, что работа над книгой практически остановилась. Машинистки давно забыли о рукописях. Маша отложила карандаш. Профессор перестал спорить с редакторскими замечаниями. Все слушали Кашпировского. Сам он, кажется, этого даже не замечал. Просто рассказывал очередную историю, а люди невольно тянулись к его голосу. В такие минуты я понимал, почему через несколько лет его узнает вся страна. Некоторые люди обладают особым даром. Не красотой. Не славой. Не властью. А способностью привлекать внимание окружающих одним своим присутствием. Именно таким человеком был Анатолий. А где-то на втором этаже в своей комнате жил другой человек, обладавший не меньшим магнетизмом. Человек, чьи песни знала вся страна. Иногда мне казалось, что судьба решила собрать на нашей тихой подмосковной даче слишком много необычных людей одновременно. И я всё чаще задавался вопросом: что произойдёт, когда эти двое наконец встретятся лицом к лицу? Очень скоро я понял, что ситуация начинает выходить из-под контроля. Появление Кашпировского на даче оказалось для нашей работы настоящим бедствием. Не потому, что он мешал. Наоборот. Он слишком хорошо умел завладевать вниманием людей. Вечерами машинистки забывали о рукописях и слушали его рассказы. Мария Семёновна всё чаще откладывала редакторские правки. Даже профессор начал проводить на даче больше времени, чем собирался. А между тем второй том существовал лишь в моей голове. Пришлось принимать меры. Я отправил профессора и Марию Семёновну обратно в Москву заниматься редактурой уже готовых материалов. Сам остался на даче с машинистками и с утра до поздней ночи надиктовывал продолжение книги. Работа снова сдвинулась с места. Кашпировский занимался Высоцким. Я занимался романом. Казалось, всё шло по плану. Но меня снова мучило знакомое чувство. Словно я забыл что-то важное. Что-то, без чего картина будущего оставалась неполной. Несколько дней я не мог понять, в чём дело. Потом среди ночи буквально сел на кровати. Ленинград. Мне срочно нужно было в Ленинград. На следующий день я позвонил профессору. Мне нужно уехать. Куда ещё? устало спросил он. В Ленинград. На том конце провода наступила тишина. Потом профессор рассмеялся. На улицу Бассейную? Именно. Жил человек рассеянный на улице Бассейной… продекламировал он. Вот туда мне и нужно. Зачем? Потом объясню. Конечно, объяснишь. Когда-нибудь. Он тяжело вздохнул.

Езжай. Через несколько часов я уже сидел в поезде. Дорога заняла ночь. Утром я стоял возле старого ленинградского дома и смотрел на нужный адрес. Сердце почему-то билось быстрее обычного. Я поднялся по лестнице и позвонил. Дверь открыл худощавый кореец лет двадцати. Он вопросительно посмотрел на меня. Я заглянул через его плечо. Ну что купил уже гитару спросил я. На диване лежала двенадцати струнная гитара. Значит, я не ошибся. Привет, сказал я и протянул руку. Он удивлённо пожал её. Мы знакомы? Пока нет. Тогда откуда ты меня знаешь? Долго объяснять. Он продолжал смотреть на меня с подозрением. Я решил перейти к делу. Поедешь со мной в Москву? Зачем? Покажу кое-что интересное. Что именно? Такого ты ещё точно не видел. Он усмехнулся. А кормить будут? Обязательно. Чем? Колбасой, селёдкой и всем, что положено настоящим музыкантам. Он рассмеялся. А ты сам музыкант? Нет. Тогда кто? Писатель. Странный ты писатель. Зато не скучный. Он задумался всего на минуту. Потом посмотрел на гитару. На меня. И неожиданно кивнул. Ладно. Поехали. Через час мы уже сидели на вокзале. Ещё через несколько часов поезд нёс нас в сторону Москвы. Всю дорогу мой новый спутник перебирал струны и что-то тихо напевал себе под нос. А я слушал и улыбался. Иногда знание будущего позволяло увидеть то, чего ещё не замечали окружающие. Утром мы прибыли на дачу. Я с интересом наблюдал за выражением его лица. Потому что очень скоро ему предстояло оказаться за одним столом с людьми, которых спустя годы будут помнить миллионы. И мне самому было любопытно узнать, чем закончится эта совершенно невозможная встреча. Жители дачи встретили худощавого корейца настороженно.

Впрочем, их можно было понять. За последние недели через дом прошла целая вереница странных гостей. Сначала появился загадочный пациент на втором этаже, потом из алтайской тайги был привезён Кашпировский, а теперь я вернулся из Ленинграда с неизвестным музыкантом и двенадцати струнной гитарой. Даже невозмутимая Мария Семёновна, приехавшая проверить ход работы над книгой, несколько секунд молча рассматривала моего спутника. И кто это? наконец спросила она. Музыкант. Это я уже поняла. Очень хороший музыкант. А зовут его как? Кореец сам пришёл мне на помощь. Виктор. Он улыбнулся своей немного застенчивой улыбкой и пожал протянутую руку. Профессор, наблюдавший за сценой с веранды, только покачал головой. Я даже спрашивать не буду, где ты его нашёл. И правильно. Потому что ответ меня всё равно не обрадует. Виктор тихо усмехнулся. В отличие от большинства людей, он почти не стремился оказаться в центре внимания. Пока остальные знакомились, он спокойно поставил сумку возле стены и устроился в стороне. Но стоило ему взять в руки гитару, как ситуация изменилась. Сначала он просто проверил строй. Несколько раз провёл пальцами по струнам. Потом заиграл какую-то мелодию. Разговоры на веранде постепенно стихли. Маша подняла голову от рукописи. Машинистки перестали стучать на машинках. Даже профессор отложил газету. Музыка заполнила весь дом. Негромкая. Простая. Но удивительно живая. Когда последние звуки растворились в вечернем воздухе, несколько секунд никто не произносил ни слова. Неплохо, наконец сказал профессор. Для человека его поколения это было равносильно восторженной похвале. Виктор смущённо пожал плечами. Обычные песни. Если это обычные песни, то мне страшно представить необычные, заметила Мария Семёновна. За столом раздался смех. Напряжение исчезло. Гость был принят. На даче во царила идиллия. Профессор засобирался домой я подошел к нему и произнес полковник на войне надо бы помочь ему с дачей. Дядя посмотрел на меня с удивлением но увидев мой взгляд осекся и произнес не переживай.

Глава 20

Позже, когда стемнело и на веранде зажгли лампу, я наблюдал удивительную картину. За одним столом сидели профессор, Кашпировский, Виктор с гитарой и остальные обитатели дачи. Разговоры сменялись песнями. Песни спорами. Споры шутками. А я смотрел на них и думал, что судьба окончательно сошла с ума. В одном подмосковном доме собрались люди из совершенно разных миров. Каждый из них ещё только приближался к своей известности или уже нёс её тяжёлый груз. И никто из присутствующих не подозревал, что спустя годы эту встречу сочли бы совершенно невозможной. Кроме меня. Только я один знал, насколько невероятной была эта картина. Вечером я нашёл Кашпировского одного на веранде. Остальные разбрелись по комнатам. Виктор сидел на ступеньках крыльца и тихо перебирал струны гитары. Я протянул Анатолию сложенный вчетверо листок. Он развернул его и пробежал глазами текст. Потом поднял на меня удивлённый взгляд. Что это? Песня. Чья? Я помедлил. Виктора. Но он её ещё не написал? Не написал. Кашпировский внимательно посмотрел на меня. И что ты хочешь? Я сел рядом. Иногда мне кажется, что я просто возвращаю людям то, что и так принадлежит им. Он снова посмотрел на листок. Ты хочешь отдать ему эту песню сейчас? Да. Несколько секунд Анатолий молчал. Потом покачал головой. Нет. Почему? Потому что песню нельзя вложить человеку в голову как записку в карман. Я нахмурился. Но если она всё равно будет его… Будет. Тогда какая разница? Кашпировский сложил листок и вернул его мне. Огромная. Он посмотрел в сторону Виктора. Тот сидел на крыльце и, не замечая нас, продолжал что-то наигрывать. Ты думаешь, ценность песни только в результате? А разве нет? Нет. Он говорил спокойно, словно объяснял что-то очевидное. Ценность ещё и в дороге, которую человек проходит до неё. В ошибках. В сомнениях. В пережитых годах. Встречах. Потерях. Он кивнул в сторону музыканта. Если эта песня действительно его, он всё равно к ней придёт. Рано или поздно. Я посмотрел на листок. На мгновение мне стало стыдно. Наверное, Анатолий был прав. Я слишком часто пытался менять будущее, не задумываясь о цене изменений. Ты так далеко заглядываешь вперёд? спросил он. Нет. Я покачал головой. Это не так работает. У меня нет картины будущего целиком. Только обрывки. Случайные воспоминания. Имена. События. Песни. Книги. Лица. Кашпировский задумчиво кивнул. Тяжёлый дар. Иногда мне кажется, что скорее проклятие. Он усмехнулся. Обычно это одно и то же. Некоторое время мы молчали. Потом Анатолий неожиданно спросил: А что будет, когда у тебя закончатся эти обрывки? Я посмотрел на тёмный лес. На огни дачи. На Виктора с гитарой. На окно второго этажа, за которым ходил Высоцкий. Тогда я останусь жить в мире, которого никогда не знал. Кашпировский внимательно посмотрел на меня. И это будет первый по-настоящему твой мир. Я ничего не ответил. Потому что впервые задумался о том, что он, возможно, прав. Будущее, которое я помнил, постепенно исчезало. С каждым спасённым человеком. С каждой изменённой судьбой. С каждым принятым решением. А значит, совсем скоро мне предстояло жить уже не по памяти. А по-настоящему. Но затею свою я не оставил. Вечером я не выдержал и поехал в Москву. Последние недели закрутили меня так, что я почти перестал замечать время. Книга. Высоцкий. Кашпировский. Виктор. Постоянные разговоры, споры, новые идеи. Я спасал чужие судьбы и менял историю, но всё чаще ловил себя на мысли, что ужасно скучаю по Лене. Электричка неспешно тащилась к городу. За окнами мелькали станции, дачные посёлки, тёмные перелески. Я сидел у окна и впервые за долгое время ни о чём не думал. Просто ехал к человеку, которого любил. Когда я позвонил в дверь, открыла её сама Лена. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Потом она нахмурилась. Живой. Вроде да. А по тебе не скажешь. Всё настолько плохо? Ещё хуже. Она вдруг шагнула вперёд и крепко обняла меня. Так крепко, словно боялась, что я снова исчезну. Я обнял её в ответ. И неожиданно понял, как сильно устал. Не физически. Внутри. От постоянной ответственности за чужие жизни. От

необходимости всё время принимать решения. От страха ошибиться. Лена словно почувствовала это. Пойдём, тихо сказала она. Мы вышли на улицу. Вечерняя Москва медленно готовилась ко сну. Во дворах играли дети. На лавочках сидели пенсионеры. Где-то из открытого окна доносилась музыка. Мы шли молча. Просто держались за руки. И это молчание оказалось дороже любых разговоров. Наконец Лена остановилась возле небольшого сквера. Теперь рассказывай. Что именно? Где ты пропадаешь? Я рассмеялся. Даже не знаю, с чего начать. Начни с правды. Тогда ты решишь, что я сумасшедший. Поздно. Я уже согласилась выйти за тебя замуж. На секунду я замер. Что? Лена тоже остановилась. Потом покраснела. Я не это хотела сказать. Нет-нет, продолжай. Дима! Она ударила меня ладонью по плечу. Я засмеялся. Впервые за много дней по-настоящему. Без напряжения. Без тревоги. Просто счастливо. Лена посмотрела на меня и сама начала улыбаться. Вот таким ты мне нравишься больше. Каким? Когда не пытаешься спасти весь мир. Я хотел что-то ответить, но не смог. Потому что она неожиданно попала в самую точку. Последние месяцы я действительно пытался спасти весь мир. И совершенно забыл, что есть люди, ради которых стоит просто жить. Мы ещё долго гуляли по вечерним улицам. Говорили о будущем. О литературном институте. О книгах. О её отце, который должен был скоро вернуться из Афганистана. О том, какой будет наша жизнь через несколько лет. И впервые за долгое время я говорил о будущем не как человек, который его знает. А как человек, который о нём мечтает. Когда пришло время возвращаться на дачу, Лена проводила меня до остановки. Только не исчезай снова на месяц, сказала она. Постараюсь. Нет. Пообещай. Я посмотрел ей в глаза. Обещаю. Она удовлетворённо кивнула. Потом быстро поцеловала меня и тут же отступила назад. Всё. Иди. Уже выгоняешь? Если не уйдёшь сейчас, я сама поеду с тобой на эту вашу сумасшедшую дачу. А это неплохая идея. Даже не думай. Я улыбнулся и направился к остановке. А когда обернулся, Лена всё ещё стояла под фонарём и смотрела мне вслед. И почему-то именно в этот момент я понял, что среди всех людей, которых мне удалось спасти, самой важной находкой в этой новой жизни была вовсе не книга, не известные личности и не изменённая история. А девушка, которая ждала моего возвращения. На дачу я вернулся далеко за полночь. Дом уже спал. Только на втором этаже под дверью комнаты Высоцкого пробивалась узкая полоска света. Видимо, Володя снова что-то писал. Я тихо поднялся по лестнице, остановился возле комнаты Виктора и осторожно открыл дверь. Он спал, отвернувшись к стене. Гитара, как обычно, стояла рядом с кроватью. Я присел на край стула, включил небольшой ночник и стал ждать. Через несколько минут Виктор заворочался, открыл глаза и недовольно посмотрел на меня. Ты чего здесь? Ты пел во сне. Чего? Пел. Он окончательно проснулся и сел на кровати. Я протянул ему сложенный листок. Виктор взял его, несколько раз моргнул и начал читать. Потом перечитал ещё раз. Затем поднял на меня удивлённый взгляд. Что это? Твоя песня. В каком смысле моя? Ты её во сне напевал. Я записал. Несколько секунд он смотрел на меня так, словно пытался понять, шучу я или нет. Потом снова опустил взгляд на листок. В комнате повисла тишина. Странно… Что именно? Некоторые образы кажутся знакомыми. Он провёл рукой по волосам. Будто я уже думал о чём-то подобном. Вот видишь. А может, ты сам написал? Если бы я умел писать такие песни, давно стал бы музыкантом. Виктор усмехнулся. Но улыбка быстро исчезла. Он продолжал читать. Медленно. Вдумчиво. Словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом неожиданно потянулся к гитаре. Несколько раз тронул струны. Подобрал простую последовательность аккордов. Остановился. Снова посмотрел на текст. Ещё раз сыграл. На этот раз дольше. Я сидел молча. Не вмешиваясь. Не подсказывая. Через несколько минут он нахмурился. Забавно. Что? Мне кажется, я знаю, как это должно звучать. Он снова провёл пальцами по струнам. На этот раз увереннее. Мелодия постепенно складывалась сама собой. Не идеально. Не законченно. Но в ней уже чувствовалось что-то настоящее. Виктор перестал играть и задумчиво посмотрел в окно. Знаешь.. Что? Иногда песни действительно приходят неизвестно откуда. Возможно. Сидишь, думаешь о чём-то своём, а потом вдруг появляется строчка. За ней ещё одна. Потом

ещё. Он покрутил колки на гитаре. И кажется, будто она существовала всегда. А ты просто случайно её услышал. Я улыбнулся. Красиво сказано. Потому что это правда. Мы помолчали. Потом Виктор аккуратно сложил листок и положил его на тумбочку. Спасибо. За что? Не знаю. За то, что разбудил. За текст. За эту сумасшедшую дачу. За знакомство с Высоцким. Он покачал головой. Если расскажу кому-нибудь, никто ведь не поверит. И правильно сделают. Мы оба рассмеялись. А когда я уже собирался уходить, Виктор неожиданно окликнул меня: Дима. Что? Иногда мне кажется, что ты знаешь намного больше, чем рассказываешь. Я замер в дверях. Иногда мне тоже так кажется. И это меня немного пугает. Меня тоже, Витя. Я выключил ночник и вышел в коридор. А за дверью ещё долго слышались тихие звуки гитары. Словно где-то в темноте рождалась новая песня. В коридоре меня встретил Анатолий. Он улыбнулся и произнес а ты упрямый. Книга писалась а дни шли.

Глава 21

Вечером я нашёл Кашпировского на веранде. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел на темнеющий лес. Ну как там Володя? спросил я. Анатолий пожал плечами. Лучше. Сможет выйти к людям? Он немного подумал. Проверить можно. Но я бы не торопился. Человеку нужен покой. Восстановление ещё продолжается. Я кивнул. Однако внутри меня уже созрел план. На следующий день я отправил женщин в Москву под предлогом работы над рукописью. Мария Семёновна долго ворчала, но профессор неожиданно поддержал меня. Поезжайте, сказал он. Мы тут сами справимся. Когда машины скрылись за поворотом, на даче остались только мы. Я поднялся наверх вместе с Виктором. Открыв дверь комнаты, жестом пригласил его войти. У окна сидел Высоцкий. За последние дни он заметно изменился. Исчезла болезненная бледность. Во взгляде снова появилась живость. Но недоверие никуда не делось. Увидев нового человека, он вопросительно посмотрел на меня. Это ещё кто? Виктор застыл на пороге. Потом медленно перевёл взгляд на Высоцкого. И вдруг широко улыбнулся. Не может быть… Он повернулся ко мне. Это действительно он? Действительно. Вот это да… Высоцкий покачал головой. Может, кто-нибудь наконец объяснит, что здесь происходит? Но Кашпировский уже взял разговор в свои руки. Он спокойно подошёл к окну. Володя, сейчас не самое главное, как ты здесь оказался. А что главное? Главное что ты постепенно приходишь в себя. Высоцкий внимательно посмотрел на него. Потом вздохнул. Ладно. Допустим. В комнате повисла тишина. Я посмотрел на Виктора. Сыграй что-нибудь. Тот смущённо пожал плечами. Для Владимира Семёновича? Именно. Он взял гитару. Проверил строй. Провёл пальцами по струнам. Комнату наполнили первые аккорды. Высоцкий слушал внимательно. Сначала с лёгкой усмешкой. Потом всё серьёзнее. Когда Виктор закончил, наступила тишина. Интересно, наконец произнёс Высоцкий. Это хорошо или плохо? осторожно спросил Виктор. Это значит, что у тебя есть своё лицо. Для музыканта лучшей похвалы трудно было придумать. Виктор смутился. А Высоцкий неожиданно протянул руку к своей гитаре. Теперь моя очередь. Он настроил струны. Кашлянул. И начал петь. Комната словно стала меньше. Голос заполнил всё пространство. Мы молчали. Даже Кашпировский, обычно сохранявший спокойствие в любой ситуации, слушал не отрываясь. Когда песня закончилась, никто ещё несколько секунд не произносил ни слова. А потом началось. Разговоры о музыке. О сцене. О зрителях. О стихах. О свободе. О том, почему одни песни живут десятилетиями, а другие забываются через месяц. Высоцкий спорил. Виктор возражал. Я подбрасывал темы. Кашпировский наблюдал за нами с лёгкой улыбкой. И впервые за всё время на даче мне показалось, что происходящее начинает приобретать смысл. Словно судьба свела этих людей в одном месте не случайно. Словно именно ради такого вечера я проделал весь этот безумный путь через время. Спор затянулся далеко за полночь. На столе давно остыл чай. За окнами шумели сосны. Где-то в лесу ухала сова. А мы всё сидели в комнате на втором этаже. Высоцкий курил одну сигарету за другой и внимательно смотрел на Виктора. Тот держал гитару на коленях и отвечал на вопросы коротко, без лишних слов. Значит, песни сам пишешь? Сам. И музыку сам? Сам. Нормально. Высоцкий кивнул и выпустил дым в открытую форточку. Это правильно. Не люблю, когда человек чужими мыслями живёт. Виктор пожал плечами. Других мыслей у меня нет. Высоцкий неожиданно рассмеялся. Хороший ответ. Я сидел в стороне и молчал. Передо мной происходило невозможное. Два человека из разных эпох советской музыки разговаривали так, словно были знакомы много лет. Один уже стал легендой. Другой только начинал свой путь. И только я понимал, насколько невероятна эта встреча. А ты чего молчишь? вдруг спросил Высоцкий. Слушаю. Опасное занятие. Почему? Потому что умные мысли приходят. У меня от них уже голова болит. Тогда наливай чай. Все рассмеялись. Напряжение окончательно исчезло. Через некоторое время Виктор снова взял гитару. На этот раз он играл дольше. Высоцкий внимательно слушал. Иногда зада-

вал вопросы. Иногда просил повторить строчку. Иногда просто кивал. А потом неожиданно произнёс: Знаешь, что самое сложное? Что? Остаться собой. В комнате стало тихо. Тебя будут учить. Переделывать. Объяснять, как правильно. Скажут, что нужно писать понятнее. Веселее. Удобнее. Для радио. Для начальства. Для публики. Он затушил сигарету. А ты не слушай. Совсем? Совсем. Даже если правы? Особенно если правы. Виктор улыбнулся. Странный совет. Поэтому и хороший. Мы снова засмеялись. Кашпировский до этого молчавший весь вечер неожиданно произнёс: Каждый человек приходит в этот мир со своей дорогой. Высоцкий посмотрел на него. Опять психология? Нет. Просто наблюдение. И какая же у меня дорога? Длинная. Ошибаешься. В комнате повисла тишина. Я заметил, как изменилось лицо Кашпировского. Он понял скрытый смысл этих слов. Понял и я. Высоцкий сказал это спокойно. Без трагедии. Без жалости к себе. Словно давно уже принял какую-то известную только ему правду. Чтобы разрядить обстановку, я быстро поднялся. Так, господа гении, предлагаю перекусить. Поддерживаю, сразу оживился Виктор. Вот видишь, усмехнулся Высоцкий. Настоящий музыкант. Почему? Потому что разговоры разговорами, а есть хочется всегда. Мы спустились вниз. На кухне нашлась колбаса, хлеб, солёные огурцы и остатки салата. Нехитрый ночной ужин показался настоящим пиром. Потом снова были разговоры. О книгах. О кино. О путешествиях. О будущем. Причём последнее слово я слышал особенно внимательно. Потому что для меня оно означало совсем не то, что для остальных. Когда часы показали четвёртый час утра, Виктор уже спал в кресле, обнимая гитару. Кашпировский ушёл к себе. Высоцкий стоял у открытого окна и смотрел на светлеющее небо. Я подошёл рядом. Некоторое время мы молчали. Потом он неожиданно спросил: Скажи честно, Дима. Что? Зачем ты всё это устроил? Я долго смотрел на просыпающийся лес. На туман, стелившийся между деревьями. На первые лучи солнца. И впервые за всё время понял, что больше не могу отвечать уклончиво. Рано или поздно мне придётся рассказать ему правду. Хотя бы часть правды. Потому что человек, стоявший рядом со мной, заслуживал её больше всех остальных. Мы стояли у открытого окна. Над лесом медленно светало. Туман стелился между соснами, а где-то далеко уже начинали просыпаться птицы. Я понимал, что момент настал. Больше увиливать не получится. Понимаете, Владимир Семёнович… Он тут же махнул рукой. Оставь регалии. Я замолчал. Володя, поправил он меня. Хорошо. Володя. Несколько секунд я собирался с мыслями. Потом всё-таки произнёс: Я вижу будущее. Высоцкий не улыбнулся. Не засмеялся. Не покрутил пальцем у виска. Он просто продолжал смотреть на меня. Поэтому я продолжил: В том будущем ты умер в июле тысяча девятьсот восьмидесятого года. На этот раз он медленно повернулся ко мне всем корпусом. Внимательно посмотрел в глаза. А сейчас какой месяц? Август. Несколько секунд стояла тишина. Слышно было только, как за окном шумят деревья. Значит, ты спас меня? Вопрос прозвучал спокойно. Слишком спокойно. Я пожал плечами. Не знаю. Как это не знаешь? Может быть, спас. Я посмотрел на светлеющий горизонт. А может быть, просто изменил историю. Высоцкий достал сигарету. Долго вертел её в пальцах, но так и не закурил. Историю, значит… Он усмехнулся. Знаешь, если бы мне кто-нибудь другой рассказал такую историю, я бы решил, что человек сошёл с ума. Я понимаю. Но есть одна проблема. Какая? Он повернулся ко мне. Ты слишком много знаешь. Я невольно улыбнулся. Точно такую же фразу недавно говорил профессор. Высоцкий заметил мою реакцию. Вот видишь. Не я первый это слышу. И не последний. Он снова посмотрел в окно. Скажи честно, Дима. Что? Когда ты меня увидел тогда, возле театра… ты уже знал? Да. И поэтому решил вмешаться? Да. Высоцкий долго молчал. Я даже начал думать, что разговор окончен. Но он неожиданно произнёс: Странное чувство. Какое? Осознавать, что где-то существует мир, в котором тебя уже нет. На этот вопрос у меня ответа не нашлось. И что там дальше? спросил он через некоторое время. Где? В будущем. Я рассмеялся. Слишком много всего. Тогда скажи главное. Твои песни будут слушать. Это я и сейчас знаю. Нет, ты не понимаешь. Я посмотрел на него. Их будут слушать через десятилетия. Будут помнить наизусть. Будут петь у костров. Будут ставить записи детям.

Будут спорить о тебе. Будут писать книги. Будут снимать фильмы. Высоцкий опустил взгляд. Впервые за всё время нашего знакомства он выглядел растерянным. Не верится. Мне тоже не верилось, когда я впервые услышал твои песни. Он усмехнулся. Значит, я всё-таки чего-то стою. Намного больше, чем думаешь. Некоторое время мы молчали. Потом он неожиданно спросил: А этот парень? Виктор? Да. Его тоже будет знать вся страна. Высоцкий тихо рассмеялся. Интересная у тебя компания собралась. Самая необычная в истории Советского Союза. Пожалуй. В этот момент в коридоре послышались шаги. Появился заспанный Виктор с растрёпанными волосами. Вы чего не спите? Мы переглянулись. Высоцкий улыбнулся. Настоящей, живой улыбкой, которой я ещё не видел. Да вот, сказал он, выясняем, что мы оба знаменитости. Оба? Оказывается, да. Виктор недоверчиво посмотрел сначала на него, потом на меня. Опять вы без меня самое интересное обсуждаете. Мы рассмеялись. А я вдруг понял, что впервые с момента попадания в прошлое чувствую себя спокойно. Потому что дата, которой я боялся столько времени, уже осталась позади. Будущее изменилось. И теперь никто даже я не мог сказать, каким оно станет дальше.

Глава 22

Утром на дачу приехала Лена. Я как раз сидел на веранде с чашкой чая, когда во двор въехала знакомая машина. Лена выскочила из неё и направилась к дому. Сделав несколько шагов, она вдруг остановилась. За столом, лениво перебирая бумаги, сидел Высоцкий. Лена замерла. Потом несколько раз моргнула, словно проверяя, не показалось ли ей. Здравствуйте, Владимир Семёнович, наконец произнесла она. В голосе звучало такое восхищение, что я невольно улыбнулся. Высоцкий поднял голову. Здравствуй. Лена перевела взгляд на меня. Дима… Я пожал плечами. Что? Вся Москва шумит. Говорят, Высоцкий пропал. Она снова посмотрела на Владимира Семёновича. Потом на меня. Потом опять на него. А он сидит здесь и пьёт чай? Получается, что так. И ты от меня это скрывал? В её голосе появились обиженные нотки. Это военная тайна, важно заявил я. Какая ещё военная тайна? Такого уровня, что о ней знает только Родина. Высоцкий неожиданно рассмеялся и показал мне поднятый большой палец. Правильно отвечаешь. Лена покачала головой. Потом подошла ко мне и уткнулась лбом в плечо. Невозможный человек. Мне это уже говорили. И правильно говорили. На веранде стало шумно. Из дома вышел профессор. Следом появился Кашпировский. А через минуту на крыльце показался Виктор с гитарой. Выглядел он так, словно всю ночь не спал. Глаза горели. На лице читалось возбуждение человека, который только что сделал важное открытие. Ребята! объявил он. Мне сегодня приснилась песня. Высоцкий усмехнулся. Хорошее начало. Нет, правда. Очень странная. Он сел на стул и положил гитару на колени. Проснулся среди ночи и долго не мог отделаться от неё. Казалось, будто она сама звучит в голове. Виктор провёл пальцами по струнам. На веранде сразу стало тихо. Он начал играть. Потом запел. Я слушал и чувствовал, как по спине пробегает холодок. Не из-за слов. Не из-за мелодии. А из-за воспоминаний. Перед глазами вдруг всплывали совершенно другие времена. Дворы. Кассетные магнитофоны. Поцарапанные записи, которые передавали из рук в руки. Поездки в автобусах. Студенческие общежития. Ночные разговоры на кухнях. Целая эпоха, которую эти люди ещё даже не представляли. Песня закончилась. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Первым заговорил Высоцкий. Сильная вещь. Виктор смущённо опустил глаза. Правда? Правда. Высоцкий посмотрел на него внимательно. Такое не придумывают специально. Такое приходит само. Я заметил, что всё это время Кашпировский молчал. Он сидел чуть в стороне и внимательно наблюдал за мной. Не за Виктором. Не за Высоцким. Именно за мной. Когда наши взгляды встретились, в его глазах мелькнула едва заметная улыбка. Словно он увидел именно ту реакцию, которую ожидал. Мне вдруг стало не по себе. После завтрака я догнал его возле калитки. Ты чего на меня так смотрел? Кашпировский остановился. Потому что мне было интересно. Что именно? Реакция человека, который услышал не новую песню, а воспоминание. Я почувствовал, как внутри всё сжалось. Ты многое замечаешь. Работа такая. Он посмотрел в сторону дома, откуда доносились голоса Высоцкого, Лены и Виктора. Знаешь, Дима… Что? Мне кажется, ты меняешь историю намного сильнее, чем думаешь. Я оглянулся на веранду. Там за одним столом сидели Высоцкий, Виктор Цой, профессор и Лена. Картина была настолько невероятной, что ещё год назад я сам не поверил бы в её существование. Возможно, тихо ответил я. Нет, сказал Кашпировский. Невозможно. Точно. И впервые за долгое время я задумался, к чему в итоге приведут все эти изменения. После слов Кашпировского настроение у меня испортилось. Не потому, что он сказал что-то новое. Просто я и сам понимал это. Каждый день на этой даче становился ещё одним камнем, брошенным в спокойную воду времени. Круги расходились всё дальше. И предсказать последствия уже не мог никто. Даже я. Когда мы вернулись на веранду, там вовсю шёл спор. Высоцкий и Виктор сидели друг напротив друга. Лена расположилась рядом со мной. Профессор наблюдал за происходящим с видом человека, который одновременно гордится своими гостями и опасается их. Не понимаю

я вашу молодёжь, говорил Высоцкий. У нас каждая песня была как разговор. А у нас тоже разговор, возразил Виктор. Только очень мрачный. Время такое. А когда оно было весёлым? Виктор задумался. Никогда. Вот именно. Высоцкий победно посмотрел на окружающих. Поэтому и нечего сваливать всё на время. Лена тихо рассмеялась рядом со мной. Они могут так до вечера. До ночи, поправил я. До утра, уточнил профессор. Все рассмеялись. Даже Высоцкий. В этот момент к дому подъехала ещё одна машина. Мы удивлённо переглянулись. Гостей никто не ждал. Из автомобиля вышла Мария Семёновна. Увидела нашу компанию. Замерла. Сняла очки. Протёрла их платком. Снова надела. Так. Наступила тишина. Я сразу понял, что ничего хорошего сейчас не будет. Мария Семёновна медленно поднялась на веранду. Обвела взглядом присутствующих. Остановилась на Высоцком. Потом на Викторе. Затем на мне. Дима. Да? Я уезжаю в Москву на неделю. Знаю. Возвращаюсь. Тоже знаю. И обнаруживаю на даче Владимира Высоцкого. Бывает. И какого-то ленинградского музыканта. Бывает. И ты считаешь это нормальным? Уже да. Высоцкий громко расхохотался. Мария Семёновна строго посмотрела на него. А вам смешно? Очень. А мне нет. Она снова повернулась ко мне. Сколько ещё знаменитостей ты собираешься привезти сюда? Я задумался. Кашпировский закашлялся, скрывая смех. Профессор обречённо закрыл лицо ладонью. Дима! Что? Не смей сейчас отвечать честно. После этих слов вся веранда взорвалась смехом. Даже Мария Семёновна не выдержала и улыбнулась. Когда шум стих, Высоцкий вдруг посмотрел на Лену. А как вы познакомились? Лена покраснела. Случайно. Не верю. Почему? Потому что с такими людьми, как Дима, случайно ничего не происходит. Я поднял руки. Между прочим, это обидно. Зато правда, заметил профессор. И все согласно закивали. Я посмотрел на этих людей и неожиданно почувствовал странное спокойствие. Ещё недавно каждый из них существовал в моей памяти отдельно. Высоцкий был голосом из старых записей. Цой легендой будущего. Кашпировский известной фигурой из телевизионных архивов. Лена девушкой, которую я никогда не должен был встретить. А теперь они сидели за одним столом. Спорили. Смеялись. Пили чай. Жили. И вдруг я понял одну важную вещь. Я всё время думал, что меняю историю. Но, возможно, история меняла меня ничуть не меньше. В этот момент Высоцкий поднял чашку. Предлагаю тост. За что? спросил Виктор. Владимир Семёнович оглядел всех присутствующих. Задержал взгляд на мне. И улыбнулся. За невозможное. Потому что иногда именно оно оказывается самым настоящим. На веранде стало тихо. А потом все молча подняли свои чашки. И почему-то мне показалось, что этот момент я запомню гораздо лучше любых великих событий, о которых когда-то читал в учебниках истории.

Глава 23

Кстати, сегодня закрытие Олимпиады. Наверное, будут показывать по телевизору, сказала Мария Семёновна. Эта новость неожиданно взбудоражила всех. Высоцкий сразу поднял голову от блокнота. Виктор отложил гитару. Даже Кашпировский оторвался от своих размышлений. Олимпиада была событием огромным. О ней говорила вся страна. Но Мария Семёновна вдруг вспомнила что-то ещё. Она резко повернулась к профессору. Пойдём со мной. Куда? На минуту. Схватив его за рукав, она потащила его в сторону калитки. Мы невольно прислушались. Пока ты тут прячешься на даче, донёсся её голос, в магазинах раскупили весь тираж. Профессор застыл. Какой тираж? Весь! Весь? До последнего экземпляра! Несколько секунд он смотрел на неё совершенно ошалевшими глазами. А потом вдруг подпрыгнул, словно мальчишка. Ура! Его крик услышала, наверное, вся округа. Ура! Получилось! Он подхватил Марию Семёновну на руки и закружил её прямо возле машины. Ты с ума сошёл! Возможно! Поставь меня немедленно! Ни за что! Мы на веранде покатывались со смеху. Наконец профессор отпустил её, прыгнул за руль, и через минуту машина уже неслась в сторону Москвы, поднимая облако пыли. Я проводил её взглядом. Потом обернулся. Высоцкий что-то обсуждал с Виктором. Лена улыбалась, наблюдая за этой сценой. Кашпировский сидел молча. И вдруг я понял одну простую вещь. Книга. Слава. Тиражи. Успех. Для меня всё это уже давно стало второстепенным. Я подошёл к столу. Товарищи. Разговоры стихли. Все посмотрели на меня. Я обвёл взглядом присутствующих. Высоцкий. Виктор. Кашпировский. Лена. Люди, которые ещё недавно существовали только в моей памяти. Я хочу сказать одну вещь. Лена сразу насторожилась. Она знала этот тон. И обычно после него начинались неприятности. Я изменил историю. Высоцкий усмехнулся. Это мы уже поняли. Нет, серьёзно. Я посмотрел на него. Володя, ты должен был умереть. Улыбка исчезла с его лица. Знаю. Но ты жив. Он молча кивнул. Я перевёл взгляд на остальных. И я очень этому рад. Но это только маленькая грань того будущего, которое я помню. Самая маленькая. На веранде стало тихо. Даже птицы словно притихли. А если вы мне поможете… Я сделал паузу. Тогда мы сможем спасти тысячи людей. Высоцкий первым нарушил молчание. От чего? От будущего. Он нахмурился. Это очень расплывчатый ответ. Потому что и проблема огромная. Я сел за стол. Я помню катастрофы. Землетрясения. Аварии. Войны. Ошибки руководителей. Технологии, которые появятся слишком поздно. Лекарства, которые будут изобретены через десятилетия. Я посмотрел на свои руки. Раньше мне казалось, что достаточно написать несколько книг и спокойно жить дальше. Но теперь я понимаю, что не смогу. Высоцкий внимательно изучал меня. Ты хочешь изменить весь мир? Нет. Я покачал головой. Это невозможно. Но если можно изменить хотя бы часть будущего… То почему не попробовать? Виктор задумчиво провёл пальцами по струнам. И что ты предлагаешь? Я посмотрел на него. Потом на Кашпировского. Потом на Высоцкого. Собрать людей. Самых талантливых. Самых умных. Тех, кто действительно способен что-то изменить. Высоцкий усмехнулся. И ты считаешь, что они все окажутся на одной даче? Судя по тому, что происходит последние месяцы, это уже не выглядит невозможным. На этот раз рассмеялись все. Кроме Кашпировского. Он смотрел на меня очень внимательно. Словно пытался заглянуть дальше моих слов. А что будет потом? спросил он. Я посмотрел на дорогу, по которой несколько минут назад умчался профессор. Потом на дом. На друзей. На людей, которым начал доверять. И тихо ответил: Потом мы попробуем построить будущее раньше, чем оно наступит. На несколько секунд воцарилась полная тишина. А затем Высоцкий медленно поднялся со стула. Знаешь, Дима… Что? Это самая безумная идея, которую я слышал в своей жизни. Я улыбнулся. И? Он протянул мне руку. Я участвую. Следом поднялся Виктор. Я тоже. Лена даже не стала вставать. Просто взяла меня за руку. Ты же понимаешь, что я всё равно никуда от тебя не денусь? Я улыбнулся ещё шире. Последним заговорил Кашпировский. Что ж. Похоже,

история действительно решила изменить свои планы. И в этот момент мне показалось, что всё только начинается. Я дождался, пока все немного успокоятся. Потом поставил чашку на стол и сказал: Хорошо. Тогда слушайте мой план. Высоцкий откинулся на спинку стула. Виктор положил гитару рядом. Даже Лена перестала улыбаться и внимательно посмотрела на меня. Для начала, сказал я, Володя должен вернуться. В каком смысле? спросил Высоцкий. В прямом. Вся страна считает, что ты исчез. Ходят слухи. Люди переживают. А потом ты появляешься. И? И честно говоришь, что пережил тяжёлый период жизни. Высоцкий задумчиво кивнул. Продолжай. Ты не оправдываешься. Не жалуешься. Просто рассказываешь, что человеку нельзя разрушать самого себя. Володя посмотрел на меня долгим взглядом. То есть использовать мою историю как предупреждение? Именно. В этом есть смысл. Я перевёл взгляд на остальных. После этого у тебя появится ещё больший авторитет. Куда уж больше, усмехнулся он. Поверь, может. Лена внимательно слушала. Кашпировский молчал. Я продолжил: А дальше нужно попытаться достучаться до тех людей, которые принимают решения. При этих словах Виктор тихо присвистнул. Это уже звучит опасно. Возможно. И что ты хочешь им сказать? Я некоторое время молчал. Перед глазами снова всплывали обрывки воспоминаний о будущем. Цинковые гробы. Матери, получающие похоронки. Молодые ребята, которым не суждено было вернуться домой. Я хочу попытаться предотвратить хотя бы часть будущих трагедий. На веранде стало тихо. Высоцкий уже не улыбался. Речь об Афганистане? спросил он. Да. Он медленно кивнул. Понимаю. Я посмотрел на Кашпировского. Но сразу скажу одну вещь. Никаких внушений. Никаких фокусов. Никаких попыток управлять чужой волей. Кашпировский одобрительно кивнул. Разумная мысль. Если мы когда-нибудь окажемся перед людьми, которые руководят страной, то убеждать будем словами. Фактами. Аргументами. Прогнозами. Высоцкий усмехнулся. То есть ты предлагаешь спорить с самыми влиятельными людьми Советского Союза? Именно. И считаешь, что нас выслушают? Не знаю. Честный ответ. Я пожал плечами. Другого у меня нет. Некоторое время все молчали. Потом неожиданно заговорил Виктор: А если не получится? Я посмотрел на него. Тогда мы будем пытаться изменить то, что можем изменить. Спасать отдельных людей. Помогать талантливым. Продвигать полезные идеи. Делать то, что в наших силах. Высоцкий задумчиво постучал пальцами по столу. Знаешь, Дима… Что? Когда ты впервые рассказал мне про будущее, я решил, что ты безумец. А сейчас? Он посмотрел на меня и улыбнулся. Сейчас мне кажется, что ты просто очень упрямый человек. Все рассмеялись. Даже Кашпировский. А я посмотрел на лица друзей и вдруг понял, что впервые говорю о будущем не как человек, который знает ответы. А как человек, который ищет их вместе с другими. И почему-то именно это казалось самым важным.

Глава 24

Вечером вся наша необычная компания собралась перед телевизором. Старенький цветной телевизор стоял в гостиной, и вскоре вокруг него расположились все обитатели дачи. Высоцкий устроился в кресле у окна. Виктор сидел прямо на полу, прислонившись спиной к дивану. Лена устроилась рядом со мной. Кашпировский занял своё привычное место немного в стороне. Даже профессор и Мария Семёновна вернулись из Москвы как раз к началу трансляции. На экране шло закрытие Олимпиады. Праздничная музыка. Флаги. Спортсмены со всего мира. Лица людей, ещё не знающих, что через несколько лет мир начнёт стремительно меняться. Я смотрел на экран и невольно вспоминал своё прошлое. Вернее, будущее. Для миллионов советских людей этот вечер навсегда останется одним из самых светлых воспоминаний. И я не собирался отнимать у них это воспоминание. Мы молча смотрели церемонию. Когда в небо начал подниматься олимпийский Мишка, в комнате воцарилась особая тишина. Даже Виктор перестал шутить. Лена незаметно сжала мою руку. А я почувствовал знакомый комок в горле. Странное чувство. Словно прощаешься не только с Олимпиадой. Но и с целой эпохой. Когда трансляция закончилась, никто ещё несколько минут не вставал со своих мест. Первым нарушил молчание Высоцкий. Красиво сделали. Очень, согласился профессор. Запомнится надолго. Я про себя усмехнулся. Если бы они знали, насколько надолго. Следующие дни прошли в напряжённом ожидании. Высоцкий много разговаривал с профессором. Встречался с друзьями. Готовился к возвращению. Наконец наступило пятое августа. Утром он стоял на веранде и смотрел на дорогу. Нервничаешь? спросил я. Есть немного. Странно слышать это от тебя. Высоцкий усмехнулся. Думаешь, артисты ничего не боятся? Иногда кажется именно так. Чепуха. Мы боимся не меньше остальных. Просто привыкли выходить на сцену несмотря на страх. Он посмотрел на меня. Спасибо, Дима. За что? За второй шанс. Я хотел ответить, но в этот момент во двор въехала машина. Пришло время возвращаться в Москву. Высоцкий обнял профессора. Пожал руку Кашпировскому. Потрепал Виктора по плечу. Лена пожелала ему удачи. Наконец он подошёл ко мне. Ну что, путешественник во времени? Что? Посмотрим, насколько сильно мы уже испортили твою историю. Я рассмеялся. Боюсь, обратной дороги уже нет. И отлично. Он открыл дверь автомобиля. Никогда не любил ездить по заранее написанному сценарию. Машина тронулась. Мы стояли у ворот и смотрели ей вслед. Через несколько часов Москва загудела. Слухи сменились новостями. Новости облегчением. Высоцкий появился. Живой. Здоровый. Улыбающийся. Для миллионов людей это было просто возвращение любимого артиста. Но для меня это означало гораздо больше. В тот день я окончательно понял, что прошлого будущего больше не существует. Оно осталось где-то там. В другом мире. В другой истории. А здесь начиналась совершенно новая жизнь. И никто, включая меня самого, уже не знал, какой она будет. Возвращение Высоцкого произвело эффект разорвавшейся бомбы. Несколько дней вся Москва только об этом и говорила. Кто-то утверждал, что он отдыхал. Кто-то рассказывал о болезни. Кто-то уверял, что лично видел его за границей. Слухов было столько, что они противоречили друг другу уже через несколько минут после появления. Сам Владимир Семёнович на это лишь усмехался. Чем меньше объясняешь, тем интереснее людям становится, говорил он. Но главным сюрпризом оказалось другое. Вместе с Высоцким на людях всё чаще появлялся молодой ленинградский музыкант Виктор Цой. Сначала журналисты и знакомые воспринимали его как очередного талантливого новичка. Однако стоило Виктору взять в руки гитару, как отношение менялось. Высоцкий явно выделял его среди остальных. И это замечали все. Ещё чаще рядом с Высоцким можно было увидеть Кашпировского. Его представляли как врача-психотерапевта, помогавшего артисту восстановиться после тяжёлого периода жизни. И это была чистая правда. К удивлению многих, Анатолий держался очень скромно. Не стремился оказаться в центре внимания. Не давал громких

интервью. Но производил настолько сильное впечатление на людей, что его начинали запоминать после первой же встречи. Через несколько дней после возвращения Высоцкий сделал ещё одно громкое заявление. Он объявил о большом совместном концерте. Местом проведения были выбраны Лужники. Датой десятое августа. Новость мгновенно разлетелась по Москве. Телефоны раскалялись. Билеты пытались достать через знакомых. Профсоюзы. Директора предприятий. Артисты. Чиновники. Все хотели попасть на концерт. Я наблюдал за происходящим с некоторым удивлением. События начали развиваться намного быстрее, чем я рассчитывал. Однажды вечером мы собрались в квартире профессора. Высоцкий только что вернулся после очередной встречи. Усталый, но довольный. Ну как? спросил я. Он рассмеялся. Кажется, пол-Москвы уже знает о концерте. А вторая половина? Пытается узнать. Все засмеялись. Высоцкий налил себе чаю и вдруг стал серьёзным. Знаешь, Дима.. Что? Я сегодня опять говорил про Леонида Ильича. И что? Люди смеются. Почему? Потому что думают, что я шучу. Он покачал головой. А я не шучу. Я внимательно посмотрел на него. Он действительно говорил серьёзно. Последние дни на встречах, интервью и разговорах Высоцкий постоянно повторял одну и ту же мысль. Что хотел бы встретиться с руководителем страны. Поговорить. Спеть для него. Рассказать о людях. О жизни. О том, что волнует страну. Большинство воспринимало это как красивую фразу. Но мы-то знали, что за этими словами скрывается нечто большее. Высоцкий поставил чашку на стол. Рано или поздно эти слова дойдут куда нужно. Думаешь? Обязательно. Кашпировский, сидевший у окна, слегка улыбнулся. Известность иногда открывает двери, которые кажутся запертыми. Вот именно, кивнул Высоцкий. Потом посмотрел на меня. А если встреча всё-таки состоится? Я задумался. Ещё несколько месяцев назад сама такая мысль показалась бы безумием. Но потом я вспомнил дачу. Спасённого Высоцкого. Появление Виктора. Раскупленные книги профессора. И понял, что слово «невозможно» постепенно исчезает из моей жизни. Тогда, ответил я, мы должны быть готовы. Высоцкий улыбнулся. Хороший ответ. За окном шумела вечерняя Москва. Город жил своей жизнью и не подозревал, что где-то среди его огней несколько человек уже пытаются изменить ход истории. И самое удивительное заключалось в том, что история понемногу начинала отвечать им взаимностью. Но, как известно, у стен есть уши. Тем более в стране, где за настроениями известных людей внимательно следили не только поклонники, но и государственные структуры. Постоянные заявления Высоцкого о том, что он мечтает встретиться с Леонидом Ильичом и лично спеть для него свои песни, не остались незамеченными.

Глава 25

Слова артиста, произнесённые на концертах и многочисленных встречах со зрителями, быстро дошли до сотрудников КГБ, а затем и до самого Леонид Брежнев. В аппарате руководителя страны привыкли внимательно относиться к любым публичным высказываниям знаменитостей, особенно тех, кого слушали миллионы. Однажды после очередного выступления к Высоцкому подошли двое серьёзных мужчин в строгих костюмах. Представившись сотрудниками органов государственной безопасности, они вежливо, но без возможности отказаться, сообщили: Владимир Семёнович, ваше желание встретиться с Леонидом Ильичом услышано. И поэтому не надо трубить о этом на каждом углу. В ближайшее время вам сообщат подробности. Высоцкий лишь усмехнулся, решив, что это очередная шутка поклонников. Однако через несколько дней стало ясно на этот раз всё было совершенно серьёзно. В Кремле действительно знали о его просьбе, и вопрос о встрече уже обсуждался на самом высоком уровне. Через несколько дней к дому Высоцкого подъехала чёрная «Чайка». Водитель молча показал удостоверение и попросил следовать за ним. Рядом уже сидел Кашпировский, которого пригласили как сопровождающего и врача-психотерапевта. Даже он выглядел непривычно серьёзным. Машина миновала несколько постов охраны и въехала на территорию Кремля. Высоцкий, привыкший к огромным залам и стадионам, неожиданно почувствовал лёгкое волнение. Всё-таки одно дело выступать перед десятками тысяч зрителей, и совсем другое оказаться в самом центре власти огромной страны. Их встретили сотрудники охраны, проверили документы и проводили по длинным коридорам. Высокие потолки, ковровые дорожки, портреты государственных деятелей на стенах всё выглядело торжественно и немного тяжеловесно. Наконец двери одного из кабинетов открылись. За большим столом сидел Леонид Ильич. Рядом находились несколько членов Политбюро и помощники. Брежнев поднялся навстречу гостю и неожиданно широко улыбнулся. Ну здравствуй, Владимир Семёнович. Давно хотел познакомиться лично. Высоцкий пожал протянутую руку. Здравствуйте, Леонид Ильич. А я думал, что меня к вам никогда не пустят. В кабинете раздался смех. Видишь, пустили, ответил Брежнев. Садись. Говорят, ты очень хотел мне что-то спеть. Разговор продолжался почти час. Говорили не только о музыке. Высоцкий рассказывал о поездках по стране, о шахтёрах, строителях, геологах, солдатах, которых встречал во время гастролей. Брежнев внимательно слушал и иногда задавал вопросы. Затем в кабинет внесли гитару. Ну что же, Владимир Семёнович, пора выполнять обещание. Высоцкий взял инструмент, проверил строй и начал петь. Сначала прозвучала лирическая песня, затем несколько баллад о войне. В кабинете стало непривычно тихо. Даже помощники перестали делать записи. Когда последняя нота затихла, Брежнев несколько секунд молчал. Сильные песни, наконец произнёс он. Очень сильные. В них жизнь есть. Затем генеральный секретарь неожиданно поднялся и подошёл к артисту. Спасибо тебе. Не за концерт. За то, что говоришь людям правду о том, как они живут и что чувствуют. А где ты пропадал, Володя? неожиданно спросил Леонид Ильич, когда официальная часть встречи закончилась. Высоцкий на мгновение задумался. Болел, Леонид Ильич. Очень серьёзно болел. Честно говоря, одной ногой уже на том свете стоял. В кабинете стало тихо. Да ну? удивился Брежнев. А мне докладывали, что просто на гастролях пропал. Если бы, усмехнулся Высоцкий. Если бы не Анатолий Михайлович, сидел бы сейчас не здесь. Он кивнул в сторону Кашпировского. Брежнев перевёл взгляд на врача. Неужели настолько хорош твой доктор? Можете проверить, спокойно ответил Высоцкий. Несколько членов Политбюро переглянулись. Охрана у дверей насторожилась. Кашпировский поднялся со своего места и неторопливо подошёл к генеральному секретарю. Разрешите? Брежнев кивнул. Кашпировский несколько секунд внимательно смотрел на него, затем медленно провёл руками возле головы и плеч, словно прислушиваясь к чему-то невидимому. Прошла минута. Наконец он отступил на шаг. Прошу прощения,

товарищ генеральный секретарь, но у вас хроническое заболевание. И лечить его придётся долго. Леонид Ильич поднял густые брови. Вот как? И что же со мной такое? Сейчас говорить подробно не буду. Но болезнь серьёзная. Однако время ещё есть. В кабинете повисла напряжённая тишина. Брежнев внимательно посмотрел на Кашпировского. И ты сможешь это исправить? Да, твёрдо ответил тот. Никто не осмелился произнести ни слова. Генеральный секретарь медленно встал из-за стола и прошёлся по кабинету. Знаешь, Анатолий Михайлович, произнёс он наконец, многие обещают невозможное. Особенно когда оказываются рядом с властью. Я ничего не обещаю, спокойно ответил Кашпировский. Я говорю только то, что вижу. Брежнев остановился возле окна и несколько секунд смотрел на кремлёвские башни. Потом обернулся. Хорошо. Попробуем. Но если действительно поможешь, о тебе узнает вся страна. Высоцкий улыбнулся. Леонид Ильич, я же говорил человек уникальный. Генеральный секретарь неожиданно рассмеялся. Посмотрим, Володя. Посмотрим. В конце концов, если ты вытащил из могилы такого упрямца, как Высоцкий, может, и мне ещё несколько лет добавишь. Смех прокатился по кабинету, и напряжение сразу исчезло. Но каждый из присутствующих понимал: только что началась история, о которой пока не должен узнать никто за пределами этих кремлёвских стен. После встречи Высоцкого проводили к выходу. Уже у машины один из кремлёвских сотрудников догнал его и передал небольшой конверт. Когда машина выехала за кремлёвские стены, Высоцкий посмотрел на вечернюю Москву и улыбнулся. Ну что, сказал он Кашпировскому, кажется, сегодня я спел для самого трудного зрителя в своей жизни. А впереди его ждал концерт, о котором вскоре заговорит вся страна.

Глава 26

Из Кремля они вернулись на дачу. Именно здесь Высоцкий чувствовал себя лучше всего. Здесь не было бесконечных совещаний, охраны и телефонных звонков. Только лес, свежий воздух и тишина. Кашпировский несколько раз посмотрел в мою сторону. Я понял намёк. Мы незаметно вышли со двора и направились по просёлочной дороге. Говорить на даче было неразумно. За последние месяцы мы оба убедились, что лишние уши могут появиться там, где их меньше всего ждёшь. Некоторое время шли молча. Ну что там вышло у нас? наконец спросил я. Кашпировский усмехнулся. Полный контакт. Настолько хорошо? Даже лучше, чем я рассчитывал. Он поверил. Не сразу, конечно. Но поверил. Мы прошли ещё несколько десятков метров. Вечерний ветер шелестел листвой, а вдали слышался лай деревенских собак. Я остановился. Тогда это наш последний разговор на эту тему. Кашпировский внимательно посмотрел на меня. Почему последний? Потому что дальше ты свободный игрок. Он молчал. Я рассказал тебе всё, что произойдёт в ближайшие три года. Всё, что помнил. Кто умрёт. Кто придёт к власти. Какие решения будут приняты. Какие ошибки совершат люди, считающие себя хозяевами мира. И теперь ты устраняешься? Теперь выбор за тобой. Кашпировский нахмурился. Ты понимаешь, что предлагаешь? Если изменить хотя бы одно крупное событие, последствия могут оказаться непредсказуемыми. Именно поэтому решать должен ты. Некоторое время мы стояли молча. А ты сам? спросил он. Я уже сделал своё дело. Передал знания. Дальше история принадлежит тем, кто в ней живёт. Кашпировский задумчиво посмотрел на темнеющее небо. А если цена окажется слишком высокой? Тогда ничего не меняй. А если получится сделать страну сильнее? Тогда меняй. Он усмехнулся. Удобно устроился. Всю ответственность оставил мне. Потому что теперь она действительно твоя. Несколько минут мы шли молча. Наконец Кашпировский протянул руку. Спасибо за доверие. Я пожал её. Спасибо, что поверил. Он развернулся и пошёл обратно к даче. Через несколько шагов остановился. Знаешь, что самое странное? Что? Раньше я думал, что будущее нельзя изменить. Теперь я впервые не уверен в этом. Я улыбнулся. Значит, урок усвоен. Кашпировский кивнул и исчез в сгущающихся сумерках. Я смотрел ему вслед и понимал, что в этот момент наши дороги действительно разошлись. Всё, что мог рассказать человек из будущего, было уже сказано. Теперь история должна была решить сама, хочет ли она оставаться прежней. Когда тень Кашпировского растворилась в вечерних сумерках, я ещё долго стоял на пустынной дороге. Мой план сработал. Впервые за всё время после переселения я почувствовал настоящее облегчение. Теперь события начинали двигаться сами. Без моего постоянного участия. Я никогда не собирался становиться вождём, спасителем или серым кардиналом страны. История уже показала, чем заканчиваются попытки одного человека взять на себя судьбу миллионов. Нет. Моя задача была иной. Нужно было лишь подтолкнуть нужных людей в нужный момент. Заставить их поверить, что они способны изменить будущее. Что от их решений зависит не только их собственная судьба, но и судьба целой страны. Кашпировский получил знания и доступ к людям, которые принимали решения. Высоцкий получил второй шанс на жизнь и возможность говорить с теми, до кого раньше не мог достучаться. Полковник получил подтверждение того, что многие катастрофы можно предотвратить заранее. Каждый из них теперь двигался своим путём. А я постепенно отходил в сторону. Самые большие перемены совершаются не тогда, когда один человек кричит на весь мир. Они происходят тогда, когда десятки людей начинают думать одинаково и действовать сообща. Я посмотрел на звёзды, появлявшиеся над тёмным лесом. Где-то там, в будущем, которое я помнил, уже были подготовлены списки погибших солдат, участников бессмысленных конфликтов и жертв чужих ошибок. Тысячи судеб. Тысячи семей. Возможно, не всех удастся спасти. Возможно, история всё равно возьмёт своё. Но если удастся изменить хотя бы часть событий, если хотя бы несколько тысяч молодых ребят вернутся домой живыми, значит, всё было не зря. Я медленно

пошёл обратно к даче. Впереди оставалось ещё много работы. Но впервые за долгое время я перестал чувствовать себя человеком, который один борется против времени. Теперь у будущего появились союзники. Вечером я уехал в Москву. Дядя своё обещание выполнил. Через знакомых помог оформить водительские права, и теперь я вполне законно ездил по городу на своих «Жигулях». Машина досталась мне от него же. Недавно он купил себе новенькую чёрную «Волгу» и с гордостью демонстрировал её всем соседям и знакомым. Солидный человек должен ездить на солидной машине, любил повторять он. Я не спорил. Меня вполне устраивали и «Жигули». Финансовые дела тоже складывались неожиданно удачно. Гонорар за первый том книги оказался огромным по меркам того времени. Издательство уже говорило о дополнительном тираже, а впереди были ещё два тома. Кроме того, обсуждалось переиздание первой книги, поскольку спрос значительно превысил ожидания. Иногда мне становилось даже смешно. Попав в прошлое без копейки в кармане, я меньше чем за год превратился в одного из самых успешных молодых авторов страны. Но деньги сейчас волновали меня меньше всего. Подъезжая к дому, я думал совсем о другом. Вечером предстоял серьёзный разговор с тётей. Пожалуй, самый серьёзный за всё время нашего знакомства. Слишком многое изменилось за последние месяцы. Она видела мои постоянные отъезды, странных гостей, встречи с людьми, которых обычный человек никогда бы не встретил. Видела успех книги, интерес со стороны издателей, появление влиятельных знакомых. И при этом почти ничего не знала. Тётя была неглупой женщиной. Наверняка давно поняла, что я скрываю гораздо больше, чем рассказываю. Оставался вопрос насколько много я готов открыть ей сегодня. Остановив машину возле дома, я несколько минут сидел за рулём и смотрел на светящиеся окна квартиры. В одном из них мелькнула знакомая фигура. Тётя ждала меня. Судя по всему, разговор действительно будет долгим.

Глава 27

Дома тётя была одна. Открыв дверь, она встретила меня загадочной улыбкой, достойной Моны Лизы. Племяш, тебя и дома не застать. Весь в трудах, весь в заботах, начала она с притворным укором. Я только улыбнулся и кивнул головой. Не успел снять куртку, как она обняла меня за шею. Соскучилась, тихо сказала она. Всего несколько дней прошло. Для тебя несколько дней, а для меня целая вечность. Она внимательно посмотрела мне в глаза. У профессора сегодня встреча с читателями. Вернётся поздно. Последние слова прозвучали как бы между прочим, но я слишком хорошо её знал. Тётя явно готовилась к разговору. Мы прошли на кухню. На столе уже стоял чайник, домашняя выпечка и вазочка с конфетами. Всё выглядело слишком официально для обычного семейного ужина. Допрашивать будешь? спросил я, усаживаясь за стол. Она рассмеялась. А есть за что? Наверняка. Есть, согласилась она. И очень давно. Несколько секунд она молчала, словно подбирая слова. Скажи честно, кто ты такой? Я едва не поперхнулся чаем. В каком смысле? В самом прямом. Она не улыбалась. Ты появился словно из ниоткуда. Знаешь вещи, которые знать не должен. Общаешься с людьми, до которых обычному человеку не добраться. Пишешь книги так, будто сам всё пережил. Иногда говоришь о событиях ещё до того, как они происходят. Я поставил чашку на стол. Разговор оказался даже серьёзнее, чем я ожидал. И что ты обо всём этом думаешь? Пока не знаю. Она внимательно смотрела на меня. Но я точно знаю одно. Что именно? Ты хороший человек и опытный мужчина. Я невольно улыбнулся. С чего такая уверенность? Потому что за всё время знакомства ты помог большему количеству людей, чем многие за всю жизнь. Она вздохнула. Поэтому мне совершенно неважно, какие тайны ты скрываешь. Мне важно другое. Что? Чтобы однажды ты не остался со всем этим один. В её голосе впервые прозвучала настоящая тревога. И в этот момент я понял, что она переживает вовсе не из-за моих секретов. Она боялась за меня. Боялась, что успех, деньги, связи и бесконечные дела постепенно превращают меня в человека, которому некому довериться. А вот это уже был разговор, к которому я совершенно не подготовился. Она сняла блузку и навалилась на меня своей большой грудью. Я подсадил ее на стол она взвизгнула и не снимая трусиков проник у нее. А ты выдумщик простонала она. Но края трусов натирали плоть пришлось отстраниться и снять их. Она роскошно подняла ноги помогая мне. Звенели чашки и падали ложки пока комната не озарилась ее истомным криком радости и рыком оргазма. Она прижимала меня к себе не отпуская. Я чувствую что ты мне сделаешь ребенка заявила она заглядывая мне в глаза. Я поцеловал ее в губы и прижался к ней обнимая. Я тоже буду рад этому подхватил я и продолжил. Я слышал, что на Западе фантастику тоже любят. И платят за неё валютой. На мою наживку тётя никак не отреагировала. Но я видел процесс уже запущен. Отпустив меня, она слезла со стола и села на стул напротив. Несколько секунд задумчиво смотрела в окно. Ты считаешь, надо выходить на мировой рынок? наконец спросила она. Да. Почему именно сейчас? Пока книгу не украли. Хорошие идеи имеют неприятное свойство внезапно появляться у других авторов. Особенно если о них начинают говорить. Она задумчиво постучала пальцами по столу. И как это сделать? Я вымыл руки в кухонной раковине, вытер их полотенцем и только потом ответил: Надо передать авторский экземпляр Громыко. С напутствием, чтобы он оставил книгу в посольстве Франции. Он ведь туда собирается. Мария Семёновна медленно подняла голову. В её глазах появилось знакомое выражение так шахматист смотрит на доску, неожиданно обнаружив красивую комбинацию. Посольство Франции… Там работают люди, которые понимают ценность литературы. Если книга действительно хороша, она сама найдёт дорогу дальше. Тётя откинулась на спинку стула. А ведь может сработать. Может. Даже очень может. Она несколько секунд что-то просчитывала в уме. Потом на её лице появилась хищная улыбка. Та самая улыбка, которую я уже хорошо знал. Обычно после неё издатели подписывали невыгодные для себя договоры, чинов-

ники внезапно меняли мнение, а нужные двери открывались сами собой. А я ведь говорила, тихо произнесла она. Ты знаешь слишком много. Просто размышляю. Нет, племяш. Размышляют иначе. Она прищурилась. Иногда мне кажется, что ты заранее знаешь ответы на вопросы, которые остальные ещё даже не успели задать. Я рассмеялся. Если бы это было так, я бы уже стал миллионером. Станешь, уверенно сказала она. Настолько веришь в книгу? Нет. Тогда во что? Мария Семёновна поднялась со стула и подошла к окну. В тебя. На мгновение в кухне стало тихо. Потом она резко развернулась. Ладно. Завтра же поговорю с Громыко. Если получится заинтересовать французов, начнём готовить перевод. Вот и отлично. Только учти, сказала она, снова улыбаясь, когда начнут приходить валютные гонорары, отвертеться от моих вопросов тебе уже не удастся. Это угроза? Обещание. И по её довольному виду я понял, что теперь она думает не о моих тайнах. Теперь она уже мысленно завоёвывала для нашей книги Европу.

Глава 28

Приняв душ, я спустился к Лене. Она оказалась дома и, едва открыв дверь, сразу схватила меня за руку. Быстро заходи. Даже здравствуй не скажешь? Здравствуй. А теперь заходи. Не успел я опомниться, как оказался в квартире. Лена захлопнула дверь и довольно улыбнулась. Давай хоть дома спокойно посидим. А то ещё раз начнём обниматься на улице опять загребут в милицию. Я попытался возразить: По-моему, ты преувеличиваешь. Ничего я не преувеличиваю. Она потянула меня в комнату. Откровенно говоря, в последнее время я её немного побаивался. Не потому, что она могла что-то сделать. Просто Лена очень быстро взрослела и всё чаще намекала, что наши отношения пора переводить на новый уровень. А я прекрасно понимал, что спешить с такими решениями не стоит. Она усадила меня на диван и внимательно посмотрела. Опять где-то пропадал? Работа. У тебя всегда работа. Книги сами себя не напишут. А я начинаю подозревать, что ты тайный министр, разведчик или космонавт. Почему именно космонавт? Потому что иногда смотришь на людей так, будто прилетел с другой планеты. Я рассмеялся. Лена тоже улыбнулась, но потом вдруг стала серьёзной. Знаешь, я скучаю. Я тоже. Нет, правда. Ты всё время куда-то бежишь. Встречи, издательства, какие-то важные люди. А я иногда боюсь, что однажды ты просто исчезнешь. Я взял её за руку. Не исчезну. Обещаешь? Обещаю. Она немного успокоилась и положила голову мне на плечо. За окном уже зажигались вечерние огни Москвы. Из соседней квартиры доносился звук телевизора, во дворе кто-то играл на гитаре. Мы сидели молча. Иногда человеку нужны не громкие слова и не признания. Иногда достаточно просто быть рядом. И в тот вечер Лене было нужно именно это. Лена росла в достаточно традиционной семье и довольно смутно представляла, какими должны быть отношения между мужчиной и женщиной до брака. Она многое знала из разговоров подруг, что-то читала в книгах, но собственных представлений у неё ещё не сложилось. Поэтому, несмотря на всю свою решительность и эмоциональность, на близости она не настаивала. Ей было важно другое. Чтобы я приходил. Чтобы звонил. Чтобы помнил о ней даже тогда, когда был занят своими бесконечными делами. Иногда она ревновала меня к работе, к книгам, к встречам с известными людьми. Ты скоро станешь знаменитым и забудешь обо мне, говорила она полушутя. Тогда зачем я сейчас сижу здесь? Чтобы потом было что вспомнить. Неправильный ответ. А какой правильный? Потому что тебе здесь нравится. Я рассмеялся. Вот видишь, сама всё знаешь. Она довольно улыбнулась и устроилась рядом на диване. Некоторое время мы разговаривали о самых обычных вещах: о соседях, об институте, о знакомых. После последних месяцев, наполненных встречами с известными людьми, тайнами и большими планами, этот обычный разговор казался почти роскошью. Лена рассказывала что-то смешное про подруг, а я слушал и думал, что именно такие вечера помогают не потерять связь с нормальной жизнью. В мире могли решаться судьбы книг, политиков и целых стран. Но здесь, в небольшой московской квартире, всё было просто и понятно. И эта простота нравилась мне всё больше. Звонок в дверь словно окатил всех свежим душем. Напряжение тянулось уже слишком долго, и, не сговариваясь, все бросились к двери. Предчувствие не обмануло. На пороге стоял боец. Осунувшийся, исхудавший, с перебинтованной рукой и усталым взглядом человека, увидевшего слишком многое. Раненый солдат, выполнивший свой интернациональный долг и сумевший вернуться живым с войны. На несколько секунд в квартире повисла тишина. Никто не решался произнести ни слова. Потом дочь всхлипнула и бросилась к отцу. Следом к нему шагнула мать, крепко обняла за плечи и лишь глухо произнесла вернулся… Больше слов не требовалось. Полковник окинул взглядом своих женщин, затем посмотрел поверх их голов на меня. Я рад, что ты здесь. Очень рад видеть тебя. Сказав это, он мягко отстранил жену и дочь и шагнул вперёд. Неожиданно для всех он крепко обнял меня. Спасибо, прошептал он. Но этот шёпот прозвучал громче любого крика. В комнате повисла тишина. Жена и дочь растерянно перегля-

нулись. Только сейчас они начали понимать, что между нами существовала связь гораздо более глубокая, чем они могли себе представить. Не дружба соседей, не случайное знакомство и даже не простая благодарность. Там, далеко за тысячи километров, где пахло порохом и смертью, мы успели стать друг для друга чем-то большим. Людьми, которым однажды пришлось доверить самое дорогое собственную жизнь. И сейчас полковник своим коротким объятием сказал об этом больше, чем смогли бы выразить любые слова. Началась суета. Все заговорили одновременно. Посыпались вопросы, обрывки фраз, кто-то принимал вещи, кто-то торопливо накрывал на стол, кто-то просто не мог перестать смотреть на вернувшегося домой человека. Я незаметно отошёл в сторону и направился к двери. Мне казалось, что сейчас я здесь лишний. Семья наконец снова была вместе. Но уйти незамеченным не получилось. Полковник, несмотря на весь этот шум и хаос, всё время держал меня в поле зрения. В какой-то момент он буквально выхватил меня взглядом из общей суеты и остановил уже у самой двери. Дима, постой. Не уходи. Жена и дочь удивлённо переглянулись. В круговороте эмоций они успели забыть обо мне. Для них сейчас существовал только человек, которого они уже почти не надеялись увидеть живым. Но этот человек, вернувшийся с войны, среди десятков лиц и голосов первым заметил именно меня. И это не укрылось от их внимания. Они вдруг поняли, что я был для него не просто знакомым парнем из соседнего двора. Между нами существовало что-то такое, о чём они пока не знали, но что заставляло полковника искать меня взглядом даже в самый счастливый момент своей жизни. Он обнял меня за плечи и, не отпуская, повёл на кухню. У самого стола поставил чемодан, щёлкнул замками и достал литровую бутылку виски. Затем отодвинул чемодан в сторону и тяжело опустился на стул. Жена и дочь тут же засуетились: на столе появились тарелки, закуски, хлеб. Но полковник словно не замечал этой суеты. Он молча открыл бутылку, разлил янтарную жидкость по двум рюмкам и одну подвинул ко мне. На несколько секунд воцарилась тишина. Полковник взял свою рюмку, поднял её и посмотрел мне прямо в глаза. За тебя, сынок. Женщины замерли. В этих двух словах было столько тепла, благодарности и признательности, что никакие длинные речи уже не требовались. Для них это прозвучало неожиданно. Они знали своего мужа и отца как человека сдержанного и немногословного, который редко позволял себе проявлять чувства. А сейчас он смотрел на меня так, словно перед ним сидел не соседский парень, а самый близкий человек. Я молча поднял рюмку навстречу его руке. И мы выпили.

Глава 29

После первого глотка крепкого напитка полковник на мгновение закрыл глаза. Словно только сейчас начал верить в происходящее. Потом резко поднялся со стула, подошёл к жене, обхватил её голову ладонями и прижался лицом к её волосам. Глубоко вдохнул их знакомый запах запах дома, мирной жизни, всего того, по чему тосковал долгие месяцы. Его плечи дрогнули. А потом он вдруг громко, почти во весь голос, крикнул: Я дома! В квартире словно что-то прорвалось. Жена расплакалась, дочь бросилась к нему, а сам полковник стоял посреди кухни, прижимая к себе самых дорогих людей. В его голосе не было ни пафоса, ни показной радости. Только огромное облегчение человека, который каждый день смотрел смерти в лицо и всё-таки сумел вернуться. Я дома… уже тише повторил он, уткнувшись в волосы жены. И в этих простых словах было больше счастья, чем во всех тостах и речах, которые можно было произнести в тот вечер. Когда первые страсти улеглись и волнение немного отступило, за столом снова воцарился порядок. Полковник наполнил четыре рюмки и поднялся со своего места. Все замолчали. Он посмотрел сначала на дочь, потом на меня. Сын, раз уж ты здесь, то вручаю тебе свою дочь. Потому что только ты один в этом мире сможешь сделать её счастливой. На мгновение за столом повисла тишина, а потом кухня взорвалась смехом, радостью и смущёнными возгласами. Лена покраснела, мать всплеснула руками, а сам полковник широко улыбался впервые за весь вечер. Мы чокнулись и выпили. Потом пили за победу. За тех, кто вернулся. За тех, кто не вернулся. За встречу. За дом. За жизнь. Время текло незаметно. Наконец женщины объявили себе небольшой тайм-аут и ушли в комнату, оставив нас вдвоём. Я решил, что сейчас полковник, как обычно, выведет меня на балкон для мужского разговора. Но он поступил иначе. Поднялся из-за стола, накинул куртку и кивнул в сторону двери. Пойдём. Мы молча спустились на лифте, вышли из подъезда и направились к набережной. Вечерний воздух был прохладным и свежим. Река спокойно несла свои воды мимо огней города. Некоторое время полковник шёл молча, засунув руки в карманы. Только когда дом остался далеко позади, он остановился у парапета и посмотрел на тёмную воду. Похоже, разговор, ради которого он привёл меня сюда, был слишком серьёзным для кухонного стола и слишком важным для чужих ушей. И у стен есть уши, произнёс полковник, словно ставя точку. Он резко развернулся ко мне и крепко обнял. Спасибо тебе… промычал он прямо мне в ухо. Я ничего не ответил. Я ждал именно этого признания. За месяцы войны я много раз прокручивал в голове наши последние разговоры, все советы и наставления, которые дал ему перед отъездом. И сейчас по его голосу, по его дрожащим рукам понял: всё получилось. Всё, на что он надеялся, свершилось. Поэтому я просто спросил: Как там Тора-Бора? Полковник отстранился и несколько секунд смотрел на меня так, словно не верил своим ушам. Потом вдруг присел, словно собираясь прыгнуть, и действительно подпрыгнул вверх. Я её разнёс в клочья! закричал он во весь голос. Его смех эхом прокатился над тёмной набережной. В следующую секунду он подхватил меня за плечи и закружил, словно мы были не двумя взрослыми людьми, а мальчишками, выигравшими самый главный матч в своей жизни. Разнёс! Слышишь? В клочья! Наконец мы остановились. Полковник схватил меня за плечи и несколько раз встряхнул. В его глазах стояли слёзы, но лицо сияло от счастья. Спасибо тебе за Тора-Бора, произнёс он уже тихо и совершенно искренне. Спасибо, сынок. В этот момент я понял, что для него это была не просто военная операция и не просто выполненный приказ. Это была его личная победа. Победа человека, который вернулся домой живым и сумел закончить то, ради чего уходил на войну. Товарищи, почему шумим? Мы одновременно обернулись. В нескольких шагах от нас стояли двое милиционеров. Судя по выражению лиц, они уже приготовились провести воспитательную беседу с двумя подвыпившими гражданами, слишком бурно радовавшимися ночной прогулке. Полковник посмотрел на них спокойно и даже немного устало. Я полковник. Вернулся из Афганистана. Всего одна

фраза. Но она подействовала на наряд сильнее любого удостоверения. Милиционеры мгновенно подобрались. С возвращением, товарищ полковник! Оба отдали честь. Мы вас проводим. Не мешая. Они отошли чуть в сторону, сохраняя дистанцию, но явно решив присмотреть за нами до самого дома. Полковник лишь усмехнулся. Кажется, ему было совершенно безразлично, кто идёт рядом и кто наблюдает за ним сейчас. Он уже был дома. Всё остальное потеряло значение. Он снова обнял меня за плечи. Пошли. И мы медленно двинулись к дому. Позади, в нескольких метрах, шагали милиционеры. Впереди светились окна его квартиры. А полковник всё не отпускал моей руки, словно боялся, что этот вечер окажется сном и, стоит отпустить, всё исчезнет: дом, семья, друзья и сама жизнь, которую ему удалось вернуть. Когда мы вернулись, на кухне нас уже ждали. Женщины успели обновить стол, принести горячее и, судя по их взглядам, многое обсудить между собой. Возвращение полковника, его отношение ко мне и особенно его неожиданные тосты не могли оставить их равнодушными. Мы заняли свои места. Полковник налил всем понемногу, поднялся из-за стола и, слегка покачиваясь, поднял рюмку. Я ракетчик, начал он. Всю жизнь учился сам и учил других тому, что ракета точно попадает в цель. Он сделал паузу. И это правда. Почти всегда правда. На кухне стало тихо. Но однажды мне возразил один человек. Сказал, что любая ракета имеет разлёт. Что идеальной точности не бывает. Что всегда существует вероятность ошибки. Полковник посмотрел на меня. Тогда я спорил с ним. Даже сердился. Потому что был уверен в своей правоте. Он усмехнулся. А потом жизнь показала, что этот человек понимал гораздо больше, чем я думал. Жена и дочь внимательно слушали. Этот человек сейчас сидит за этим столом. Он указал на меня рюмкой. И именно ему я готов доверить самое дорогое, что есть в моей жизни. Полковник повернулся к дочери. Его голос дрогнул. Своё сокровище. Свою единственную дочь. Мою любимую дочь. Лена опустила глаза, пытаясь скрыть смущение. Потому что я верю ему так же, как верю себе. Возможно, даже больше. Я видел людей в разных обстоятельствах. Видел тех, кто говорил правильные слова, и тех, кто совершал правильные поступки. И знаю цену каждому. Он поднял рюмку выше. И я уверен, что моя дочь будет счастлива только с ним. На несколько секунд за столом воцарилась тишина. Та самая тишина, которая бывает после слов, сказанных от самого сердца. За вас, дети. Мы подняли рюмки, и в глазах жены полковника уже блестели слёзы.

Глава 30

Лена украдкой бросила на меня кокетливый взгляд. Взгляд был коротким, но от родительских глаз не укрылся. Полковник заметил это первым. На его лице появилась довольная улыбка. Он громко хлопнул в ладоши, словно вспомнив что-то важное. Ну, а как там моя дача? Жена и дочь одновременно посмотрели на него. Какая ещё дача? удивилась жена. Но полковник уже смотрел только на меня. Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что женщины замерли в недоумении. После всех разговоров о войне, семье и будущем дочери переход к какой-то даче казался совершенно нелогичным. Я выдержал паузу и спокойно ответил: Готова. Эффект оказался поразительным. Женщины словно очнулись. Что значит готова? первой не выдержала Лена. Полковник медленно расплылся в улыбке. Готова? Полностью? Полностью, кивнул я. Дом, веранда, баня, дорожки. Всё сделано. На этот раз полковник даже присвистнул. Вот это подарок… Он покачал головой и посмотрел на жену. Видишь? Я уехал на войну, а этот парень за время моего отсутствия построил дачу. Построил? переспросила она, всё ещё не веря услышанному. Именно построил, довольно подтвердил полковник. Лена переводила взгляд с меня на отца и обратно. Кажется, она только сейчас начала понимать, что за месяцы отсутствия отца между нами произошло гораздо больше событий, чем ей рассказывали. А полковник поднял рюмку и рассмеялся: Нет, всё-таки правильно я сказал. Такому человеку дочь доверить не страшно. За столом снова стало шумно, а настроение окончательно превратилось в настоящий семейный праздник. Алкоголя было выпито немало, поэтому вскоре мама Лены решительно поднялась из-за стола и увела полковника в спальню. Всё, герой, на сегодня хватит, услышали мы её голос из коридора. Через минуту на кухне остались только мы вдвоём. Я собирал тарелки, а Лена мыла посуду. Вода тихо шумела из крана. После шумного вечера непривычная тишина казалась почти оглушительной. Лена выглядела задумчивой. Наконец она выключила воду и тихо произнесла: Прости. Я продолжил вытирать тарелку полотенцем, словно не услышал. Несколько секунд прошло в молчании. Лена упрямо посмотрела на меня. Ты ничего не скажешь? О чём? Она нахмурилась. Тебя даже не удивляет моё признание? Я отложил полотенце, подошёл к ней и, не говоря ни слова, обнял. Её руки были ещё влажными после мытья посуды. Легко приподняв её, я усадил на край стола. Лена смотрела на меня с недоумением. А что должно было меня удивить? То, что я попросила прощения. Я улыбнулся. Знаешь, человек просит прощения тогда, когда считает себя виноватым. А я не вижу в тебе никакой вины. Она опустила глаза. Я была не права. Возможно, согласился я. Но это уже прошло. Лена подняла взгляд. В её глазах читалось облегчение, словно тяжёлый груз, который она долго носила внутри, наконец исчез. И ты действительно не сердишься? Нет. Она долго смотрела на меня, словно проверяя, не шучу ли я. Потом улыбнулась. Впервые за весь вечер спокойно и по-настоящему счастливо. Расстегнув ширинку я вынул его из брюк и просунул ей между ног. Она вздрогнула от прикосновения к своему сокровенному постороннего тела и закрыла глаза в ожидании. Но громогласный голос отца выполнившего супружеский долг и вырвавшийся на свободу из тесной спальни прервал нас. Я уловил в глазах Лены мимолетное разочарование. Но не дрогнул ни одной мышцей. Поэтому когда отец вбежал в кухню мой конец был во влажной пещерке его дочери. Он понял это по ее пунцовому лицу. Мы с Леной одновременно обернулись. Через несколько секунд на кухне появился полковник. Вид у него был торжественный и одновременно совершенно счастливый. Лицо расплылось в широкой довольной улыбке. Он даже не обратил внимания на наше смущение и на то, что мы слишком быстро отстранились друг от друга. В руках у него что-то было. Подойдя к столу, он театрально выдержал паузу, а затем бросил это на скатерть. Погоны. Они с громким шлепком ударились о стол. На несколько секунд воцарилась тишина. Казалось, вместе с этим звуком изменилось всё вокруг. Полковник смотрел на нас сияющими глазами. Нет, вы только посмотрите на них! рассмеялся он. Они тут

любовь крутят, а про самое главное забыли! Он ткнул пальцем в погоны. Я генерал! Последние слова он буквально прокричал. Из спальни выглянула жена. Господи, опять началось… Но в её голосе не было раздражения. Только счастье. Полковник подхватил со стола погоны и гордо продемонстрировал их всем присутствующим. Генерал! Понимаете?! Он рассмеялся так заразительно, что через секунду смеялись уже все. Потому что в этот вечер домой вернулся не просто офицер. Домой вернулся живой человек, получивший всё, о чём мог мечтать: победу, семью, друзей и будущее. А новые погоны были лишь красивой точкой в этой истории. Взяв погоны в руки, он вдруг посерьёзнел. Шум на кухне стих. Полковник медленно опустился на колени перед дочерью. Спасибо, произнёс он почти шёпотом. Он обнял её, прижавшись лицом к её животу, словно пытаясь убедиться, что всё это настоящее: дом, семья, родные стены и любимая дочь рядом. Лена уже не скрывала слёз. Потом он поднялся и шагнул к жене. Спасибо… Он обнял и её, крепко прижав к себе. Женщины плакали от счастья, а он стоял между ними, не стесняясь ни слёз, ни чувств. Наконец полковник осторожно раздвинул их плечами и выпрямился. Потом повернулся ко мне. Несколько секунд смотрел внимательно, будто пытаясь придумать, чем ещё можно меня удивить. А тебя ничем не удивить, сказал он, слегка пошатываясь. Я усмехнулся. Разлёт сто метров. Несколько секунд он молчал. Потом кухня взорвалась его хохотом. Генерал смеялся так громко и искренне, что, казалось, дрожали стены. Он шагнул ко мне, сгреб в объятия и принялся трясти за плечи. Сто метров! Слышали?! Он снова расхохотался. Потом неожиданно подхватил меня и закружил по кухне. Жена всплеснула руками, Лена испуганно вскрикнула, а генерал продолжал смеяться как мальчишка. Наконец он поставил меня на пол, выпрямился и торжественно поднял руку в мою сторону. Запомните все! Он обвёл взглядом жену и дочь. Это он сделал меня генералом! Женщины удивлённо переглянулись. А генерал продолжал смотреть на меня с той особой благодарностью, которая появляется лишь тогда, когда человек понимает: самые важные победы в жизни никогда не бывают только его собственными.

Глава 31

Мы выпили ещё по стопке. Но генералу было уже достаточно. Слишком много событий вместил в себя этот день: дорога домой, встреча с семьёй, воспоминания, радость возвращения, новые погоны. К этому добавлялись усталость, пережитое напряжение и возраст. В какой-то момент он начал клевать носом прямо за столом. Жена лишь улыбнулась. Всё, товарищ генерал, на сегодня побед достаточно. Он попытался было возразить, но уже через несколько минут был отправлен отдыхать. Когда за дверью спальни стало тихо, на кухне остались только мы с Леной. Она неторопливо собирала со стола, делая вид, что полностью занята посудой. Но время от времени я ловил на себе её понимающий взгляд. Она быстро домыла последние тарелки, вытерла руки полотенцем и посмотрела на меня. В её глазах больше не было ни смущения, ни сомнений. Только спокойная уверенность. Пойдём, тихо сказала она. Я молча кивнул. Она взяла меня за руку и повела по тёмному коридору. Позади осталась освещённая кухня, тихий звон посуды и приглушённые шаги её матери. Впереди была спальня и долгий разговор, который мы откладывали слишком много месяцев. Она скинула одежду и легла в ожидании. Какие у нее были представления о мужчинах и отношениях я не знал поэтому просто сел рядом. Сквозь воздушное пространство между нами я чувствовал ее дрожь и желание. Она готова была уже задрать ноги но мне это было не нужно. Я не был обделен женским вниманием поэтому хотел получить нормальную брачную ночь. Но торжество момента меня волновало. Я провел пальцем по ее дрожащему от волнения животу и замер в пространстве между ног. Тело ее горело от желания. Я в душ произнесла она театральную фразу. Но когда вернёшься я буду уже спать возразил я ей. Она удивленно хлопнула ресницами. Зачем мыть то что моется каждый день сказал я буднично. Она смутилась не зная чем возразить. А вы что не моете это каждый день пыталась возразить она. А я не беру его в руки поэтому не мою каждый день парировал я. Она смутилась и прижалась ко мне. Я тоже не беру ее в руки зашептала она. Подмяв ее дрожащее от волнение тело под себя я впился в ее губы. Наши поцелую довели нас до исступления. Лена уже сама приспустила трусики и запустила его к себе между ног но я бездействовал упершись ей в лобок свои членом. Казалось возникло неудобное бездействие я понял по угасающим страстью поцелуям. Она пыталась повлиять губами стимулируя меня к соитию. Но я симулировал и наслаждался поцелуем. Возникла пауза. Потому что ее тело было занято тем что пыталось нанизаться на меня. Все ее внимание переместилось от губ к бедрам и промежности. Но неопытной барышне это непростое занятие и я ему не притворствовал. Когда она взмокла от своих действий я сжал ее ноги своими и скользя по ее промежности быстро довел ее до оргазма. Ее маленький кулачек бил меня по спине а ее рот сжимал край одеяла. Сердце ее билось подбрасывая меня а глаза сверкали от безумия произошедшего. Она прижалась ко мне и произнесла горячо я этого лишалась столько лет. Но тут же осеклась стыдясь своего признания. Мой возбужденный орган еще скользил по ее промежности принося нам радость близости. Я стала женщиной произнесла она уставившись мне в глаза. Нет возразил я ей. В ее глазах я прочитал испуг потом смущенье и разочарованье. Почему вырвалось из ее груди. Дунув ей в ухо я прошептал я хочу настоящую брачную ночь. Ее тело сжалось и по ее телу пробежала дрожь. А что это было спросила она шепотом. Эта была тренировка прошептал я ей. Она обняла меня. Не представляю какое чувство я испытаю когда будет финиш произнесла она смущенно. Во всем нужна сноровка упорство тренировка прошептал я ей в ухо. Она убрала ухо от моего горячего дыхания и спросила а ты что не получил полного удовольствия. Немного промолчав я произнес получил но если бы то взяла его в рот было бы прекрасно. Она вздрогнула и оттолкнулась в сторону. Но мое тело не дрогнуло и я выждал паузу. Я откинулся на спину и смотрел в потолок. Ее терзали сомнения и мучало мое молчание. Это делают неприличные девушки пыталась возразить она. Ты предлагаешь мне искать

неприличных девушек парировал я. Она задумалась. А ты что не можешь без этого попыталась она зайти с другой стороны, Я что ущербный возразил я, если в сексе любящие пары доставляют друг другу удовольствия почему я должен остаться в стороне. Ее тело дрожало она была в сомнениях. Мне мама не говорила что это необходимо произнесла она последний аргумент. Тогда пойдем и спросим у мамы что можно а что должны делать неприличные девушки. Лена вскочила с кровати, луна осветила через окно ее хрупкое тело и она замерла. Конечно она не пыталась броситься к матери с расспросами. И ее смущенное состояние боролось. Брать или не брать. Думала она. В ее мозгу вертелись сомненья и пошлости. Что в этом такого приняла она решение. Она собиралась отдаться мужчине до свадьбы так почему же не доставить ему удовольствие в таком извращенным для нее образе. Она села на край кровати и наклонившись взяла осторожно его в рот. Я смотрел на терзания девушки зажатой в рамки запретов и когда ее губы коснулись его и он оказался в у нее во руту я замер. Это было торжество момента. И как говорили американцы мужья это получают на день рожденье. Дождавшись когда ее ротик вкусит все прелести обладания членом во рту я сразу привлек ее к себе и поцеловал в губы. Глаза ее горели торжеством она словно взяла новый рубеж. тебе понравилось спросила она восхищенно смотря мне в глаза. Это было незабываемо произнес я сокровенно прижав ее к себе. Хотя миньет в исполнении жены всегда выглядел как пародия. Она прижалась ко мне дрожащим от волнения телом и, словно благодаря за всё, легко поцеловала в живот. Я осторожно приподнял её, крепче прижал к себе, и так мы уснули. О чём думала она в тот момент, меня не интересовало. Это был мой мир, и я привык строить его по собственным правилам. Для меня это утро было вполне обычным. Я был в расцвете сил, рядом спала красивая девушка, над головой возвышались старые высокие потолки, а за стенкой находился генерал. Нет, не за стенкой за дверью. Он уже не спал и, похоже, был переполнен эмоциями от неожиданно обретённой свободы. Где мой зять?! гремел его голос на всю квартиру. Лена тут же принялась будить меня, легонько колотя кулачком в грудь. Папа зовёт тебя, прошептала она. Я ему ещё не зять, сонно возразил я. Она недовольно надула губки. Почему это не зять? Потому что мы ещё не женаты, ответил я и мы еще не были близки. Лена нахмурилась, широко распахнула глаза и, понизив голос до шёпота, спросила: Ты сейчас серьёзно? Ты хочешь меня прямо здесь и сейчас? После этих слов она сама смутилась и покраснела. Да сказал я раскинув руки. Она недоуменно уставилась на меня и на мой эрегированный член. И как я его успокою спросила смущенно она. Настоящая женщина знает как это сделать на подсознании прошептал я и замер в ожидании.. Ее воспитание боролась со стремлением угодить любовнику. И она откинув простынь взяла его в рот. Дверь распахнулась и новоявленный генерал не знающий преград обозрел свою единственную дочь с моим членом во рту. Картина маслом конечно. Он поймал мой взгляд простого участника процесса и не уловив в нем смущенья или страха а только удовольствие медленно закрыл дверь. Лена замерла в испуге от произошедшего. Ее слюни медленно стекали по стволу члена, а зубу сжимали основание. Так глубоко она еще его не заглатывала. Но когда дверь осторожно закрылась она. подскочила и откашлялась. В ее глазах метались чёртики а лицо застыло в изумлении.

Глава 32

На кухню мы вышли немного смущёнными. Генерал уже хозяйничал у плиты и, судя по всему, успел обо всём переговорить с супругой. Они явно обсудили происходящее ещё до нашего появления. Увидев нас, генерал придал лицу торжественное выражение и заявил: Гусар после такого обязан просить руки моей дочери! Я понял, что отступать некуда. Встав на одно колено, я легонько потянул Лену к себе и торжественно произнёс: Благословите, батюшка! Генерал замер. На его лице отразился неподдельный испуг. Ты что, хочешь меня под монастырь подвести? дрогнувшим голосом произнёс он. После чего тяжело опустился на стул. Лена растерянно переводила взгляд с меня на отца, а её мать едва сдерживала улыбку. Так, благодаря генеральскому испугу, вопрос о моей женитьбе был отложен на неопределённый срок. На кухне постепенно воцарилось спокойствие. Мы расселись вокруг стола, вдыхая аромат свежесваренного кофе и пытаясь забыть недавний конфуз. Генерал первым нарушил молчание. Ну хорошо, произнёс он, задумчиво помешивая ложечкой напиток. Опять ты меня поймал. Рассказывай, какие у тебя планы? Я сделал глоток кофе, затем рукой притянул к себе Лену и поцеловал её в висок. Она подняла на меня глаза, ожидая ответа. Сначала сделаем из вас генерала КГБ, спокойно сказал я, глядя на её отца. А уже потом будем думать о свадьбе. В глазах Лены мгновенно вспыхнула искра восторга. Она даже выпрямилась на стуле, словно услышала самую приятную новость за утро. Что в этот момент делали генерал с супругой, я не заметил. Всё моё внимание было приковано к Лене. Но когда я всё же посмотрел на них, то увидел, что оба едва скрывают улыбки. Похоже, моё решение их судьбы пришлось по вкусу всем присутствующим. Особенно генералу, который только что получил возможность отложить разговор о свадьбе и сосредоточиться на куда более заманчивой перспективе собственной карьере. Кофе был допит, и когда женщины принялись за посуду, мы с генералом вышли на балкон. Он привычным движением достал пачку сигарет и протянул одну мне. Я взял её, внимательно посмотрел, а затем спокойно переломил пополам. После чего забрал у него всю пачку. Генерал возмущённо уставился на меня. Это ещё что такое? Я даже не повернул головы в его сторону. Вот когда станете генералиссимусом, тогда и закурите. И то только трубку. А пока будем дышать свежим воздухом. Это полезнее. Генерал фыркнул, но спорить не стал. Мы стояли рядом, опираясь на перила балкона и наблюдая, как просыпается город. Внизу спешили по своим делам люди, где-то хлопали двери подъездов, слышались голоса детей. Через несколько минут на балкон вышла Лена. Она подошла к отцу, обняла его за руку и удивлённо посмотрела на нас. А что вы молчите? спросила она. Я усмехнулся. Хорошая компания славится тем, что может просто помолчать. Лена перевела взгляд с меня на отца. Генерал задумчиво кивнул. Верно сказано, произнёс он. Если людям обязательно нужно всё время разговаривать, значит, вместе им не так уж и интересно. После этого мы снова замолчали. И это молчание оказалось куда уютнее любого разговора. Лена прижалась к отцу, генерал смотрел вдаль, а я думал о том, что впервые за долгое время утро выдалось по-настоящему спокойным. Вам что, дача не интересна? спросил я, нарушая затянувшееся молчание. Лена тут же оживилась и толкнула отца локтем. Папа, ты же сам дачей интересовался. Генерал нахмурился и задумчиво посмотрел куда-то вдаль. По выражению его лица было видно, что он уже мысленно прикидывает все плюсы и минусы поездки. Я решил помочь ему с выбором. У меня машина есть, произнёс я будничным тоном. Полчаса на сборы, и можем ехать. Генерал перевёл взгляд на меня. Полчаса? Я не ракетчик. Полчаса, подтвердил я. Он решительно хлопнул ладонью по перилам балкона, затем повернулся к дочери и слегка подтолкнул её в сторону квартиры. Собираемся! объявил он таким голосом, словно отдавал приказ целому полку. Лена рассмеялась и убежала в комнату. Генерал проводил её взглядом, после чего посмотрел на меня уже совсем иначе с заметным уважением. Машина, дача, планы на будущее… пробормотал он. А ведь ещё недавно

я был уверен, что ты просто нахальный мальчишка. А теперь? Теперь думаю, что нахальный мальчишка это тоже полезное качество. Если применять его с умом. Я усмехнулся. Значит, едем? Едем, кивнул генерал. Посмотрим, что за дачу ты нам так настойчиво рекламируешь. Юркий и комфортный «Жигулёнок» быстро домчал нас до дачи. У калитки нас встретил полковник, который когда-то собственноручно навешивал её на петли. Теперь он уже носил генеральские погоны, но, переступая порог участка, выглядел скорее как мальчишка, попавший в сказку. Участок окружал высокий добротный забор. За ним возвышался резной двухэтажный сруб настоящий образец древнерусского зодчества. Генерал замер. Его взгляд медленно скользил по тщательно отшлифованным брёвнам, по точёным балясинам, по широкому крыльцу. Такого он явно не ожидал увидеть. Даже по меркам высокого начальства дом выглядел великолепно. Он обернулся ко мне и неожиданно крепко обнял. Словно я только что исполнил его давнюю мечту. Но настоящее потрясение ждало его внутри. Стоило переступить порог, как он остановился снова. Паркетный пол, стены из натурального дерева, просторные комнаты, дорогая мебель, тяжёлые шторы, массивные люстры всё выглядело солидно, добротно и удивительно гармонично. Генерал медленно переходил из комнаты в комнату. В голове у него наверняка рождались десятки вопросов. Такого не может быть. Это уровень генерала.. Ещё вчера он был уверен, что знает обо мне всё. Но сейчас привычная картина мира трещала по швам. Как этому мальчишке удалось создать такую роскошь? Откуда деньги? Откуда связи? Откуда возможности? Однако генерал был слишком опытным человеком, чтобы задавать подобные вопросы вслух. Поэтому все свои догадки он старательно держал при себе. И только когда в дверях дома появился Владимир Высоцкий, на лице генерала появилось заметное облегчение. Словно сложился последний фрагмент мозаики. Он даже незаметно выдохнул. Теперь многое становилось понятнее. Его будущий зять не был ни мошенником, ни преступником. Просто он каким-то невероятным образом умел заводить знакомства с нужными людьми. А это, как хорошо знал генерал, иногда стоило не меньше денег. В дом вошёл Владимир Высоцкий с гитарой в руках. Не говоря ни слова, он провёл пальцами по струнам и запел: Генералы, генералы… Если бы не ваши награды, если бы не ваша доблесть, не быть России и той земли, которую вы для нас сберегли… Голос звучал негромко, но в нём было столько искренности, что у Вадима Ивановича предательски дрогнули губы. По щеке медленно скатилась слеза. В этот момент на крыльцо поднялся Виктор. Он резко ударил по струнам своей гитары, заставив их почти заплакать, и запел совсем иначе молодо, порывисто, с каким-то отчаянным надрывом: Мир… Мы хотим мир… Дайте нам мир… Генерал удивлённо уставился на незнакомого музыканта. Слова и манера исполнения были непривычными, почти вызывающими. Но через мгновение Высоцкий подхватил мелодию, вплетая свой голос в аккорды Виктора. Две гитары зазвучали вместе, и неожиданно всё встало на свои места. Напряжение покинуло лицо генерала. Он откинулся на спинку кресла и слушал, как две разные эпохи, два разных взгляда на жизнь и на страну сливаются в одной песне.

Глава 33

Всё окончательно прояснилось, когда на веранду вышел профессор Островский. После его появления гости постепенно расселись за большим столом. Профессор поднял бокал, затем обнял меня за плечи и произнёс: Это мой племянник. Он приехал к нам из глубокой Сибири. Но именно в нём сохранился тот самый дух российской глубинки прямой, честный и упрямый. Благодаря ему мы встретились, смогли понять друг друга и, возможно, встали на правильный путь. За столом воцарилась тишина. Профессор улыбнулся, притянул к себе Лену и по-отечески поцеловал её в макушку. Берегите друг друга, дети, добавил он уже значительно тише. Я заметил, как Вадим Иванович украдкой кивнул, соглашаясь с каждым словом. Зазвучали песни под гитару. В мангале весело потрескивали дрова, а по участку поплыл густой аромат жарящегося мяса. Дача ожила. Кто-то накрывал на стол, кто-то носил посуду из дома, кто-то следил за углями и переворачивал шампуры. У каждого нашлось своё дело, и эта привычная дачная суета удивительным образом объединяла людей. Постепенно сгущались сумерки. Над рекой поднимался лёгкий туман. В темнеющем небе одна за другой загорались звёзды. Дым от мангала лениво тянулся вверх, смешиваясь с прохладным речным воздухом. Пахло мясом, свежей зеленью, костром и близкой водой. Гитара переходила из рук в руки, звучали песни, смех и обрывки разговоров. Темнота, дым, запах реки и огонь в мангале создавали ощущение, будто время на несколько часов остановилось, позволяя всем просто быть вместе. Неожиданно мягкая ладошка увлекла меня к пирсу. Я увлекаемый ею поддался и оказался в объятиях пышногрудой тети. Ее жаркое дыхание обдало меня перегаром и вожделением. приподняв ее объёмную ляжку и не снимая трусиков вошел в нее. Она остудила меня похлопыванием своих ладошек по моей спине. Не спеши прошептала она и отстранилась от меня. Мой член вынутый из горячего тела ощутил прохладу реки и стал менять свои размеры. Смотря в след знойной красавице мое самолюбие было ущемлено. Но я выхватил из суеты отдыхающих Машу и прижав ее к забору задрал ей ногу и сдвинув трусики вошёл в нее. Но во время опомнился. Натрет подумал я вспомнив напутствие Марии Семеновны. Поэтому потащил аспирантку Машу на пирс и разложив ее возлег на нее. Она лепетала про книгу которую я ей обещал и про любовь. но когда по моей попке пошлепали горячие ладошки Марии Семеновны я замер но обернувшись спросил хочешь поменяться местами, продолжил и кончил в тело аспирантки получив немалое удовольствие. Тетя сидела рядом и ждала когда я до конца извергнусь в любовницу ее мужа и получала удовольствие от происходящего. Ее нежные пальцы метались по моей спине напоминая что мое тело ждет еще один сюрприз. Маша безвольной жертвой лежала подомной и ждала когда я сойду с нее и займусь хозяйкой. Но процессом руководила Мария Семеновна. Она дождалась когда я получу последние спазмы удовольствия и потянула меня за воротник. Я подавшись ее вектору тяги поплелся за нею. Она явно была возбуждена и хотела получить удовольствие. И вот простор Руси и ее раздвинутые ноги. Она откинулась в предвкушении наслаждения. Но я как грешный ангел который рушит надежды заблудших душ обмакнул свой конец в жаждущее лоно и смазав его вонзил ей в тугой зад. Крик боли и наслаждения разорвал тишину ночи. Мое тело ощущало как сжимается сфинксус анала на основание моего члена. Мне не хотелось двигаться а ее пухлые губы ласкали меня. Видно она получила удовольствие. Потому что когда я вышел из нее она прижала меня к себе и поцеловала. Встав с нее я ощутил запах дерьма поэтому пошел к реке и вымыл его. Но запах все ровно остался. Неожиданно я услышал шаги и замер. Что ты тут делаешь услышал я голос Лены. Не знаю почему я тут же подмял ее под себя и вошел в нее она ойкнула и сжалась. Когда мой член оказался не там где нужно я успокоился. Замерла и она. Он медленно входил в ее плоть. Она сжимала меня ладошками за пояс и сжимая зубы шептала это точно должно быть туда. Но я пользуясь ее неосведомленностью продолжал проникновение.. Больно прошептала она когда я прилизался к ее

лицу. Поцеловав в подставленные губы я ощутил какие испытания она проходила. Но когда ее сфинксу начал сжиматься я кончил от моих сокращений ее тоже накрыло оргазмом и она уже не сдерживая эмоции разорвала тишину дачного массива криком радости и удовольствия, Поэтому когда мы вернулись к столу на нас смотрели с одобрением и завистью. В двухэтажном коттедже генерала нашлось всем места. Мы с Леной нашли себе место. Прижавшись ко мне она прошептала ты вошел не туда. Оторвав свое ухо от ее губ я смеясь спросил куда не туда. Она смутилась и даже в ночи было видно что она покраснела. Задрав ей ноги я снова вошел в нее под ее крик. Пыхтя и получая удовольствие я кончил и в конце получил от нее возглас удовольствия она тоже получила оргазм. Откинувшись на спину я уснул потому что уже не было сил. Пройдя через задний двор к даче профессора, я принял душ и вышел на запах дыма. Шашлык был уже готов, и я сел за стол. Мария Семёновна лукаво подмигнула мне, я ответил ей тем же. Под гитару пел Цой: *«Группа крови на рукаве…»* Я вспомнил свою прошлую молодость, и на душе стало удивительно хорошо и спокойно. Лена подсела ко мне и доверчиво прижалась к плечу. Аспирантка Маша бросила на нас ревнивый взгляд, но за стол так и не села, продолжая хлопотать возле мангала. Участковый, заметив генеральские погоны, остановился у калитки и козырнул, но заходить не стал. Было вкусно, шумно и весело. Над рекой стелился дым от костра, потрескивали дрова, звучали песни и смех. Никто не спешил расходиться. Разошлись мы только на рассвете, когда над водой начал подниматься лёгкий туман, а первые лучи солнца окрасили небо в розовые и золотистые тона. Даже тогда никому не хотелось уходить настолько тёплым и душевным получился этот вечер.

Глава 34

Проснувшись утром, я прошёл на пирс и застал там Высоцкого. Он сидел с простой удочкой и ловил плотву. Увидев меня, он улыбнулся и приложил палец к губам, прося не шуметь. Я кивнул и не стал мешать его занятию. Развернувшись, пошёл по узкой тропинке вниз по течению. Белую фигурку Маши заметил сразу. Похоже, она тоже решила сменить место для купания, чтобы не тревожить рыбака. Услышав шаги, девушка обернулась. Заметив меня, она лукаво улыбнулась и вышла из воды. Доброе утро, произнесла она таким тоном, словно ждала именно меня. Солнечные капли блестели на её плечах, а во взгляде читался откровенный вызов. Вот только этого мне с утра не хватало, подумал я, направляясь к ней. Маша явно была настроена на разговор и не собиралась упускать возможность остаться со мной наедине. Ты обещал мне книгу сказала она с укором и развернувшись выпятила свой округлый зад. Грех было не воспользоваться и я вошел в нее. Уперевшись о дерево она бросала на меня игривые взгляды. Послышались шаги. Маша мгновенно юркнула в воду и скрылась среди камышей. Я поправил одежду, обернулся и увидел Лену. Сонная, с растрёпанными волосами, она подошла ко мне и, прижавшись, тихо произнесла: Доброе утро. А я тебя потеряла. Просыпаюсь а тебя нет. Я улыбнулся и обнял её. Решил немного прогуляться. Лена подняла на меня взгляд и смущённо сказала: Я ещё даже не успела привести себя в порядок. Это совершенно не важно, ответил я, прижимая её к себе. Она немного помолчала, потом тихо добавила: Ты знаешь, я вчера долго разговаривала с мамой… И о чём же? Лена покраснела и отвела глаза. О взрослых отношениях. Оказывается, я ещё очень многого не понимаю. И она сказала, что это делается не туда. Я рассмеялся, и она тоже засмеялась вместе со мной. Куда не туда издевался я над нею. Ну у девушек есть вход и выход так вот ты вошел в выход пыталась объяснить она. Ничего, разберёмся, сказал я. Она вдруг легко выскользнула из моих объятий и побежала по тропинке. Эй, стой! крикнул я ей вслед. Лена обернулась, показала язык и ускорила шаг. Пришлось догонять её. Выбежав на залитую утренним солнцем полянку, она закружилась на месте, счастливая и беззаботная. Ветер играл её волосами, а смех разносился далеко над рекой. В такие минуты казалось, что весь мир принадлежит только нам двоим. Я догнал её уже у самого края поляны. Лена остановилась, тяжело дыша после бега, и с улыбкой посмотрела на меня. Попалась, сказал я, беря её за руку. Это ещё неизвестно, кто кого поймал, засмеялась она. Утро было удивительно тихим. Над рекой ещё висела лёгкая дымка, в траве блестела роса, а где-то вдали куковала кукушка. Мир словно только просыпался вместе с нами. Мы медленно пошли обратно к даче. Лена держала меня под руку и время от времени прижималась плечом. Хорошо здесь, сказала она. Не хочется никуда уезжать. И не надо думать об этом сегодня. А завтра? Завтра будет завтра. Она задумчиво кивнула. Когда мы подошли ближе к дому, от мангала уже тянуло дымком. Во дворе слышались голоса. Мария Семёновна хлопотала возле стола, профессор что-то оживлённо обсуждал с генералом, а с пирса доносился голос Высоцкого, который, похоже, был весьма доволен своим утренним уловом. Вот они! первой заметила нас Мария Семёновна. Молодёжь наконец проснулась. Лена смутилась и крепче взяла меня за руку. За столом уже собирались гости. Кто-то разливал чай, кто-то нарезал хлеб, а кто-то рассказывал вчерашние истории, которые с каждой новой версией становились всё интереснее. Я посмотрел на этих людей и неожиданно поймал себя на мысли, что давно не чувствовал такого спокойствия. Не было ни спешки, ни тревоги, ни необходимости что-то доказывать. Было только это летнее утро, близкие люди рядом и ощущение, что жизнь наконец-то течёт именно так, как должна. Завтрак затянулся почти до полудня. На столе появлялись всё новые и новые блюда. Мария Семёновна ворчала, что гости мало едят, и тут же подкладывала каждому добавку. Профессор рассказывал университетские истории, генерал вспоминал службу, а Высоцкий сидел в стороне, чистил пойманную утром рыбу и время от времени вставлял короткие, но меткие заме-

чания, от которых весь стол взрывался смехом. Лена устроилась рядом со мной. Иногда наши взгляды встречались, и тогда она улыбалась той особенной улыбкой, которая предназначалась только мне. После завтрака мужчины вынесли во двор лавки и стулья. Кто-то предложил сыграть в шахматы. Профессор немедленно вызвал генерала на поединок. Сейчас посмотрим, кто из нас стратег, заявил он, расставляя фигуры. В армии стратегов хватает, усмехнулся генерал. А вот профессоров среди них немного. Вокруг доски быстро собрались зрители. Высоцкий тем временем взял гитару и устроился в тени старой яблони. Он перебирал струны, словно подбирая настроение для новой песни. Разговоры постепенно стихли. Над рекой стоял жаркий летний день. Лениво жужжали пчёлы, ветер шелестел листвой, а вода поблёскивала на солнце. Я отошёл к самому берегу и остановился на пирсе. Отсюда хорошо было видно противоположный берег, заросший густым лесом. Там ничего не изменилось за десятки лет, и от этого становилось удивительно спокойно. О чём задумался? Я обернулся. Рядом стояла Лена. Просто смотрю на реку. Она взяла меня под руку. А я смотрю на тебя. И что видишь? Человека, который всё время куда-то спешит, а сейчас впервые за долгое время остановился. Я улыбнулся. Может быть, ты права. Она положила голову мне на плечо. Со двора донеслись аплодисменты и чей-то возглас: Мат генералу! Через секунду раздался громкий смех профессора. Невозможно, послышался возмущённый голос проигравшего. Мы переглянулись и тоже рассмеялись. День обещал быть длинным, тёплым и счастливым. А впереди было ещё столько разговоров, встреч и событий, о которых никто из нас пока даже не догадывался. Давай поженимся, прошептала Лена. Я крепче обнял её и улыбнулся. Зачем спешить? Нам ведь и так хорошо. Она уткнулась лицом мне в грудь и некоторое время молчала, слушая, как бьётся моё сердце. А мне хочется, чтобы всё было по-настоящему, тихо сказала она. Чтобы не нужно было расставаться, ждать, переживать. Я провёл рукой по её волосам. Разве сейчас не по-настоящему? Лена подняла глаза и посмотрела на меня долгим, серьёзным взглядом. По-настоящему. Именно поэтому мне страшно всё это потерять. Несколько секунд мы стояли молча. Вдалеке слышались голоса гостей, смех профессора и негромкий перебор гитарных струн. Никуда я не денусь, наконец произнёс я. Обещаешь? Обещаю. Она улыбнулась и снова прижалась ко мне. Над рекой пролетела чайка. Ветер слегка качнул прибрежный камыш. Где-то на даче снова раздался дружный смех видимо, генерал пытался отыграться за поражение в шахматах. Нас потеряют, сказала Лена. Уже наверняка ищут. Тогда пойдём? Пойдём. Но ещё несколько секунд мы не двигались с места, словно не хотели отпускать это тихое летнее утро, наполненное солнцем, запахом реки и ощущением, что впереди у нас целая жизнь.

Глава 35

После обеда профессор засобирался в город. Остальные гости тоже вдруг вспомнили, что у них есть дела, встречи и обязательства. Я отвёл профессора в сторону. Поможете с одним вопросом? спросил я. Генералу бы в КГБ перевестись. Островский задумчиво нахмурился. Генеральских должностей там немного. Непростая задача. А кому сейчас легко? усмехнулся я. Профессор покачал головой. Подумаю, с кем можно поговорить. Но обещать ничего не буду. Мы пожали друг другу руки. Проводив его взглядом, я вспомнил про Кашпировского. Нужно было как-то выйти на связь, не привлекая лишнего внимания. Я направился к Высоцкому, который сидел на крыльце с неизменной гитарой. Володя, надо встретиться с Анатолием. Позвони в контору, попроси врача. Высоцкий поморщился. Да ну их. Достали уже своими разговорами и наблюдениями. Сам позвони и попроси встречи. Как знаешь. Я пожал плечами и направился к даче генерала. У калитки стояла Лена. Она как раз прощалась с родителями. Ольга Сергеевна несколько раз напомнила дочери беречь себя, отец обнял её на прощание, после чего машина медленно выехала на дорогу и скрылась за поворотом. Лена ещё некоторое время смотрела ей вслед. Уехали, тихо сказала она. Уехали, согласился я. Она повернулась ко мне. В её глазах появилось какое-то новое, непривычно серьёзное выражение. Теперь здесь совсем тихо. Я улыбнулся. Надолго этой тишины всё равно не хватит. Возможно. Она взяла меня за руку и потянула к дому. Внутри было прохладно. Сквозь занавески пробивались солнечные лучи, на столе ещё стояли чашки после утреннего чаепития, а где-то за окном стрекотали кузнечики. Лена устроилась рядом на диване и положила голову мне на плечо. Знаешь, сказала она после долгого молчания, мне кажется, эти выходные я запомню на всю жизнь. Почему? Потому что впервые почувствовала себя счастливой и перестала думать о том, что будет завтра. Я посмотрел на неё и понял, что сейчас она говорит совершенно искренне. За окном медленно текло лето, а впереди нас ждали события, которые могли изменить жизнь каждого из присутствовавших на этой даче. Неожиданно ее рука скользнула мне в штаны и ее ладошки сжали его тактильно ощущая как он набухает. Выкатив ее грудь из халата я тоже увидел как набухает ее розовый сосок. она увидев этот процесс покраснела и спрятала лицо в моей груди. Справившись со своим смущением она прильнула к моим губам. Нацеловавшись я направил ее голову туда где находилась ее рука. Что шутливо спросила она но по ее игривым глазам было понятно что она знает об этом процессе. Попробуй его на вкус прошептал я. Она замотала головой разбрасывая волосы не-е-т засмеялась она и вскочила. Пришлось догонять ее. Догнал ее в спальне. Она уже на бегу скинула халат и прыгнула на кровать. Ее груди колыхались а ноги раздвинулись оголяя растительность на лобке и розовую промежность. Я тоже скинул одежду и пополз к ней по кровати. Она закрыла глаза и была в ожидании. Но я прополз выше и уперся членом ей в подбородок. Она засмеялась. Ты хоть помыл его возмутилась она. Конечно убедительно ответил я. Она кокетливо стрельнула глазками и взяла его в рот. Осторожно и неумело. Даже в той прошлой жизни я получал миньет только за деньги или в первый год брачной жизни. То есть не часто. Лена тоже была не королевой миньета. Поэтому особого удовольствия я не получил. Понравилось спросила она вытирая слюну с губ. Ты было великолепна похвалил я ее. Рот тоже не для этого возмущенно произнесла она и с легкой обидой добавила давай не будем туда пихать и засмеялась. Куда туда поддел я ее. Ну сам же знаешь куда ответила она смущаясь. Я лег на нее и сжал ее ноги своими. Мы целовались до упоения. Оторвавшись от моих губ она прошептала возьми меня я вся твоя. Угу промычал я теребя языком ее сосок. Мой член скользил по ее влажной промежности. Она затихла прислушиваясь к новым ощущениям. Когда возбуждение достигло апогея она оторвалась от моих губ и выгнулась приподнимая меня всем телом. Томный стон вырвался из ее груди и она закатив глаза кончила. Оправившись от оргазма она попыталась раздвинуть ноги и запустить меня вовнутрь

но я воспротивился этому и продолжал водить по поверхности ее промежности. Когда оргазм подкатил к завершению я подскочил к ее лицу и обливая ее брызгами спермы вонзил ей в рот. Она вытаращила глаза и покорно принимала его. Дождавшись когда она проглотит мой сюрприз я лег рядом. Она смущаясь легла рядом. Интересный вкус призналась она. не знаю не пробовал ответил я. Она стукнула игрива ладошкой и засмеялась дурак припечатала она и взобралась на меня пытаясь насадится на него. Но он потеряв уже форму выскользнул из ее промежности и она засмеялась. Он уснул прошептала она с умилением. Вот теперь надо его ротиком разбудить сказал я наставительно. Она не заставила себя уговаривать и прильнула к нему. Приведя его в твердое состояние она снова попыталась насадится но я остановил ее. Почему игриво возмутилась она. Потому что это будет после свадьбы ответил я. Она крикнула вот видишь это сдерживает тебя давай поженимся или сделаем это прямо сейчас я хочу настоящего секса. Ее речь поразила меня своей смелостью. Она пристально смотрела на меня требуя чтобы я сделал ее женщиной прямо сейчас. Пришлось подчиниться Положив ее на спину лег на нее и раздвинув ноги воткнул кончик. Она пожала губки и прислушивалась к своим ощущениям. Мне тоже было интересно запомнить этот процесс. Первый и единственный раз когда я занимался дефлоктацией это было после свадьбы. Но он прошел сумбурно, Помню как сунул член в жену и уже не смог остановиться потому что это был мой первый раз обладания женщиной. И уже потом рассмотрел ее вымазанные кровью ляжки и бурые разводы на простыне. Теперь же я умудренный опытом лет медленно входил в это юное и прекрасное тело которая не была мне женой но очень хотела стать женщиной. Откуда у нее такое желание я не знал и поэтому спросил ее. Зачем тебе это. Она густо покраснела но ответила. Переведя наши отношения на новый уровень. Понимаешь все было как всегда пока ты не поцеловал меня. Во мне что то проснулось говорила она пряча глаза в ресницах. А когда ты сунул его в попу вообще спать не могу прям свербит внутри. И даже когда получаю удовлетворение внутри горит огонь и прям просит чтоб почесали внутри. Я уже боясь что сама ночью залезу рукой туда. Она уткнулась лицом мне в плечо и подалась бедрами ко мне помогая члену проникнуть внутрь. Но он упирался в ее диафрагму и не хотел входить. Я присел у ее раздвинутых бедер и заглянул туда. Что там спросила она сгорая от любопытства. Я притащил с кухни большое зеркало и показал ей ее промежность. Мы с интересом рассматривали ее красивую писечку и диафрагму которая перекрывало вход во внутрь. Насмотревшись вдоволь она пожелала сама разорвать это препятствие и сев мне на ляжки направила его рукой в себя. Соски ее набухли а живот дрожал в возбуждении. Мы как будто бы услышали хлопок разрывающейся мембраны и мой член как первопроходец оказался у нее внутри подарив незабываемое наслаждение. Она обняла меня прижавшись твердыми от возбуждения грудями и заерзала бедрами. Движения ее стали размеренными и осознанными. Она знала что делала и глаза ее горели от осознания что она управляет процессом. Ее бедра выгибались и она чувствовала его внутри себя и получала наслаждение от процесса. Двигаясь и замирая сдерживая оргазм. Но вот наступил пик возбуждения и она уже не в силах была сдерживать процесс. Громко шлепая голой попой об мои бедра она закричала запрокинув голову и прижалась посильнее ко мне. Тело ее дрожало и она не сдерживая эмоций продолжала получать удовольствие. Я тоже не удержался и кончил в нее. Ты тоже кончил радостно крикнула она смотря мне в глаза. Я чувствую как твоя горячая сперма растекается по мне произнесла она и впилась мне в губы..Насладившись поцелуем она откинулась на спину и легла с раздвинутыми ногами показывая мне как из ее измазанных в крови бедер вытекает белая слизь с красными прожилками. Твои дети разбегаются сказала она со смехом. Это было довольно смелое утверждение, я поразился как раскрепостилась она после этого процесса. Подобрав ладонью слизь она размазала ее по грудям и игриво посмотрев на меня. Иди ко мне позвала она и протянула руку. Я пошел на ее зов и не заметил как ее сосок оказался у меня во рту. Она расхохоталась ну что попробовал вкус своей спермы радостно закричала она. Ах ты проказница вскрикнул я поняв что она намеренно сделала это. И задрав

ей ноги проник в нее. Глаза ее закатились и она снова кончила давай еще -еще кричала она помогая руками и управляя движениями. Когда я кончил то насчитал три ее оргазма. Обессиленно упав рядом я закрыл глаза от удовольствия. Ну как тебе новая женщина прошептала она смеясь. Это всегда так бывает спросила она заглядывая мне в глаза. Не знаю признался я у меня в первый раз. она присосалась к моим губам и легла сверху. Вращая бедрами она нанизалась на меня и продолжила движения. У меня уже не было сил но мой дружок держал форму от эксцентричности момента. Кончив в очередной раз она легла рядом и быстро уснула. Уснул и я.

Глава 36

Проснулись мы уже вечером. За окном медленно сгущались сумерки, а в комнате стояла приятная прохлада. Лена придвинулась ближе и поцеловала меня. Я теперь твоя женщина, серьёзно сказала она. Потом немного помолчала и снова задала вопрос, который в последнее время звучал всё чаще: А почему ты не хочешь жениться на мне? Меня удивляла её настойчивость. С одной стороны, было приятно видеть такую искреннюю привязанность, а с другой становилось неловко от того, что она постоянно возвращалась к этой теме. Лен, дело не в том, что я не хочу, осторожно ответил я. Просто такие решения не принимают за несколько дней. Но ты же меня любишь? Люблю. Тогда чего ждать? Я улыбнулся. Жизнь длинная. А хорошее решение должно быть обдуманным. Она недовольно наморщила нос. Это ты сейчас как профессор говоришь. Возможно, слишком много времени провёл в его компании. Лена тихо рассмеялась, но в её глазах всё ещё оставалась тревога. Я просто боюсь, что однажды ты исчезнешь так же неожиданно, как появился. Эти слова прозвучали настолько искренне, что мне стало не по себе. Я обнял её за плечи. Никуда я не собираюсь исчезать. Она внимательно посмотрела на меня, словно пытаясь понять, можно ли верить этому обещанию. В этот момент с улицы донёсся шум подъехавшей машины. Затем хлопнула калитка. Кажется, твой отец вернулся, сказал я. Лена тяжело вздохнула. Вот и закончился наш спокойный день. Мы переглянулись и невольно улыбнулись друг другу. Во дворе хлопнула дверца машины. Затем послышались голоса и тяжёлые шаги по дорожке. Лена недовольно поморщилась. Папа. А ты ожидала кого-то другого? усмехнулся я. Нет. Просто время рядом с тобой пролетает слишком быстро. Она поправила волосы и подошла к окну. Во двор действительно вошёл генерал. Вид у него был усталый, но довольный. Через несколько минут входная дверь открылась. Молодёжь, вы дома? раздался его голос. Дома! крикнула Лена. Мы вышли в гостиную. Генерал поставил на стол портфель, снял китель и внимательно посмотрел на нас. Судя по вашим лицам, день прошёл неплохо. Жаловаться не будем, ответил я. Он усмехнулся. Это хорошо. А у меня новости. Мы с Леной переглянулись. Какие? Генерал налил себе стакан воды и сел за стол. Сегодня встречался с несколькими людьми. По поводу службы тоже разговаривал. Пока ничего конкретного, но некоторые двери, которые казались закрытыми, неожиданно начали приоткрываться. Я сразу вспомнил разговор с профессором. Значит, надежда есть? Надежда есть всегда, ответил генерал. Вопрос только в том, сколько усилий придётся приложить. Лена поставила чайник. Опять вы про работу. А о чём ещё говорить взрослым людям? рассмеялся генерал. Например, о жизни. Жизнь, дочка, как раз и состоит из работы, друзей и людей, которые рядом. Он на мгновение замолчал и внимательно посмотрел на нас. Кстати, о людях рядом. Дмитрий, задержись после ужина. Есть разговор. Я кивнул, хотя уже понимал, что лёгким этот разговор не будет. Генерал редко произносил такие фразы просто так. За окнами окончательно стемнело. Где-то вдали зажглись огни дачного посёлка, а вместе с вечерней прохладой пришло ощущение, что спокойные выходные подходят к концу и впереди начинается новый этап событий. Когда с ужином было покончено, мы с генералом вышли к реке. Вечер был тихим. Вода лениво плескалась о сваи пирса, а над противоположным берегом уже сгущались сумерки. Некоторое время мы шли молча. Когда свадьба? неожиданно спросил генерал, не оборачиваясь. Я сразу понял, что меня загнали в угол. Не спешим ли мы? осторожно зашёл я с другой стороны. Генерал усмехнулся. Смотри, как бы потом поздно не было. Он остановился и посмотрел на реку. Ваши отношения давно вышли за рамки простого ухаживания. И я не хочу, чтобы моя дочь выходила замуж в спешке только потому, что вы слишком долго тянули с решением. Я промолчал. Она вся в мать, продолжил он. А мать у неё в молодости была женщиной темпераментной и решительной. Если что-то решила обязательно добьётся. Я невольно улыбнулся. В этих словах чувствовался большой жизненный опыт. Так что давайте сыграем свадьбу до сен-

тября, подвёл итог генерал. Он обернулся и по-отечески похлопал меня по плечу. Сделай предложение сегодня. Хотя нет, лучше завтра. Не хочу, чтобы это выглядело так, будто я на тебя давил. Понял. Поверь старому человеку, твоя жизнь от этого не закончится. Наоборот. Просто рядом появится человек, который будет идти с тобой одной дорогой. Он на секунду задумался и добавил: А у меня, глядишь, и внуки появятся. Генерал рассмеялся. Я тоже не удержался от улыбки. Мы вернулись к дому. Через несколько минут он попрощался, сел в машину и уехал в город. Я ещё некоторое время смотрел вслед удаляющимся огням автомобиля. Зачем приезжал отец? раздался за спиной голос Лены. Я обернулся. Она стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и внимательно смотрела на меня. Обсуждали работу, ответил я. Лена прищурилась. Врёшь. С чего ты взяла? Потому что после разговора о работе люди обычно не выглядят так задумчиво. Я поднялся на крыльцо. Ты слишком хорошо меня изучила. Конечно. Я же собираюсь прожить с тобой всю жизнь. Она произнесла это совершенно серьёзно и даже не заметила, как сильно задела меня этими словами. На мгновение я замер. Генерал был прав. Рано или поздно этот разговор должен был состояться. И, похоже, «позже» наступало гораздо быстрее, чем мне хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.